

A521

кр.

12.10.915

АЛТАЙ

4. 1984

1210915

А521
кр

АЛТАЙ

1984

4

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Издается с 1947 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Виталий ШЕВЧЕНКО. Последний тайфун. Повесть. (Окончание)	5
Владимир МАРЧЕНКО. Что-то не так. Повесть	43

ПОЭЗИЯ

Сергей ВОЛЬФЕРЦ. Солдатская память. Стихи	3
Владимир КАЗАКОВ. Хлеб на столе. Стихи	40
Николай ЧЕРКАСОВ. Простор полей. Стихи	103

МЕРИДИАНЫ ДРУЖБЫ

Александр НЕВСКИЙ. Максимка Орлов	106
---	-----

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Борис УКАЧИН. «...Верный мечте и труду»	109
Юрий СОРОКИН. Дорога к себе	113

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наталья РОДИОНОВА. Не только развлекать, но и воспитывать	116
Алексей ГОРШЕНИН. Подвижник сибирской литературы. К 70-летию со дня рождения Н. Н. Яновского	121
Н. ЯНОВСКИЙ. Неопубликованное ранее произведение Н. М. Ядринцева (К 90-летию со дня смерти Н. М. Ядринцева)	126
Н. М. ЯДРИНЦЕВ. Новые потребности Сибири. (Публикация Н. Яновского)	128

(см. на обороте)

БАРНАУЛ. АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1984

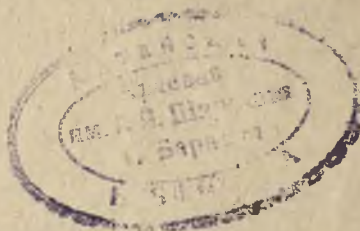
Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Геннадий ТАРАСОВ. Чары любви. Рассказ	131
Владимир ТИТОВ. Кстати, о Сидорове... Рассказ	133
Владимир НЕХАЕВ. Дальше некуда! Новый вид спорта. Юморески	135

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, П. А. БОРОДКИН, В. Ф. ГОРН,
Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ, Л. И. КВИН,
Я. Е. КРИВОНОСОВ, Г. П. ПАНОВ, И. М. ПАНТЮХОВ,
Н. М. ЧЕРКАСОВ

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1984 № 4

Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова
Корректоры Н. Тырышкина, Г. Ульченко

Рукописи не возвращаются

АГ 00127. Сдано в набор 22. 10. 1984 г. Подписано к печати 22. 11. 1984 г. Формат
70x108/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 11,9. Усл. кр.-отт. 12,338. Уч.-изд. л. 13,851.
Тираж 7000 экз. Заказ № 1227. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии
и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

Адрес редакции: 656099, Барнаул, пр. Строителей, 11-а. Тел. 2-14-53.

© «Алтай», № 4 1984 г.

Вольферц Сергей Иванович родился в 1925 году на Алтае. Рядовым пехоты воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Был тяжело ранен, контужен. После войны почти сорок лет работал. Лишь недавно бывший воин вышел на пенсию. Стихи публиковались в краевых газетах, в альманахе «Алтай». Живет в г. Барнауле.

Сергей ВОЛЬФЕРЦ

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТЬ

ПОДАРОК

Есть в памяти моей такие даты,
Которых я не в силах позабыть...
Справляли день рождения солдату,
Счастливой пожелали мне судьбы.

Из нашей роты медсестричка встала
(Нам отдых улыбнулся в этот день),
Смеясь, при всех меня поцеловала
И подарила новенький ремень!

Как будто подарила жизнь в награду,
Коть жизнь у каждого — одна!
Наутро шли в атаку с нею рядом,
И уцелел, но не дошла она...

Мы шли в штыки с неистребимой верой,
Что покарать врага достанет сил.
Осколок пряжку вмял до полусферы,
Подругу рикошетом поразив.

Похоронили на рассвете Галю
У Свислочи под дубом на лугу...
«Катюши» смерчем отсалютовали,
Стократ воздав проклятому врагу.

Судьба ль меня от смерти оградила,
Коть я не раз помечен был в бою!
Вет, видно, Галя жизнь мне подарила
И юность неумную свою!

Сейчас бы ей идти по светлой жизни,
Кастить детей, мечтать и песни петь...
Но шла война, и за судьбу Отчизны
Из нас готов был каждый умереть!

СВЕРСТНИКАМ

Взволнованно смотрю на пряди седины:
Как рано вы, ребята, поседели...
Года, пришпоренные бедами войны,
В карьер по нашим судьбам пролетели.

Мы все познали — счастье и беду,
На сущем всем свои оставив метки,
Вкус хлеба знали, ели лебеду —
Так Родине давались пятилетки.

Нас только юность розовым крылом
За окоемы детства поманила,
Войны зловещий, страшный гром
Потряс Отчизну с небывалой силой.

Фашизм надумал все у нас отнять,
Лишить не только крова, но и жизни.
Нам приказали в строй солдатский встать
И защитить любимую Отчизну.

Какой ценой война досталась нам!
До сей поры разыскиваем павших,
И мы, живые, долго по ночам
В тревожных снах пластались
в рукопашных.

И пусть мы юность отдали войне,
Нас не сломили беды и печали.
Мы жили с веком бурным наравне
И легкостей житейских не искали.

Что рано поседели — не беда,
Мы у судьбы поблажек не просили:

Жила бы Родина, свободою горда,
Под светлым именем Советская Россия.

Мы в День Победы, горечь затаив,
Помянем павших чаркою по-братски.
Над нами Мир, как памятник стоит
Суровой нашей юности солдатской!

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТЬ

Забуть бы сердцем давние тревоги:
Не «мессершмитты» — Мир над головой,
Солдатские окопы и дороги
Запаханы и поросли травой.

И нам пора бы от войны остынуть,
Убрать с души очерченевший гнет,
Не вдруг воспоминания нахлынут —
И по сердцу, как бритвой, полоснет.

Нет, нам воспоминанья — не улада,
Людская боль в крови с войны живет.
Во сне мы ждем: вот прозвучит команда,
И нас комбат в атаку поведет.

К нам радости приходят через призму
Видений горьких. Не проходит дня,
Чтоб не терзались: неужель фашизму
Позволят снова голову поднять?

Хотя давно убеждена планета
Среди глобальных помыслов своих,
Что Мир над Родиной хранят ракеты
Да обелиски сверстников моих!

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

К земле родной, как к Матери-Святыне,
Ты в День Победы припади, мой брат,
Услышишь стоны горестной Хатыни
И Бухенвальда траурный набат.

Земля Отчизны будто бы живая,
В себя вбирая память на века,
Друзей в бессмертие определяет,
В позор с бесчестьем — клятого врага.

В Хатыни я у памятника Деду,
Что вынес внука мертвым из огня,
Поклялся, что об этом в День Победы
Все земляки узнают от меня.

Свежа там память о родных и близких,
Сгоревших в страшном пламени войны;

Вся Беларусь в надгробьях-obeliskах
Хранит ее средь мирной тишины.

Но чтоб беда не повторилась эта
И дольше в памяти людской жила:
— Храните Мир! — гудят на всю планету
В Хатыни скорбные колокола.

К земле родной, как к Матери-Святыне,
В наш День Победный припади, мой брат:
Ты слышишь стоны горестной Хатыни
И Бухенвальда траурный набат!

ПАМЯТИ ДРУГА

Так вышло. Случилось так в жизни —
Мы отдали юность войне.
Из рек, что текут по Отчизне,
Лишь Свислочь всех памятной мне.

А были и Днепр, и Припять,
И светлая Березина...
Мне чашу солдатскую выпить
До дна повелела война.

Обвальню сработала память:
И вот будто явь, а не сон, —
Багровое с грохотом пламя
Накрыло вдруг наш батальон!

Лежит он впритирку с землею,
К реке и болоту прижат,
Снаряды со скрежетом воют,
Осколки свистят и визжат.

Конец огневой заварухе,
Рванулись мы с криком «ура!»...
Жена меня треплет за руки:
— Вставай, на работу пора...

А сердце с захлебамы бьется
И пьет, как бальзам, тишину...
Неужто всю жизнь нам придется
Грозу принимать за войну!?

Мне память о Свислочи древней
До боли души дорога:
Я друга из нашей деревни
Зарыл на ее берегах.

Атакой стремительной силы
Там враг был отброшен и смят...
Об этом над братской могилой
Дубы неумолчно шумят.

Виталий ШЕВЧЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ ТАЙФУН*

ПОВЕСТЬ

В КИТАЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

До конца привала оставалось меньше часа, когда Олега Хуторенко осенило: «Арба нужна. Беркута обменять надо». С этим и подошел к Бушуеву, выразительно кивнул в сторону небольшой китайской деревушки, пританцвавшей за прочной глинобитной стеной.

— А почему бы и нет?! — оживился Бушуев. — Люди не железные...

Деревня со стороны реки казалась безлюдной: ни дымка над фанзами, ни единой души возле ворот.

«А может, пустая она? Мертвая?» — подумал Олег, сворачивая с дороги. Только нет: по ту сторону примитивной бревенчатой арки толпятся несколько суетливых сельчан в окружении детворы. Дети полуголые, доверчиво машут красными флажками. На рукавах у взрослых алеют повязки. Очевидно, нашелся у кого-то красный лоскут, и его добросовестно располосовали на всех.

— Руси — шанго! Капитана — шанго! Хао! Хао! — вразнобой зашумели китайцы, когда Хуторенко в сопровождении Ильина, Рубинчика и Эдемова, ведущего в поводу Беркута, подошли к воротам. Многие из встречающих при этом бойко вздымали торчком большой палец.

— Нам нужна повозка, бричка, арба.

Крестьяне молчали, и Олег сразу понял, что старался он зря.

— Надо Беркута отдать, тогда быстрее поймут, — предложил Ильин. — А ну, Яша, покалякай с народом.

— О, да здесь на целый эскадрон лошадей есть! — обрадовался Назармат. И действительно: по обе стороны от ворот стояли открытые деревянные навесы, под которыми в теплом полумраке неторопливо помахивали длинными хвостами несколько десятков хорошо ухоженных лошадей.

Оглядевшись, Хуторенко увидел теперь и остальных жителей этой первой на его пути китайской деревушки. Детвора, отхлынув, облепила крыши. Женщины с любопытством выглядывали из фанз. Мужчины и подростки молча сбились тесной толпой. Красные флажки, банты, повязки делали пестрой эту убого одетую, по-доброму улыбающуюся толпу.

Назармат повел Беркута под правый навес. Яша, указывая на него, что-то лопотал по-китайски. На этот раз он преуспел, его вроде поняли крестьяне, дружно потрясли тишину:

— Хао! Хао! Шанго, капитана! Шанго!

Многие из тех, кто постарше, учтиво кланялись, старались пожать нашим воинам руки. С Олегом они не решались обращаться так же

* Окончание (начало см. «Алтай» № 2 с. г.).

просто, но когда он сам обнял стоявшего рядом старого китайца, толпа возликовала.

— Я — Олег, — сказал Хуторенко старику, тыкая пальцем себе в грудь. — А ты?

— Моя — И Чень, — понятливо улыбнулся старик и подтвердил сказанное таким же жестом.

— Повозка нам нужна, арба... — Олег теперь уже с надеждой посмотрел в глаза старику, но тот их опустил и стал что-то искать под ногами.

«Эх, переводчика бы! Настоящего!» — подумал Хуторенко и, терпя терпение, громко спросил столпившихся сельчан:

— Кто-нибудь понимает по-русски?

Старый И Чень поднял глаза и повелительно что-то крикнул. Сельчане загудели, расступились, и из толпы послышался хриплый, с едва уловимым кавказским акцентом голос:

— Всегда раньше понимал! Гога все понимает.

— Гога! Гога! — загудела толпа.

Теперь и Хуторенко увидел человека, назвавшегося Гогой. На смуглом его лице с порыжевшими от табака усами и черной с проседью бородой лихорадочно блестели с китайским разрезом глаза. На густой черной шевелюре, равномерно ниспадающей от макушки во все стороны, резко выделялись белые, как будто чужие, космы. Разноцветной казалась и челка, торчащая из-под новенькой юнкерской фуражки, которая неплохо дополняла такие же новые военные брюки и явно «спорила» с поношенным гражданским пиджаком, засаленной, неопределенного цвета сорочкой.

— Я из хорошей семьи, товарищ-господин офицер, можете не сомневаться, — заверил Гога, подходя к Хуторенко.

— Из рабочих, значит?

— Что ты! Я сын князя Гогавадзе. Незаконный, правда, черт возьми... Но не жалуюсь. Учился в Италии, кланялся богам в Индии, прогорел в Америке, ищу правду в Китае...

— А Россию почему обходишь? Грехи не пускают?.. — Хуторенко беззлобно спросил, вроде шутя, но Гога ответил серьезно:

— Был грех... Бутафорской казалась моему предку ваша мужицкая власть. С тем и угас, завещая мне вас ненавидеть. А у меня все руки не доходили. Я боготворил отца и презирал оборванцев. Потом понял, что и эмигрантов есть за что презирать, ибо кто есть они, если не плохо сшитые куклы, выброшенные, как говорится, на свалку вместе с бывшим театром?.. Ужас, товарищ-господин... Ты не представляешь, как я потрясен.

— Вот тебе и на! — улыбнулся Хуторенко. — А мне показалось... Оказывается — князь.

— Хорош князь! — добродушно ухмыльнулся Иван Ильин. — Бродяга!..

Гога отделился от толпы и, не удостоив Ильина взглядом, вплотную подошел к Хуторенко. Усы старика топорщились, клоч борода под нижней пухлой губой тоже как-то дыбился, налитые кровью белки глаз казались вблизи колючими. Только приглядевшись, можно было различить в холодной проруби тлеющие угли. Заглянуть в душу через такие глаза было нетрудно.

— Подлечиться бы, товарищ-господин. А то помянул вчера достопочтительного предка. Болею... Поверь!

Олег молча оглядел Гогу с головы до пят.

— Не сомневайтесь, товарищ-господин: Гога будет полезным. Знаю китайский, японский, английский. Но Гога пропадает, Гога сейчас умрет...

— Ильин! — окликнул сержанта Олег. — Поднеси-ка князю Гогавадзе...

Когда старик оторвался, наконец, от фляжки, пунцовые губы его расплылись в блаженной улыбке.

— У-ух! Довольно! В один рот двух ложек не впихнешь. Спасители вы мои! Зря я искал их на небе. А чем все кончилось?

— Оно и видно... — Ильин понимающе перемигнулся с Яшей. От Гоги не ускользнуло и это. Лицо его преобразилось: левая щека дернулась, губы свело в подобие оскала.

— Хотелось бы знать, что видно слепому? Но я вам откроюсь. По совету своего кумира Абу-Наср Мухаммеда аль-фарابي, этого гения и нищего, я пожертвовал всем своим наследством ради стремления постичь истину в этом мире. Я был вхож к сильным мира сего. Сам Чан Кайши пожал мне вот эту руку... А что я узрел там, на верхних этажах Поднебесной? Смесь мелочности с жестокостью, подозрительности с нечистоплотностью, нахрапистости с заячьей дрожью... Я боялся, что ослепну возле земных светил. Но я не ослеп. Я увидел там ординарных, серых, страшных в своей решительности, жестокосердных, перессорившихся честолюбцев, способных ради собственной выгоды погасить все звезды Вселенной. Не терпят сильные сильных. Отсюда — распри на земле... Конца не видно бедам человеческим...

— Ты не был в Яньани! — с укоризной оборвал его Хуторенко. — Там рождается новый Китай...

— Зато я туда еду, товарищ-господин. Всех хочу узреть: и земных владык, и небесных...

— Ладно, князь. Оставим небо. Ты лучше помоги мне земное дело решить. Переведи, пожалуйста, этим людям, что мы пришли им помочь обрести полную свободу. Они больше не будут гнуть хребет на самураев, кланяться их плети...

Гога перевел, и толпа оживилась, зашумела, посветлела от улыбок.

— Шанго, капитана! Шанго! Хао! Хао! — кричали худые, жилистые, облаченные в рубища люди.

— А теперь переведи, что нам нужна арба. Разъединственная. Мы вышли из тайги... Без обоза...

Гога перевел.

Толпа притихла.

— Добавьте, князь, что своего коня мы оставляем. Очень еще хороший конь, — нарушил затянувшееся молчание Олег.

Гога и насчет коня начал переводить, но его перебили:

— Доложи, Хуторенко, что здесь происходит!

Зычный голос со стороны ворот заставил оглянуться всех. Это был капитан Зайцев. По выражению лица нетрудно было догадаться, что замполит батальона отлично обо всем осведомлен.

— В роте много людей с потертостями, товарищ капитан. Повозку приказано раздобыть, — простодушно пояснил Олег.

— Кто приказал? — еще строже поинтересовался Зайцев.

— Старший лейтенант Бушуев разрешил, а инициатива, можно сказать, моя...

— Ясно! Значит, так... С потертостями в батальоне целый взвод наберется. Поведете их лично вы, товарищ лейтенант, с полной выкладкой и... без никаких повозок! Лошадь для китайского крестьянина — жизнь! Понимать надо...

— Так мы же обменять хотели, товарищ капитан, — пояснил сержант Ильин. — Беркута — взамен...

— Разрешаю! Коня оставляйте. Но — никаких «взамен». Поймите, ребята, что подумают китайские крестьяне, если мы скажем им «дай»...

— А если мы им покажем нашу, товарищ капитан, свежую братскую могилу, свои раны?.. Они ведь сами дадут. — Олег ясно представил себе бойцов, чьи плечи до живого растерты тяжелыми минометными вьюками, и победно посмотрел на замполита.

— Беркута отдавайте и — никаких торгов. Это приказ! — сухо повторил Зайцев.

— Шанго, капитана! Хао! Моя понимай мало-мало. Моя на Руси ходи. Амур ходи. Покупай-продавай. Да-а-авно ходи!

Отделившись от толпы, старый с жиденькой бородкой китаец пошел вплотную к Зайцеву.

— И Чень! И Чень! — почтительно зашумела толпа.

— Пасибо! Карашо! — сказал старик вместо «здравствуйте» и подал капитану две худых, сухих, со вздутыми жилами руки. Шершавыми пальцами, с подчеркнутым уважением он долго тряс руку Зайцеву. Обитатели фанз еще теснее окружили гостей. Доверчиво потянулись к ним руки:

— Шанго! Руси капитана! Хао! Хао!

Старому китайцу подсунули какую-то чурку и тот, возвышаясь над толпой, начал возбужденно и громко что-то говорить по-китайски. Олег не понимал слов, но отчетливо, как ему казалось, видел их отражение на лицах жителей деревни. Пришлось протиснуться поближе к Гоге, который вполголоса переводил капитану. А китаец говорил односельчанам о мужестве и благородстве советских солдат. Войска Чан Кайши, дескать, тоже хотели победить японцев. Только оккупанты не побежали от них, а вот теперь бегут... Русский солдат прошел тайгу, куда и ветрам дороги нет... Но техника наших друзей отстала. Без нее тяжело. И что же? Вместе того чтобы просить у нас коней, наши освободители привели нам своего коня и сказали: «Берите. Пусть он пашет ваши китайские поля! Пусть у вас будет больше риса! Пусть всходит над Китаем мирное солнце!..»

Толпа росла. Любопытство уплотняло ее, взаимопонимание смыкало круг. Рядом со старым И Ченем над толпой всплыла крупная голова с черной, жесткой, непослушной шевелюрой. Китаец был еще молод, но степенен, несуетлив. Руку над головой он поднял властно, с достоинством: дескать, тише, друзья, говорить буду...

Гога легонько толкнул Зайцева в бок.

— Это Ван — бывший солдат армии Чжу Дэ. В одной из операций попал в плен к японцам, сбежал из тюрьмы... Приехал за братом. Но японцы сгноили брата. Ван хочет помогать Красной Армии. Слышите, что говорит?

— Переводи! — попросил Зайцев.

— Постой! Послушать надо. Ну вот... Он, оказывается, хочет обменять имущество своего замученного брата на коня и арбу. Он говорит, что эта повозка нужнее всего сейчас нашим освободителям. Русские люди для нас своих жизней не жалеют, а мы пожалели для них коня... Позор! Вот что говорит Ван.

Олег пригляделся к оратору, подумал: «Душа!»

— А еще Ван говорит, что все китайцы должны помогать русским потому, что русские самые бескорыстные, самые верные, самые страшные их друзья. На тысячу лет друзья. На десять тысяч лет! Желających помогать Красной Армии Ван сегодня же будет записывать в отряд народных ополченцев...

Поятившись, Хуторенко едва не упал, когда уперся в невысокую горку саманного кирпича! Из любопытства взобрался на нее, огляделся. Нутро похолодело от увиденного: со стороны коновязи, сияющий и возбужденный, крепко держа под уздцы необъезженного племенного жеребца, напружиненно семенил Назармат Эдемов. Олега пот прошиб: в своем ли уме человек? Или ослеп и оглох, увидев лошадиного падишаха?

И снова, как из-под земли, первым возле Эдемова очутился старый И Чень:

— Ехай — нельзя! Садись — нельзя... Племя, племя!.. Атэц, атэц! Никто не ходи! Никто не садись...

Однако Эдемов уже ничего не слышал и не видел, кроме крутой, гривастой лошадиной шеи и гладкой, лоснящейся, слегка прогнутой спины.

И Чень что есть мочи закричал:

— Капитана! Некарошо!..

Толпа на мгновение замерла, затем неожиданно расступилась. Теперь уже не только Хуторенко, но и другие увидели счастливого Эдемова с пугливо всхрапывающим жеребцом в поводу.

— Это что еще за самодеятельность?! — возмутился Зайцев, переводя взгляд с побледневшего Хуторенко на сияющего Назармата.

— Я Беркута отдавал, — поспешно заговорил Эдемов. — Разрешение прошу давать, таварыш капитан... Один круг хочу давать. Всю жизнь такой конь снился!

Гога поспешно перевел лепет Назармата. Вовремя перевел. На сей раз от старого до малого все поняли, наконец, довольно-таки скромные намерения бойца. Старый И Чень смущенно замолчал, виновато застыл перед Зайцевым в почтительном поклоне:

— Шанго руси солдат! Шибко шанго!

— То-то и оно!.. — буркнул Иван Ильин. — Мы испокон веков такие: свое скорее отдадим...

В толпе все заулыбались. Оправился от смущения и старый китаец:

— Глазами смотри — конь шибко карашо! На спина садись — карашо нету! Понимай совсем-совсем нету, — доброжелательно ворчал он.

Капитан Зайцев истолковал такой поворот в поведении И Ченя по-своему:

— Ну, так что, лейтенант, разрешим джигиту удаль свою показать?

— А почему бы и нет, — взбодрился Хуторенко. — Давай, Эдемов, дуй! Только учти: шлепнешься — накажу...

Эдемов весело кивнул, подтянул поводья, крепко ухватился за гривастую холку и дружеским тумачком ткнул жеребца под рыжее брюхо. Тот молниеносно рванулся, толпа расступилась, и все увидели, как на полном скаку, упруго оттолкнувшись от земли, наш боец в мгновение ока очутился на лошадиной холке. Конь — остолбенел... Видать, не ожидал такого исхода. Он весь напрягся, как бы прислушиваясь к тому возмущению, которое распирало его изнутри, растекаясь по телу лихорадочной дрожью. Передалась она и Назармату, давая понять, что уже проснулась и закипает под ним слепая, дикая сила...

— Держись! — услышал Эдемов, когда жеребец, пятясь, стал зловеще приседать. Суевливыми передними и слегка подогнутыми задними ногами этот «атэц», казалось, решил взвесить всадника, прежде чем взбрыкнуть задом. Злоба распирала его, кипела в нем. Что-то хрустнуло в сведенной судорогой пасти. Но вот расщерился дракон, и вместе с клочьями пены на землю полетел осколок рыжеватого зуба... При этом конь так рванул поводья, что всадник на какое-то мгновение потерял их. И тут же следом неожиданно вздыбилась свечой озверевшая туша. Спасли Назармата только его хваткие шенкеля и цепкие руки. А необъезженный жеребец тем временем с каким-то яростным буйством, изогнувшись подковкой, старался проломить копытами землю. Но увь! Тогда он снова встал на дыбы, грызя трензеля. Глаза его налились кровью. «Эх, если бы не автомат», — с запоздалой досадой подумал Эдемов, после того как закинутый за спину ППШа больно запрыгал по спине. От горячего надкуса пена вокруг раздутых лошадиных ноздрей стала розовой.

Неудачная попытка сбросить седока, казалось, образумила жеребца. Мышцы его хотя и продолжали плясать под кожей, но сам он уже не взбрыкивал, а только гарцевал на месте, широко раздувая ноздри. И Назармат поверил коню, дружески похлопал его по сатанинской холке:

— Зачем так делаешь? Разве я враг? Нехорошо делаешь... — бормотал Эдемов, дружелюбно похлопывая бунтовщика по взмокшей шее.

На глинобитной площади перед воротами стало пусто: люди прижались к фанзам.

Все ожидали новых каверз от коня, а он взял и шагнул с покорностью в сторону раскрытых ворот. Торжествующая улыбка озарила лицо Назармата. А жеребец, словно только и ждал этой минутной расслабленности седока. Высоко вскинув длинный хвост, он глухо заржал, резко вздыбился, поколотил воздух передними ногами и с какой-то тигриной легкостью рванулся через ворота в чистое поле.

«Птица-конь!» — восхищенно, с замиранием сердца успел подумать Эдемов, прежде чем гривастый дьявол на полном скаку выпростал вперед ноги и почти сел на хвост, вспарывая копытами дорогу. Только искры из-под копыт. Висевший за спиной Эдемова автомат резко перелетел через голову, сбил пилотку с макушки и со всего маху шибанул круглым диском под дых. Теряя сознание и на лету обретая его, Эдемов окончательно очнулся уже на земле. Слезы обиды катились из его глаз.

— Кости целы? — склонился над бойцом лейтенант Хуторенко.

— Как будто, таварыш...

— Два наряда вне очереди, — перебил его Олег и скорее в шутку, чем всерьез, пояснил следом:

— За плохую езду...

— Мало два наряда, таварыш камандыр, — не скрывая обиды на коня, ответил Назармат. — Я его любить хотел. Совсем глупый конь...

ТАНЮШКИНА ПУЛЯ

Когда лейтенант Хуторенко, после неудачной попытки заполучить арбу, вслед за капитаном Зайцевым вышел со своими бойцами на шоссе, там уже выстраивались подразделения главных сил, вытягиваясь походной колонной в сторону Мулина.

Горевший продовольственный склад удалось погасить. Подкрепившись галетами и говяжьей тушенкой, бойцы выглядели молодцевато. Как будто и не было изнуряющего перехода через таежную глухомань, первого быстротечного боя. И только около двух десятков солдат, чьи плечи и ноги были основательно потерты, сгрудившись за пыльной обочиной дороги, виновато толпились вокруг старшины Медведкина. В сопровождении санинструктора, приравненные к легко раненым, они стыдились собственной беды и уверяли старшину, что не отстанут от остальных.

— Это вам не тайга, — ворчал парторг батальона. — На четвереньках броска к Мулину не совершишь. Вот и приказано всех вас в одну кучу... Вопросы есть?

Подшли капитан Зайцев и лейтенант Хуторенко.

— Твой это народ! Принимай. К утру, не позднее 6—00, быть здесь, в районе сосредоточения! — и Зайцев карандашом показал Олегу точку на карте. Получилась вмятина северо-восточнее Мулина.

— В потасовки без нужды не встревай, — продолжал капитан. — Помните, товарищи, — повернулся он к солдатам, — что на мелкие наши подразделения японские смертники нападают охотнее и чаще. Без боевого охранения — ни шагу... Вот — все! Вопросы?

— У меня есть... — Хуторенко замялся. — А как же мой взвод?

— Вам, товарищ лейтенант, — повышая голос, перешел Зайцев на «вы», — доверяется на время марша жизнь именно этих людей! Неужели не ясно?

Олег обошел строй, накоротке познакомился с теми, кого должен был провести сквозь ночные засады. Увидел Исаева — «старичка» с

орденом «Славы» на груди и ручным пулеметом за плечами. Он был наводчиком во взводе Горева — герой, весельчак и вот...

— А ты почему здесь? — удивился Олег.

— Тайга подвела, — невесело пробормотал Исаев. — Сгорела бы она, товарищ лейтенант. Не ожидал...

Наткнувшись на Яшу Рубинчика, лейтенант Хуторенко не удивился — обрадовался почему-то. А вот Лухтан его огорчил: не тем, что жевал в строю (этим грешил боец и раньше), а тем, что очутился в этой компании.

— Ты же не жаловался вроде...

Тот торопливо сглотнул, едва не подавившись сухой галетиной, потер подвижный кадык и наконец обрел дар речи.

— Ерунда тут у меня... Нога. Отпустите, товарищ лейтенант. Или весь расчет надо бы...

— Ишь чего захотел! А ну, всем разуться! Буду смотреть ваши болячки.

— Опоздали, товарищ лейтенант! Я уже смотрела...

Перед Олегом стояла рыжеватая девушка с пухлой санитарной сумкой через плечо и небольшим рюкзаком, который она закинула за спину небрежно, как авоську.

— Кто такая? Почему вмешиваетесь? — возмутился лейтенант, стараясь вспомнить, где ее встречал.

Она стояла перед Олегом ладная, подтянутая и смело смотрела ему в глаза.

— Дважды не знакомятся, товарищ лейтенант...

— Таня?! Как попала сюда? — Теперь и Олег вспомнил, что однажды танцевал с ней в Доме офицеров.

— Прибыла сопровождать больных. В ваше распоряжение...

— Ну вот: в мое, значит, подчинение... В общем, одного бойца я все равно погляжу. Разувайся, Лухтан! Покажи свою «ерунду».

Нехотя боец сел на землю, принялся стягивать сапоги...

А по дороге мимо приземистого, еще дымящегося склада шли и шли солдаты. Отрываясь от береговой полосы, они вытягивались в один зеленовато-серый поток, шоркали подошвами по шершавому, неукатанному гравию, горбились под тяжелыми вещмешками.

Когда берег совсем опустел, двинулся и Хуторенко вслед за полком со своей командой. Впереди боевое охранение, за ним, поддерживая зрительную связь, тянулись остальные. Танюшка шла замыкающей, подбадривая отстающих.

Дорога вела на запад. Вечерело. Солнце тяжело, как снаряд на излете, падало на хмурые бугры. Еще немного, и растает полк за поворотом дороги. Скроет все живое на земле дегтярная непроглядность.

— Шире шаг! — негромко, но строго требует Хуторенко, пропускающая мимо себя солдат. Он подождал, пока Таня поравнялась с ним, пошел с ней рядом.

— Вы бы еще бегом их погнали, товарищ лейтенант. Ну, чего вам стоит?

Говорила она с вызовом, плохо скрытым укором и не без подначки.

— Пойми: иначе и ночи не хватит...

— А жаль! — Она резковато закинула за спину санитарную сумку.

— Что жаль? — не понял Олег.

— Жаль, что никуда они все равно не побегут. Я бы наказывала за такие потертости. И прежде всего командиров.

— Думаешь, это от неумения...

— Ничего не думаю! Просто вижу теперь, что мелочей на войне не бывает...

— Не ворчала бы хоть ты! Достаточно с меня замполита...

— А кто ворчит? — повысила она голос. — Я требую! Ясно?!

Это мои больные. У меня на них — тоже права, товарищ лейтенант... Лицо ее светилось святым торжеством правоты.

Они остановились, поджидая отстающих. Олег поднес к глазам бинокль.

Сливаясь с хмурым небом, справа от него по ходу движения темнела гряда сопки. Слева, кутаясь в длинные тени, тянулась всхолмленная равнина, почти сплошь размалеванная прямыми межевыми полосками, отделяющими одно ухоженное поле от другого. И только впереди по ходу стреловидной шоссеики багрово наливалось закатной сукровицей чужое небо. Ясно увидел, что дорога вдальеке огибает лысую, в колдобинах сопку. Не радовали эти колдобины. Похоже было, что высота изрыта...

Двинулись осторожнее.

На подходе к сопке, прежде чем миновать поворот, Олег еще раз вскинул бинокль. «Да, окопчики на сопке есть, но вряд ли там удержались японцы: ведь столько войск прошло! Только что! Еще следы не остыли»... Прислушался: тишина, если не считать пошаркивания подошв о щбенку и тяжелого дыхания солдат. «Кажись, порядок», — облегченно вздохнул Олег.

Он вышел на обочину и стал подбадривать проходящих мимо. Увидел Танюшку в хвосте колонны и мысленно похвалил: «Никому не даст расслабляться — просто молодчага девка».

А вот и поворот. Неужели пронесло? Олег уже готов был поверить в это, когда перечеркивая пространство, на шоссеику со склона сопки полетел целый рой трассирующих пуль. Несколько срикошетило, высекая искры. Людей, как вихрем, разметало: все залегли.

Таня успела перевязать двоих и подбиралась к третьему, когда и ее ужалила самурайская пуля.

Стало яснее ясного, что, не уничтожив смертников, поворота дороги не преодолеть. Вражеский, наверняка заранее пристреленный пулемет давил, гнул к земле, не давая людям подняться. Впрочем, у лейтенанта был и другой выход: дожидаться полной темноты и скрытно вывести людей из-под огня. Но это означало бы потерю времени. А не лучше ли выслать штурмовую группу?! Пусть двинет руслом горного ручья, по узкому распадку обойдет самурайское логово и заткнет драконью пасть русской «лимонкой»!

— Ефрейтор Лухтан! — окликнул Олег своего временного помкомвзвода. Тот уже успел скинуть с плеч ненужный в данную минуту вьюк с двуногой-лафетом, достать и протереть запалы к гранатам.

— Возьми двух автоматчиков и жми в обход. Видишь лошину? И чтобы — в два счета!

Легко вздохнули только после того, когда одна за другой начали рваться на сопке наши гранаты. Потом автоматную очередь кто-то дал на высоте. Снова рвануло — только эхо покатилося над исхлестанной пулями гравийкой. И стало сразу тихо-тихо...

Еще ниже спустились сумерки, ступшевывая на западе и без того едва уловимую грань между тускнеющим небом и черной землей.

Первым поднялся наблюдавший в бинокль Олег. Подошел к Танюше, мягко провел пальцами вокруг запекшейся крови на щеке.

— Что здесь у тебя?

— Царапина. А пуля у меня здесь... — и она показала на живот.

Пока из плащ-палатки сооружали носилки для раненых, Олег достал папиросу и осторожно, пряча в ладошке огонь, прикурнул. В прежние времена всегда кто-то думал за него, решал. Теперь надеяться было не на кого...

Прислушались. Штурмовая группа, как в воду... Ни слуху ни духу. А от земли дневным жаром дохнуло, словно не гравий под ногами, а угли. Пока поджидали Лухтана, сумерки еще ниже спустились на угрюмые, враждебно притихшие маньчжурские сопки.

— Голос кто-то подает, товарищ лейтенант, — доложил Рубинчик. — Слышите? Кажется, возвращается Лухтан? И вроде подгоняет кого-то.

— Подождем! — спокойно ответил Хуторенко, хотя тревога не покидала души: «Вряд ли дотянусь к утру к району сосредоточения с таким войском. И Танюшку надо нести, и двух раненых. И неизвестно еще, сколько впереди самурайских засад».

Что-то треснуло за кустами, наверное, сухой прутик под чьим-то каблуком, и все насторожились, как на охоте.

— Да топай же ты, топай, шевелись! — четко долетел до Олега хорошо знакомый голос.

Лухтан вышел на дорогу, пропуская впереди себя контуженного японца.

— Трое их было, товарищ лейтенант. Двоих, извините, наповал, а этого оглушило. Все время просит руки развязать с тех пор, как очутился... По-нашему лопочет.

— Развяжи! Откуда русский знаешь? — беззлобно спросил Олег.

— Значит, надо было...

— Призвали или доброволец?

— Какая разница: для вас я — враг, — побагровел самурай.

— Да, на этом повороте ты в спину нам метил...

— Спина — это лучшее, что есть у врага... Вы тоже не любуетесь на наши спины...

— Честно говоря, не успеваем. Драпать вы мастаки.

Хуторенко почувствовал, что пленного аж передернуло от этих слов.

— Наше отступление — не бегство, — вспыхнул пленный, — это маневр.

— Товарищ лейтенант, — послышался голос Рубинчика с другого конца колонны, — кто-то по дороге катит. Колеса, видать, не смазаны... Слышите — тарыхтит?

— Проверь, Яша! Возьми пару автоматчиков и прикрывай нас с тыла. А ты, — обратился Олег к Исаеву, — впереди пойдешь, возглавишь боевое охранение. Ясно?

— С японцем не ясно... — вздохнул почему-то Лухтан.

Олег задумался, глядя на смертника.

— К нему приставь двоих. Да нагрузи как следует... Вещмешки тех, которых ранил, пусть сам волокет — вон какие плечи!

— Будет сделано, товарищ лейтенант! — оживился Лухтан. — Мы ему прочистим мозги! До Мулина...

— До Мулина надо еще дожить, — перебил его сердитый голос пленного. — Не позволяю...

И тут произошло непредвиденное: японец резко, как пружина, дернулся, кривой нож в его руке описал дугу и полоснул по собственному телу. Он обмяк, но не упал замертво, а опустился на колени, поддерживая «поплывший» живот...

А между тем небо и тускнеющий, как гаснущая головешка, горизонт начали сливаться в одну сплошную непроглядность. Стало слышно, как все ближе поскрипывает чья-то колымага.

Рубинчика с двумя бойцами ждали недолго. Они вернулись на добротной двухколесной арбе Вана. Приободрились бойцы, дружески стали тискать отважного китайского парня. Олег крепко обнял его:

— Ну ты, брат, молодчага! В самый раз подоспел...

Когда вещьмешок тяжело раненной Тани полетел в арбу, сено на ее дне зашевелилось, и оттуда, кряхтя, вылез человек. В сумерках его никто и не разглядел толком, а потому все насторожились, еще теснее обступили арбу.

— Прощу прощения. Я, кажется, вздремнул.

Олег узнал его по голосу: Гога.

— Куда я еду, разрешите поинтересоваться. Не везут ли овцу в логово тигра?

Ван подскочил к Хуторенко и что-то стал объяснять. Понять его было трудно. Подошел Гога, ткнулся бородой Олегу в плечо:

— Мой возница уверяет, что не заметил, как я залез в его арбу. Он просит у вас прощения. А зря! Я никому не был в тягость. Я не просто путешествую...

— Ты просто пьян, отец? — беззлобно оборвал старика Олег.

— Верно! Выпил с воробьиною слезу. Но могу быть премного полезен.

Потом резковато что-то проворчал по-китайски. Ван улыбнулся в ответ, примирительно протянул Гоге руку.

— Видите, — воспрянул духом бродячий князь, — переводчики всем нужны...

— Мы в Мулин, папаша. А вам куда? — Олег мигнул фонариком, недоверчиво осмотрел Гогу, и тот почувствовал это.

— Мне хоть куда. Я — птица. Сейчас — за вами лечу...

Торопливо очистили повозку от сена, поаккуратнее уложили вещи-мешки, прикрыли их сеном. Сверху бережно уложили раненых.

— Товарищ лейтенант! Можно вас? — окликнули Олега, и он пошел на голос. Лухтан стоял с Рубинчиком. Окликнул Лухтан.

— Товарищ лейтенант, — шепотом повторил боец. — Мы тут прикинули... Зачем он здесь, этот князь? Чего забыл среди ночи?

— А что ты предлагаешь?

— Пусть Яша приглядывает за ним, пусть прислушивается — вот мой совет.

На том и порешили.

Вслед за повозкой Вана шли теперь Олег, Гога и Яша. Замыкал колонну Исаев с двумя автоматчиками. Арба на двух высоких колесах нудно скрипела.

У Тани стали слипаться веки под этот скрип. Она часто вздрагивала, словно проваливалась куда-то. Заговорил Олег, пытаюсь подбодрить раненых:

— Потерпите малость. До утра...

Таня только вздохнула в ответ, молча облизала сухие губы. Олег коснулся ее лба, провел по волосам, на мгновение задержал ладонь, и она ухватилась за нее, прижала к мокрой щеке.

— Не хочу в чужой земле... Ты раньше думал о могиле? Я—нет...

Она слабо пожала его руку и долго-долго молчала.

«Уснула», — решил Олег и, обогнав повозку, поравнялся с худощавым Ваном — внуком, как потом выяснилось, старого И Ченя. Ван вел коня в поводу, чтобы не стеснять раненых.

— Понимаешь по-русски, Ван?

— Моя шибко понимаю! Шанго, капитана! Шибко шанго... Моя тоже домой не ходи. Мулин ходи, Муданьцзян. Красна Армии памагай нада, Чжу Дэ памагай, япон кончай, война кончай...

Шли без привалов долго и молча. Вздывившись, Большая Медведица уже уперлась хвостом в сопку. Значит, скоро рассвет. Олег давно это приметил, еще в Приморье: чуть ковырнул «ковш» землю, жди петушиной побудки. Поди, и здесь так.

Пахло солдатским потом и пылью. Мучила жажда. Уже не раз прокляли саке: вода, оказывается, дороже водки на солдатской тропе.

Вот и Танюша: опять попросила пить. Потом приподнялась на локте, поинтересовалась, который час, стала уверять, что у нее ничего не болит. Гога слегка прикоснулся к ее лбу, отозвал Олега, сокрушенно поцокал языком, прежде чем заговорить в самое ухо:

— Перед тем как погаснуть, пламя ярче горит. Липкий пот пошел. Боюсь, что река ее жизни скоро иссякнет...

На крутом повороте перед Мулином их застал рассвет. Невольно

остановились, потрясенные свежими следами недавнего боя. Правее крутого изгиба дороги темнел в мутноватых туманных клочьях почти отвесный, исклеванный норами амбразур уклон угольного карьера. Земля тут все еще дымилась. Чувствовалось, что именно здесь прошел с боем передовой отряд корпуса. Мертвые лежали головой к амбразурам. И только белокурый сержант с открытыми глазами сидел в глубоком дорожном кювете и, кажется, приглядывался к живым.

— Если у покойника открыты глаза, — пробормотал Гога, — значит, у него осталось важное незавершенное дело.

Бойцы притихли. Они заметили, что и у других наших ребят открыты глаза...

Сгоревшие «тридцатьчетверки» и подбитые самоходки сурово дополняли эту картину.

Несколько человек из похоронной команды копошились с лопатами, рыли рядом с дорогой братскую могилу.

Хуторенко объявил привал. Подошел к арбе. Тихо подошел, чтобы не потревожить Таню. Она лежала, раскинув руки и широко открыв глаза. Правая ее рука бессильно свисала с повозки.

— Отмучилась, — первым определил Яша, коснувшись ее руки. Молча закрыли глаза Тане, опустили тело на плащ-палатку, понесли к свежевырытой могиле.

В поношенной рубахе навывпуск, коротковатых брюках и японских ботинках на босу ногу подошел Ван. Он никогда не видел подобных захоронений: без ритуальных церемоний, без слез. А такой просторной могилы — тем более. Молча опустился перед убитыми на колени, застыл в долгом поклоне.

О чем думал Ван?

ДОЛГИЙ РАССВЕТ

Едва двинулись, показалась пыль со стороны тайги, послышался гул моторов. Дрожь от земли передавалась людям. Радостью передавалась, надеждой. Наконец-то! Солдаты прижались к обочине дороги и стали ждать.

Поравнявшись с Олегом и его людьми, танковая колонна остановилась. Это была только малая волна прорвавшейся из тайги лавины, скромный родничок, за которым вскоре хлынул мощный поток тяжелой боевой техники. От танковых траков несло таежной прелью.

Бойцы нагнавшей Олега колонны притихли: все здесь говорило о лютом бое, следы которого еще не спрятали время. Вразброс, в каких-то неправдоподобно однообразных, распластанных позах, лежали японцы. Косяками шли они в контратаку от угольного карьера, косяками и полегли...

Трупы наших бойцов были уже подобраны людьми из похоронной команды. Теперь в два ряда лежали они возле свежевырытой могилы.

Танкисты снимали шлемы.

Олега и его людей окружило сразу несколько человек в комбинезонах, но заговорил один — плотный, с властными повадками человек. По манере общения с людьми нетрудно было догадаться, что он тут старший.

— Докладывайте, лейтенант: кто? куда? зачем?

Выслушав лейтенанта Хуторенко, крепыш оглядел уставших людей.

— Дешево отделались! — заключил он. — Живо по машинам! Китайских товарищей — ко мне!

Подошли Ван и Гога.

— Спасибо, братья! Вы помогли нашим бойцам! — И командир танкового полка крепко пожал им руки. — Куда путь держите?

Гога перевел. Ван сосредоточенно сдвинул брови. Родинка на его носу зашевелилась от нервного подрагивания повлажневших ноздрей.

— Моя оружия ищи. Много-много люди находи. Отряд собирай. Япон стреляй...

— Я готов помочь ему, — подхватил в тон Гога.

— Э-э-э, друзья, самураев колотить вы, кажись, опоздали. А вот нашим бойцам вы успели помочь, факт! — Командир огляделся, нашел глазами нужного человека.

Олег не сразу его узнал — лейтенанта Васю Огнева. Прошлым летом, когда они (штангисты) защищали спортивную честь дивизии на армейской спартакиаде, Вася показался ему грузноватым, медлительным и даже ленивым. Теперь же Олег не узнал друга: исхудал Вася, почернел, стал вроде повыше ростом.

Командир жестом остановил Огнева, бойко кивнул в сторону Вана:

— Выдай-ка этим товарищам чего-нибудь... Сухим пайком. Ясно?

— По машинам! — послышалась команда.

Когда колонна двинулась, Олег Хуторенко еще раз увидел Вана: тот приветливо махал рукой.

Уже в танке, куда Огнев затащил Олега, молча помянули погибших.

Вскоре за поворотом показались окрестности Мулина, замелькали жилые дворы. Несмотря на раннее утро, город казался настороженным, взерошенным, оглушенным. Будто смерч посрывает кое-где крыши с особняков, разворотил приземистые хибарки. Между домами — во дворах и на улицах — везде, куда доставал глаз, вразброс, как стреляные гильзы, война раскидала мертвых.

Пустырь в центре Мулина — главная его площадь. В той ее стороне, где был небольшой сквер, наши солдаты рыли землю. Догадаться было нетрудно: еще одна могила...

Город все еще дымился, словно открытая рана. В кроне низкорослых деревьев удерживался запах пороховой и толовой гари. Даже над цветочными клумбами, словно запутавшись в стеблях, стоял этот вездесущий тяжеловатый дух. А мимо деревьев и сквера, постукивая деревянными сандалиями, а то и просто босиком, тянулись вслед за горожанами толпы крестьян. Многие — прямо с детьми. Толпа светилась, ликовала, пестрела красными повязками, флажками. На угловатых плечах — жалкие рубища в сплошных заплатках. Кое-кто прихватил мотыги: после митинга — в поле... Да, не зря говорится: погляди, как живут крестьяне, и ты узнаешь, счастлив ли народ.

Проезжая по городской площади, танковая колонна, подобравшая Олега с людьми, резко сбавила ход. Мулин готовился к митингу. Иные из местных жителей подбегали с ведрами прямо к танкистам, наперебой протягивали нашим бойцам кружки с водой. Пришлось на несколько минут остановить колонну. Не один десяток звездочек и солдатских значков тут же перекочевало в дружески протянутые руки...

Едва оторвались от площади, почувствовалась близость воды, показался мост. Река Мулинхэ после ливневых дождей гневно клокотала под мостом, неся мимо города свои мутные воды. Вместе с бревнами, бутылками, щепой и всяческим хламом волны все еще гнали за черту города мертвых японских вояк.

За мостом дорога вильнула влево, на Муданьцзян — главную крепость самураев. По правую сторону от гравийного полотна подковой простиралась плоская чаша заречной долины — район сосредоточения армии. Подступающие сопки казались зубчатыми краями этой чаши. На ее дне — кишело... Всю ночь стекались сюда части первого эшелона, чтобы с наступлением утра торопливо выплеснуться, хлынуть из чаши. И они хлынули: батальон за батальоном, полк за полком. Трясая зыбь автоматных очередей то и дело пробегала по густым солдатским цепям.

А направление одно — Муданьцзян...

В ПЕРЕДОВОМ ОТРЯДЕ

Прошла всего неделя с начала войны, а Марише показалась она второй жизнью. В прежней — было много солнца, надежд... Словно в других измерениях все тогда текло, сливаясь с травой, морем, комнатной в бараке. И вот все сразу оборвалось, кончилось каким-то провалом в грохот, огонь, кровь...

А судьба Зори? Где она теперь? Добралась ли до медсанбата после того, как горела в танке?..

С уходом Зори двойной груз лег на плечи Мариши. Приходилось успевать и раненых перевязывать, и дежурить возле уцелевшей рации.

— Товарищ полковник, у аппарата «Двадцатый», — стараясь не высовываться из-за борта самоходки, позвала она.

Командир передового боевого отряда Онищенко доложил обстановку:

— Опорный пункт противника в районе разъезда Сядун подавлен. Уничтожены рота железнодорожной охраны, два эшелона японской пехоты. Веду бой за станцию Хуалинь. Нахожусь на южной ее окраине...

— Потери? — перебил генерал.

— Восемнадцать танков из двадцати пяти, половина самоходных установок, две трети личного состава. Извините, товарищ «Двадцатый»...

Онищенко зажал ладонью трубку. Открытая на вокзале орудийная пальба оглушала. Нетрудно было понять, что к станции подходит очередной японский эшелон. Судя по оснастке открытых платформ — артиллерийский полк.

Об этом и доложил командиру корпуса.

— Жди подкрепления! — обнадежил тот. — В случае необходимости отходи севернее Эхэ.

Пахло пороховым чадом, жжеными скатами, паровозной сажей, набухшими кровью бинтами. Два японских эшелона не прошли, и вот ломится третий. Пропустить его к Муданьцзяну перед решающим штурмом никак нельзя.

— А ну-ка жми со своей сумкой в подвал вон того дома! — И Онищенко легонько подтолкнул Маришу. — Прихвати автомат на всякий... Организуй санпункт. Ясно?!

Пока перебегала через улочку, наши танки открыли по японскому эшелону огонь. Первый же снаряд угодил в паровоз. Платформы полезли одна на другую. Клубы пара, как дымовая завеса, скрыли японцев, когда после второго попадания паровоз вначале ухнул, как большая бочка, а потом зашипел и сошел с рельсов. Добрая половина орудий посрывалась с платформ, из остальных самураи открыли ответный огонь. Один из снарядов разорвался рядом с полуподвалом, где укрылась Мариша. Массивная, окованная железом дверь резко распахнулась под напором взрывной волны. Маришу густо обступил запах гари и тепла. В единственном узком, похожем на амбразуру окне повывлетали стекла. Она захлопнула дверь, налетела в полумраке на какой-то пустой ящик, пододвинула его поближе к стене, легко взобралась на него и выглянула в окошко. То, что она увидела, заставило ее потянуться к автомату.

Вот перебежал от железнодорожного полотна в сторону самоходки японский офицер с двумя солдатами. За ним промелькнуло еще несколько. «Почему их подпустили так близко? Ребята наверняка не видят прорыва. Двое раненых идут по направлению к медпункту и тоже не глядят в сторону просочившихся японцев...» И тогда она вскинула автомат и старательно прицелилась. Очередь хлестнула по офицеру и его спутникам и вроде сковырнула их.

— Молодец, Маришка! — похвалила она себя и приподнялась на цыпочки, чтобы получше разглядеть плоды своих ратных трудов. В то

же мгновение пуля вжикнула подле уха. Следом за нею еще одна и еще. И все они — оттуда, с той стороны, куда она запустила длинной очередью. Значит, враги только залегли. И действительно: самураи потом снова поднимались, и она снова стреляла, пока не сползла с ящика с набухшими от крови волосами. Мариша не слышала, как заносили в подвал раненых, не видела, как рылись бойцы в ее сумке и сами делали себе перевязки.

Когда очнулась, вокруг уже ни подвала, ни раненых, ни ружейно-пулеметной трескотни. Отряд отошел севернее станции Эхэ. Мучила жажда. Пока пила, по голосу узнала в темноте полковника Онищенко. Обрадовалась: жив! Если бы у нее хватило сил приподнять голову над верхним обрезом боковой брони самоходки, то поняла бы и другое: отряд занял круговую оборону, ждет подкрепления.

— Сестренку — в медсанбат! — слышит Мариша чей-то голос, но вспомнить, кому он принадлежит, не может. А голос словно искрит в темноте:

— Вот теперь и гляди, товарищ Воеводин, запоминай: левее заминированной дороги пойдешь, по рисовому полю. Прихвати легкораненого в помощники, а главное—этот пакет. В нем жизнь сотен наших ребят. Тут схема вражеского оборонительного обвода. Внутреннего! Понимаешь?

— Ясно, товарищ полковник.

Слова долетали откуда-то издалека и гасли в душной и мрачной пропасти, откуда она никак не могла вырваться.

В ШТАБЕ ФРОНТА

В полевом штабе 1-го Дальневосточного фронта утро 15 августа началось с доклада. Передовые части и соединения уже завязывали бои на ближних подступах к Муданьцзяну, когда начальник штаба фронта генерал-лейтенант Крутиков с воспаленными от бессонницы глазами еще раз взглянул на карту. Темпы нашего наступления оказались выше расчетных.

Войска прикрытия Квантунской армии поспешно откатывались к Муданьцзяну. Предчувствие полного и неминуемого краха гнало по Японии мрачную волну самоубийств...

Командующий 1-м Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза Мерецков и член Военного совета фронта генерал-полковник Штыков уже за полночь вошли в рубленый домик начальника штаба. Крутиков устало распрямился, упираясь в расстеленную карту на столе. Одно беглого взгляда было достаточно Мерецкову, чтобы определить: спать начальник штаба еще не ложился.

— Из Ставки не звонили, Кирилл Афанасьевич? — спросил Крутиков.

— Только что. Интересовались темпом продвижения войск.

Маршал подошел к развернутой на столе огромной, как простыня, карте, на которой тщательно была нанесена оперативная обстановка, молча склонился над ней.

Картина была такой. Армия генерала Белобородова за прошедшие сутки продвинулась с боями на 30 километров. Армия генерала Крылова, двигаясь вдоль шоссе и железной дорог, образовала коридор шириной около семи километров и такими же темпами продвигается по нему. Ее дивизии, после прорыва укрепрайонов, подпирают Муданьцзян с востока. На всех направлениях противник создает плотные минно-взрывные заграждения, упорно пытается контратаковать.

Особенно тяжелые бои идут на северных и северо-восточных подступах к Муданьцзяну, где ведут наступление войска армии генерала Белобородова. Из-за таежных топей и разбитости дорог тяжелая техника и артиллерия на этом направлении продолжают отставать.

О больших успехах и немалых потерях армии уже знает главком Василевский.

— Муданьцзян пора брать штурмом! — заключил Мерецков. — Подготовьте приказ! Уместно напомнить, — продолжал маршал, — что президент США Трумэн дал адмиралу Нимицу* весьма любопытную директиву: «...Оккупировать порт Дайрен около бывшей японской базы Порт-Артур прежде, чем туда вступят русские...» Каково?

— В принципе мы предвидели действия подобного рода, — спокойно заметил Крутиков.

— Да, кстати, поинтересуйтесь, — повысил голос командующий, — как идет подготовка десантной операции в Дайрен. О десантах в Харбин, Порт-Артур, Гирин тоже следует подумать...

— Есть и другие сложности, — заговорил Штыков. — Сопротивление самураев не только не ослабевает после императорского рескрипта, а наоборот... Есть тревожные сведения: бактериологическое оружие могут применить самурай для перелома в пользу Японии. На этом фоне директива генерала Макарура о прекращении нами военных действий выглядит...

— Знаю, — понимающе кивнул Мерецков. — В провинции Хайлар наши товарищи действительно обнаружили емкости с бактериями. Значит, есть только заявление о капитуляции, но фактической капитуляции нет. Наступать! До фактической капитуляции противника.

Командующий снова подошел к огромной карте и словно потянул за собой остальных.

— В связи с усилением сопротивления квантунцев на предместных позициях восточнее Муданьцзяна считаю необходимым, — продолжал маршал, — кроме фронтального удара, предпринять энергичный обход Муданьцзяна с юга в направлении на Эму, Гирин, Чанчунь, имея на всех направлениях сильные передовые отряды. Полагаю, что именно в районе Чанчуна должна произойти встреча наших частей с войсками Забайкальского фронта и воинами Народно-освободительной армии Китая.

Командующий пристально оглядел присутствующих, но обратился только к начальнику штаба:

— С десантами не медлить!

Часть третья

БЕЛЫЕ ФЛАГИ

НА МУДАНЬЦЗЯН

От Мулина до Муданьцзяна — около пятидесяти километров. Будто море, вспучился этот простор и окаменел мощными валами Кэнтэй-Алина. Ни острых пиков на нем, ни обрывистых скал. На пологих склонах — сплошь возделанные поля.

Легче всего одолеть это расстояние по единственной гравийной дороге, что тянется, извиваясь, между горных распадков. Только не манит эта дорога солдата. А все потому, что под обстрелом она: каждый поворот пристрелян, каждая лошадка. Целая бригада смертников сторожит ее, зарывшись в крутизну прилегающих горных склонов, что подступают к ее полотну со всех сторон.

Вызванный на НП командира полка капитан Балабаш не увидел на этот раз в руке подполковника привычной трости. Тимофеев просто-

* Нимиц — командующий американским Тихоокеанским флотом.

напросто ее отшвырнул, когда, обозревая поле боя, заметил, как откачиваются с уже занятой сопки автоматчики второго батальона.

— Комбата-два! Живо! — приказал Тимофеев связисту, и тот, не мешкая, вызвал на прямой провод капитана Абрамова.

— Почему спину пулям подставляешь?! Кто разрешил?! — с трудом сдерживая возмущение, процедил сквозь зубы командир полка.

— Я был вынужден... Выравнивал линию фронта, — донесся с другого конца провода глухой голос Абрамова.

— Слушай теперь меня, капитан: или ты выровняешь эту свою «линию» в обратную сторону, или я снесу с тебя голову. Понял?!

В трубке щелкнуло, и голос комбата-два куда-то пропал, потонув в треске и гуле.

— Алло! Алло! — Тимофеев хотел было отшвырнуть трубку, когда услышал хриплый голос с НП второго:

— «Чайка» слушает... Начальник штаба...

— Что там у вас происходит? Куда он исчез, ваш Абрамов?

— Убит комбат. Батальону нужна артподдержка.

— Нет у меня артиллерии. На подходе она — сам знаешь.

— Подавить бы вражескую артбатарею...

— Теперь меня слушай, — повысил голос подполковник. — Принимай командование. Передай в роты мой личный приказ: приготовить к атаке! Сигнал — зеленая ракета.

Тимофеев положил трубку и повернулся к капитану Балабашу:

— Слышал? Помогите второму! Минометчиков мобилизуйте.

Получив от комбата приказ подавить оставшимися минами японскую артбатарею, Бушуев взялся за голову: мин в обрез. Хуторенко раньше других сообразил, что есть только один способ помочь соседу: вывести взвод на прямую наводку. И он рискнул. Густая кукуруза помогла скрытно занять огневые позиции на переднем скате высоты. Теперь не только артбатарею, но и пулеметные гнезда противника можно было накрыть гораздо точнее. Хватило бы мин! Только бы не мазать! Иначе выдашь себя, и кукуруза тогда не спасет...

Сержант Ильин — сам в прошлом наводчик, — подменив раненого, прильнул к угломеру-квадранту, быстрее других доложил о готовности открыть огонь. Расчеты рядом с ним тоже постарались: мины по пристрелянной ранее сопке с первых же выстрелов клюнули куда надо, точно достали цель.

— Беглым — огонь!

Бушуев сразу оценил дерзость третьего взвода. Вот только кончатся мины у Хуторенко. И тогда ротный принимает решение: все мины из остальных взводов передать третьему взводу!

Олег не думал в эти минуты, что совершает подвиг, что будет представлен к награде за этот бой. Все было гораздо проще: или ты, или тебя...

А потом взвилась в небо зеленая ракета.

— Ура!!! — прокатилось по распадку.

Точный огонь минометчиков допек японцев, и они перенесли на роту Бушуева огонь своих минометов с другой высоты. Враг не жалел мин. Шпарил беглым. Только суховатый треск растекался по мясистому кукурузному будылю. Смертельным гребнем чешут его осколки — не поднять головы. Надо бы броском выходить из-под губительного огня! Хуторенко понимает это. Но почему-то поклонило в сон. Ущипнул себя со злом. Тряхнул отяжелевшей головой, увидел вокруг множество японских окопчиков — круглых, похожих на водопроводные колодцы без ходов сообщения. Однако, что ни окоп, то труп. Олег попробовал вытянуть из такой поры мертвого — не получилось: как железный. Самурай и мертвый не уступил ему своего места... Одно теперь спасение — рывок в тыл, вниз по склону, подальше от этого гиблого места, поближе к роте, что уже отошла в глубину.

— Я не умру?—подполз к Олегу Назармат, приподняв гимнастерку и показывая исклеванный осколками бок. Голос бойца принадлежал уже не ему, а кому-то другому... Хуторенко не сразу нашел нить индивидуального пакета, а когда рванул ее, рядом оказался Лухтан.

— Я перевяжу, товарищ лейтенант...

— Короткими перебежками — за мной! — прохрипел Хуторенко, выводя минометчиков из пристрелянного квадрата.

Когда разрывы остались позади, Олег перевел дыхание, огляделся и (наконец-то!) заметил подмогу: по гребню ближайшей сопки цепь за цепью шли подразделения второго эшелона.

Настроение поднялось. Ходячие раненые двинулись низом к полковому медпункту. Их вел сам Борис Бушуев, раненный в обе руки. Остальных в полный рост прямо по кукурузному полю отводил Олег в сторону дороги, чтобы низом обогнуть злополучную сопку и соединиться со своим батальоном.

Когда окопались наконец на стыке со вторым батальоном, Плотников первым делом связался с комбатом, доложил о взводе Хуторенко, подавившем прямой наводкой вражескую артбатарею, о ранении Бушуева.

— Жми на мой НП, — приказал комбат. — Примешь стрелковую роту. Оставь за себя своего геройского лейтенанта. Дай ему трубку...

Лейтенанту Хуторенко капитан Балабаш приказал немедленно «оседлать» шоссе, а с наступлением темноты под ее прикрытием двигаться на соединение с передовым отрядом корпуса.

Минометчики уже подходили к дороге, когда подоспели наконец наши «катюши». Все преобразилось вокруг... С огненным клекотом снаряды полетели через головы наших солдат.

В наступивших сумерках долго-долго все впереди горело...

Перед наступающими в огненных бликах угрюмо щетинилась буграми примыкающая к реке Муданьцзян холмистая четырехкилометровая, сильно укрепленная полоса. В штабе фронта ее называли внутренним оборонительным обводом квантунцев.

ЧЕТВЕРТАЯ ЗАСАДА

Остаток роты Олег повел вместе с Алексеем Горевым. Прошли мимо развалившегося деревянного моста, перед которым сгрудилась колонна наших «тридцатьчетверок». Днем танков не было здесь. Значит, только что подоспели. Вовремя! Каждому солдату уже объявлен приказ: Муданьцзян брать завтра! Начало штурма — 7—00.

Подошла группа связистов во главе со старшиной Медведкиным.

— Чего новенького слышно возле начальства? — полюбопытствовал Олег.

— Старенькое дохлебать бы, ребята! Сломлен-то всего-навсего внешний оборонительный обвод... А впереди — река, доты, дзоты, «ключка» в пять рядов, противотанковые рвы. Наш передовой отряд запросил подмоги.

— Знаю! — перебил его Олег. — К ним иду. Тут рядом...

Они развернули карту и уточнили маршрут.

Уходя, Медведкин заверил Олега:

— Тут — рукой подать. Через часок будешь на месте.

Ночи в Маньчжурии, хоть глаз коли. Ориентироваться помогало слабое зарево в той стороне, где, пульсируя, все еще перекатывались по земле «катюшины» огненные серьги. А там, за ними, где-то совсем рядом притаился ошетинившийся Муданьцзян. Изредка зависали ракеты над сопками.

Никто не торопил роту. До передового отряда не более пяти километров. А времени — целая ночь! Вот только этот душный, дегтярный мрак. Собственной руки не видеть. После дневных перенапряжений

тянуло к покою. Усталость притупляла осторожность. Слипались глаза.

Убаюкивала и Алексея монотонность неторопливого шага. «Эдак и уснешь на ходу». Горев ощупал карманы в надежде натрясти махорки, ничего не наскреб и, вспомнив об Олеге, зашагал в голову колонны.

Олег сжал плечо друга:

— Маришка-то впереди нас... Боюсь я за нее!

— А ты не бойся: не от нее ведь шагаешь, а к ней, — рассудил Алексей. Ему не хотелось сейчас ни утешать друга, ни заражать собственной тревогой.

— Выставили боевое охранение? — круто переменял тему Олег.

— А зачем? Видел, как они драпали? — возмутился Горев.

— Выставь! — потребовал Олег, и Горев не стал спорить. Пожатием руки выше локтя дал понять Олегу, что покидает его, идет в свой взвод выставять боевое охранение.

Светлячок его недокуренной папиросы метнулся влево и на мгновение исчез, снова проклюнулся из тьмы, рванулся кверху. И тут случилось непредвиденное: сухо щелкнула под каблуком Алексея колючая, как еж, синяя искра, и — все... Вспышка, грохот, сильный толчок в грудь. Будто подкосило Олега, перенесло в мир иной. Очнулся в кювете. Услышал длинную пулеметную очередь из засады. По направлению рикошетных дуг определил, откуда чешут по гравийке. «Вот тебе и боевое охранение, друг! Ничего себе урок: подпустили вплотную...»

Полез в карман за запалами, где хранил их в носовом платке, и удивился, наткнувшись на скользкий, липкий комок. Поднес его к глазам, но в такой темени ничего нельзя было разглядеть. Тогда он понюхал узелок и понял, что набух он от крови. «Откуда? Ведь — никакой боли...» Нашупал пальцами рану, почувствовал острие застрявшего в голени осколка, уцепился в него ногтями, рванул. «Ерунда! Пустяковая рана», — пробормотал для собственного успокоения.

— Товарищ лейтенант, — слышался шепот Ильина. — Ты живой? — Иван еще что-то спросил, но все потонуло в пулеметной трескотне. Головы не поднять: японцы, видать, засветло пристреляли дорогу. И вот гибнут ребята.

Забыв перевязать ногу, Олег вставил запалы в гранаты, пополз вместе с Ильиным по кювету в сторону вражеской засады, увлекая по пути залегших бойцов.

Когда швырнули одну за другой несколько гранат, землю расколол грохот, тьму — всплеск огня. И сразу стало тихо-тихо вокруг. Никто не кричал «ура», когда кинулись вслед за Олегом к самурайскому логову.

— Ну вот... Заткнулась драконья пасть! Давно бы так, — ворчал Ильин, извлекая из глубоких окопных ниш японские гранаты с длинными деревянными ручками. Он их наложил на бруствере целую горку:

— Навались, ребята! Пригодятся...

Вернулись на дорогу, прикрыли убитых плащ-палатками, уложив их вдоль кювета. Алексея пристроили крайним. Олег мигнул фонариком, который достался ему от Бушуева, и навеки запомнил увиденное: приподнятые, будто удивленные брови друга, открытые глаза. Левее правого уха — ближе к затылку — зияла круглая, с детский кулачок, дыра...

Помогли раненым, туго перетянули Лухтану разорванный миной живот. Рана была смертельной, и все понимали это. Лухтан — тоже. Теряя сознание, а вместе с ним и власть над собой, он стонал, скрипел зубами. Он зatih настолько неожиданно, что Ильин не успел смочить ему пересохших губ...

Оставшихся бойцов лейтенант Хуторенко разбил на штурмовые группы, установил очередность действия на случай повторных столкновений. В боевое охранение послал целый минометный расчет. И опять зашоркали подошвы, вороша мелкую, плохо прикатанную щебенку.

Раненая нога с первых шагов напомнила о себе. Пришлось опереться на плечо Ильина.

— В медсанбат бы вам, товарищ лейтенант, — не совсем уверенно посоветовал Иван.

— Терпимо! — словно оправдываясь, ответил Олег. Подумал же о Марише: «А вдруг действительно — судьба...»

Напоровшись на вторую засаду, действовали уверенно, четко. Перед третьей тоже не дрогнули. Вот только нервы... Напряглись они до предела.

Все, что случилось потом, похоже скорее на дурной сон. А началось с привычного: разорвалась мина. Оглушительный треск лишь на доли секунды затмил торопливую дробь двух пулеметов, ударивших по колонне перекрестным огнем. Олег не сразу сообразил, кто и почему сбил его с ног. Люди отхлынули с таким безоглядным единодушием, как будто их отшвырнула взрывная волна. Они-то и вышибли у него из рук автомат. В кромешной тьме, которая не позволяла видеть даже собственных рук, этот самый вышибленный автомат можно было лишь нащупать. Пока шарился вслепую, окончательно затих топот ног его солдат. Автомата не подвернулось. Тогда он вытащил из кобуры пистолет и прислушался. Что это: тяжелое дыхание притаившегося рядом врага или шорох ночного ветра в сухих метелках ковыля? Снова стал ощупывать землю — один среди враждебной тишины и беспросветного мрака, в нескольких шагах от засады. Близость врага была явной. Еще осторожнее пополз, обшаривая каждую пядь. Минута прошла или целый час? Олег потерял уже чувство времени, когда пальцы свело, как в судороге: они наткнулись на ППШа! Только теперь до него стало доходить в какое аховое, дурацкое положение попал: люди черт знает где, а он застрял с автоматом в этой «мышеловке». И к тому же с чужим: у него был ППШа с круглым магазином, а подвернулся с рожковым... Значит, проверить надо, удостовериться, есть ли патроны. Олег привычно потянул затвор на себя и вздрогнул от скрежета — полно в нем песка. Съежился, ожидая, что шарханут на звук, но тьма безмолвствовала. Нашупал патрон в патроннике, потом в рожке. Порядок! Как минимум, два патрона, плюс пистолет «ТТ» с полной обоймой.

Выждав, еще раз прислушался, притаившись в кювете. Тишина. И тогда он осторожно поднялся и шаг за шагом стал выходить из западни.

Своих солдат узнал издали — на слух, по хлестким шуткам, раскатистому гоготу. Это было невероятно, но именно они, беззлобно и от души подшучивали друг над другом:

— Ну — марафонцы!

— Ну — шустряки!..

В беззаботной колготне узнал по голосу Ильина, Рубинчика и вздохнул облегченно: «Живые...»

— Предлагаю Яшу качнуть!

— Спасителю нашему слава!

И снова гогот.

— Да разве я первый? Да я же последний... — В голосе Яши слышалась неподдельная обида.

— Вот именно! — весело согласился Ильин. — Сам плитой прикрывся и нас заслонил.

— Ха-ха-ха!

— Го-го-го!

— Прекратить! — натужно прохрипел Олег, забыв о сорванной глотке. — Занять круговую оборону! Сержант Ильин, ко мне!

Вдвоем они выставили боевое охранение и стали уточнять потери. Пробиваться с оставшимися людьми на соединение с передовым отрядом решили не по дороге, а в обход, по бездорожью — была ни была!

В ночь на 16 августа к штурму Муданьцзяна готовились все: батальоны, полки, дивизии, армии. Подошедшая танковая бригада, та самая, под боевыми машинами которой рухнул деревянный мост на шоссе, тоже притаилась перед броском. Не дремала и пехота в сопках: разведывала систему внутреннего оборонительного обвода японцев, делала проходы в проволочных заграждениях и минных полях.

Теперь же — тишина кругом. И есть еще у Олега время выполнить приказ, соединиться все-таки с передовым отрядом. Вот только надо как-то обойти эту проклятую дорогу, где засада на засаде, мина на мине...

Едва Хуторенко с Ильиным все окончательно выяснили, как со стороны танковой колонны подошли двое. Низенький был в шлеме, высокий — в фуражке, и оба в офицерских плащ-накидках. Первый командовал танковым полком, второй, как потом выяснилось, прибыл в полк из вышестоящего штаба — сам напросился, чтобы участвовать в штурме.

— Кто тут старший? Ко мне! — В голосе высокого чувствовалось властное нетерпение, привычка повелевать.

Прихрамывая, Олег пошел на голос. Небо давило все той же непроницаемостью, хотя уже светало. Но здесь, в низинке, лишь с большим трудом можно было различать силуэты людей и предметов.

Хуторенко не знал, кто из подошедших старший, и потому представился как в пустое пространство — между низким и высоким. Сорванный его голос не понравился высокому.

— Ты где горло просадил? И давай по существу: чьи люди? Зачем здесь?

Олег представился, стал объяснять.

Выслушав лейтенанта Хуторенко и посоветовавшись между собой, они неопределенно обнадежили его:

— Поможем...

НОЧЬ БЕЗ РАССВЕТА

Очнулся Лухтан не от грохота, а от боли: кто-то, споткнувшись в темноте, ткнул его сослепу ботинком. Потом услышал (где-то совсем рядом) чужую японскую речь и сразу же вспомнил, где и почему он лежит... Понял: смертники рядом. Приняли они его за мертвого, иначе бы прикончили, добились... И еще почувствовал: от вражьей руки умирать неохота. Это у своих вымаливал он пули: не злой — милосердной. Теперь же — другое дело. Теперь главное — не вырубиться, не выдать себя лишним движением, невольным стоном. Самурай, поди, не зря шастают у самой дороги. Надо еще раз попробовать выдернуть гранату из-под младшего лейтенанта Горева. В темноте его, Лухтана, положили рядом со взводным. Значит, тоже похоронили... Это точно. А он, Лухтан, не умер. Даже нашарил в темноте «лимонку». Жаль не смог выдернуть ее из брезентового чехла. А надо бы! Самурай-то рядом колготятся, шипят. А может, это кровь шипит, запекаясь в жилах?

Лухтан с трудом поднял голову, прислушался. Определил: смертники спорят о чем-то, шелкают затворами карабинов. Один опять рядом прошел. Мучило бессилие, просыпалась боль в животе. Живот... Лухтан теперь еще отчетливее вспомнил, как бойко двигалась рота по шоссе на соединение с передовым отрядом, как теряла людей, натываясь на японские засады...

Ощупал повязку на животе и словно разбудил этими прикосновениями прежнюю боль. Теперь, чтобы не завывать, надо было кусать собственную руку... «Мертвым легче...» — процедил сквозь зубы и, понимая, что силы на исходе, заторопился остатками этих сил дотянуться до горевской «лимонки».

Пока доставал ее, нащупал автоматный диск. Потом послышался

рочот мотора и лязг гусениц одиночной «тридцатьчетверки». Она шла в сторону Муданьцзяна. «Свои! Свои!» — возликовала в угасающем теле цепляющаяся за жизнь душа.

Но тут он опять услышал возню в траве, шипение чужой речи. Крепче сжал в руках гранату и диск, но не обрадовался находке: нет ни запала к гранате, ни ППШа. Выходило, что зря растратил остаток сил...

Нарастающий гул приближающейся бронированной крепости добавил решимости Лухтану. Никакая музыка никогда в жизни так не врачевала его, как это басовитое громохание нашего танка.

Лухтан ничего не знал, разумеется, о тех ребятах, которые сейчас жались вместе с лейтенантом Хуторенко к жесткой броне. Но чутье в чем-то главном все же не обмануло его: приближаются свои, и им угрожает засада... Японцы на этот раз не просто прошмыгнули мимо него, а кинулись, как ему показалось, наперерез танку. Было слышно их прерывистое дыхание и торопливое бормотание, вроде молитвы.

«В карманы Горева я не заглянул. Должны же у него быть запалы». Лухтан дотянулся и до карманов, но ничего, кроме пачки сигарет и коробки спичек у Горева, не нашел. Враз и силы оставили его, и воля. «Пусть добьют, но закурю», — решил боец.

Слабеющими пальцами Лухтан достал сигарету и невольно сдвинул в ладони остальное, хотел отшвырнуть. Но пачка не мялась, пальцы наткнулись на что-то жесткое, вроде стержня. Торопливо распотрошил пачку и на ощупь определил: целых два запала! Теперь было не до перекура...

Лухтан привычно вставил запал в гранату, выдернул предохранительную чеку. Граната, как ему показалось, летела к месту засады долго-долго. Весь мир притих в ожидании взрыва. Только танку невдомек: прет себе по шоссе, сотрясая землю.

Взрыв опрокинул Лухтана на двуногу-лафет, снять которую со спины у него уже не было сил. Самого танка он так и не увидел, но по звуку определил: «Целехонек! Проскочил! Удаляется...» И, поди, никто не узнает вовеки, что это он, Лухтан, спас боевую «тридцатьчетверку»...

Вслед за упругой волной толовой гари обдала удушливая струя перегоревшей солянки. В горле застревала эта копоть, царапала нутро, проникала до печенок. «Только бы не задохнуться». Лухтан терпел, сколько мог. И лишь за той гранью, где жизнь становится пыткой, весь в поту, завидуя мертвым, снова впал в забытие.

Очнулся от орудийного гула: отстреливался наш танк. Но Лухтан не сразу сообразил, что это за пальба. Зато он точно знал, что за первым танком на войне всегда идет второй, третий... «Значит, надо как-то и остальных предупредить, что тут полно смертников. Выбраться бы на дорожку...»

Не выпуская из руки магазина к ППШа и чувствуя по весу, что он не пустой, Лухтан пополз, надеясь все же наткнуться на автомат в этой дегтярной тьме. А нужен был ППШа теперь воистину дозарезу: им можно было «подать голос» своим ребятам, полосонуть при нужде по врагу и (на худой конец) пустить в дело отложенный патрон с милосердной пулей...

Боец ощупал набухшую кровью повязку на животе и стал шарить впереди себя руками. Но оружия поблизости не оказалось, а силы растратил.

Не хотелось ни о чем думать. Вранье, что перед умирающим проносятся картины жизни. Это, если есть надежда... А если ее нет? Тогда просто хочется покоя. Душа самоотрешенно отступает от житейских тревог и уже не страшится, а ждет спасительного забытия у подножия не взятой вершины. (Вот она еще одна мудрость природы...)

Из оцепенения Лухтана вывел резкий болевой всплеск в паху. Несколькими далекими сильными взрывами со стороны Муданьцзяна отозвались

болью. Повернул голову в сторону громовых вспышек и невольно закричал зубами. Резь снова стала расплзаться по телу. Но не от боли застонал теперь, а от досады: безоружный... А еще огорчило предчувствие, что смерти ждать долго — может, всю ночь. И он решил во что бы то ни стало найти автомат. «Надо! Только бы доползти до дороги... Надо!» — подбадривал себя боец и полз, полз, не замечая ни пота, ни крови... Мешал, давил вьюк, на который так удобно было опираться, когда лежал на спине с туго перевязанным животом. Тогда он не дал снять со своих плеч привычных лямок, а теперь он просто не мог освободиться от них... Повязка на животе ослабла и сильно сползла книзу. Поправлять не стал. «Зачем?.. Найти бы автомат и все... И конец мукам...»

Лухтан лежал, не шевелясь, копил силы. Потом он жадно допил из фляжки остаток воды и уронил ее. «Ну что ж, — прохрипел сквозь стиснутые зубы, — раз нет автомата... раз нет автомата... раз нет автомата...»

Чувствуя, что остановка для него — смерть, он полз и полз, пока не преградила ему путь глубокая дорожная колея. В нее и рухнул лицом вниз... Вспыхнул свет в глазах и медленно стал гаснуть. Потом дрожь земли ощутил, лязг гусениц — где-то совсем рядом...

Танк, на котором (вместе с Олегом и его людьми) возвращался штабной майор после неудачной попытки до штурма разминировать дорогу, не пошел по старой, глубоко выбитой колесами колее (куда свалился боец), а совсем рядом прогрохотал, сдвинув с места целую кучу щебенки, что вспучилась посреди дороги. В непроглядной тьме никто не заметил Лухтана.

И сразу все стихло для него там, под землей...

В ШТАБЕ АРМИИ

В эту ночь в полевом штабе армии генерала Белобородова шла напряженная работа. Перед решающим штурмом Муданьцзяна надо было оглянуться, оценить, как говорится, обстановку.

В добротном особняке на окраине Мулина при свете аккумуляторной лампы начальник штаба армии генерал Масленников наносил на карту последние данные оперативной обстановки на фронте. Они радовали генерала. Наконец-то взят войсками рубеж Ухулинь и Чанцзы, где самураи долго держали под огнем главную дорогу Мулин—Муданьцзян, подтянулись вплотную к войскам части усиления и тылы, которых порядком придержала тайга и плохие дороги. Еще одно решающее усилие, и глубокие рассекающие удары трех фронтов сойдутся в самом сердце Маньчжурии — в районе Чанчуня...

За двое суток непрерывных боев на подступах к Муданьцзяну, наступая по узким горным распадкам, армия преодолела хребет Кэнтэй-Алин и, спустившись в долину реки Муданьцзян, вплотную подошла к важнейшему узлу обороны и коммуникаций квантунцев городу Муданьцзяну — последнему оплоту самураев, прикрывающему выход в центральную Маньчжурию.

...Зашел Белобородов. Склонившись над картой, он и без доклада, как на ладони, увидел каждое из соединений своей армии. Отличный темп наступления! Армия уже вплотную подошла к внутреннему городскому оборонительному обводу со стороны севера и северо-востока.

В ночь перед решающим штурмом командарм на Военном совете поставил перед войсками задачу: к 12 часам дня 16 августа овладеть Муданьцзяном.

Главный удар по самурайской твердыне наносит корпус генерала Сковрцова.

Начало штурма 7—00.

Комкор Сковрцов тоже задумался о главном ударе, оказавшись

на острие фронта в самый решающий момент. Нанести этот удар он решил силами той самой дивизии, в боевых порядках которой наступали наши герои...

На рассвете, за два часа до начала операции, член Военного совета генерал-майор Смоликов вновь навесил командарма, взволнованно протянул ему листок.

— Чудовищная жестокость! И это — на пороге полного краха...

— Что там еще? Давай, пожалуйста, суть, — попросил Белобородов, не притрагиваясь к листку и не отрываясь от карты.

Видя озабоченность командарма, Смоликов пояснил скороговоркой:

— В двухстах метрах от шоссе на дороге, ведущей на Муданьцзян, найден замученный самураями наш боец — пулеметчик Зиновий Фефелов, уроженец села Куячи Алтайского края. На правой его щеке вырезана пятиконечная звезда и нанесен затем по ней удар холодным оружием. Ножевых ран и кровоподтеков множество — по всему телу. Переломаны ребра, выбиты зубы. И это лишь капля в потоке самурайской «доблести». Я имею сведения...

— Старая песня! — перебил его Белобородов и протянул руку к листку. Он внимательно поглядел на подписи под актом и вернул документ генералу.

— Сохрани! Пригодится. Уверен, что народы будут судить и восточных фашистов...

* * *

Когда Ильин с группой раненых скрылся из вида, к Олегу подошел коренастый крепыш — тот самый командир танкового полка.

— Почему не в медсанбате, лейтенант?

— Сдать роту некому, товарищ подполковник.

— Ну это мы поправим... Кстати, мне и не нужны твои «самовары» без мин. Мне автоматчиков подкинули...

Олег присел на обочине дороги, поправил повязку на ноге и стал ждать. Хотелось курить, но папирс не осталось. Перед глазами вся в бинтах стояла Мариша... «Как там она?»

Подполковник довольно проворно нырнул в люк танка и так же шустро, после разговора по радиации, вынырнул из него.

— Порядок, лейтенант! Плотникова жди. Сейчас подойдет.

На фоне светлеющего неба уже явственно проступали мрачные контуры сопки, когда появился лейтенант Плотников. Он торопливо попрощался с Олегом, пожелал ему скорого выздоровления и тут же без промедления увел людей.

У Олега теперь была одна дорога — медсанбат.

Прихватив большую саперную лопату вместо костыля, побрел через рисовое поле. Потом сопка встала на пути, горный распадок. И всюду войска, войска, войска... Все готовились к штурму. Подтянулась за ночь артиллерия, подошел еще один дивизион «катюш». Хотелось к своим, в батальон, да вот — нога... После ушиба рана стала беспокоить какой-то другой, более тупой и глубокой болью. Но идти, оказывается, можно. Пожалел, что не остался в роте: «Плотников теперь там за всех...»

Прошел еще немного, наткнулся на кустарник, за которым пофыркивали и жевали овес десятка три коней.

— Кто такие? Где командир? — поинтересовался у первого попавшегося бойца в маскхалате.

— Лейтенант Ложечкин, — представился маскхалат, — командир взвода конной разведки.

- Олег понял, что его приняли за начальство.
- Вольно! Сам рядовой... — и Хуторенко коротко поведал о себе.
- Тьфу! А я принял тебя за бату: тоже хромой. Слушай: чихал бы ты на медсанбат с такой дырочкой: кости-то целы! Швартуйся! Рысака дам — ног не надо.
- А я ведь в кавалерии год отбухал, клянусь! — загорелся Хуторенко.
- Ну вот и договорились. Тряхни стариной!
- Так Олег оказался в разведвзводе.

До штурма Муданьцзяна оставалось менее часа.

В ДЕНЬ ШТУРМА

Когда душа растревожена, тогда и память, как вода в решете: хлоп-хлоп — только влажный след на траве. Попробуй потом определи, сколько и чего ушло в песок...

Олег никак не мог вспомнить лица штабного майора. Зато сумасшедший рывок конного разведвзвода врезался крепко, прошелся по памяти, как резец по камню. Обошли заминированную гравийку и рванули, понеслись по холмистой земле, сквозь ружейно-пулеметную трескотню и орудийный грохот в район железобетонного моста через реку Муданьцзян.

Разгорячив коня, Олег не заметил, как обскакал разведчиков лихим наметом. Он увидел впереди тот самый мост, три наших танка на том берегу и манящую подкову массивной входной арки.

Если бы Олег оглянулся перед аркой, то наверняка повернул бы обратно. Разведвзвод в это время круто развернулся за его спиной и скрылся за кучным островком полузатопленных фанз.

Команда «Коней в укрытие!» касалась и Олега, но он не мог слышать ее. Безоглядно летел молодой лейтенант через пустой, как ему казалось, мост и осадил коня только перед проломом на его сером, потресканном полотне.

Японские пушки яростно били по мосту. Целый рой пуль гудел в воздухе над местом переправы. Обстановка только теперь становилась ясной: передовой отряд корпуса частью своих сил все же прорвался, проскочил через мост и поплатился за это несколькими машинами. Уцелевшие танкисты удерживают подход к мосту, ждут подмоги.

Конь отчужденно захрапел перед проломом. И было от чего. Японские подрывники сделали свое дело, только не довели его до конца: дыра была, как говорится, не смертельной. Олег успел заметить ребристые прутья стальной арматуры под жиденьким настилом из досок и солдата — одного из тех, кто с этими досками здесь, под огнем, возился. Наш боец лежал на животе, голова его свисала между досок, словно любовался он мутноватой зыбью реки. Остальных, кто латал эту прореху, унесла, наверное, взрывная волна.

Олега только сейчас шибанула гарь жженого металла. Стало яснее ясного, что танки еще чадят. Думать было некогда, советовать не с кем. Японская артиллерия была откуда-то справа. Снаряды с такой лютостью клевали железобетон, что вся эта машина на крепких быках крупно вздрагивала, доски над арматурой подпрыгивали, как живые. «Надо вперед пробиваться и влево: насыпь прикроет», — решил Олег.

Он решительно прищпорил коня, и тот понял его: в два прыжка с рискованной безоглядностью проскочил мимо пролома, миновал массивную кирпичную арку на излете моста и начал спускаться по склону предмостной насыпи возле подбитых «тридцатьчетверок». Разорванные траки ближней машины поблескивали поперек дороги. Почти впритык к первому стоял второй танк и рядом же дымился третий... Конь не

кинулся очертя голову вниз, а засеменял наискосок по склону предместной насыпи, смягчая его крутизну. Олег невольно еще раз пересчитал машины: «Да, три танка...» Вторично оглянулся, когда пуля расползла пилотку. Услышал барабанную дробь свинцовых поклевков о броню, увидел, как отлетает штукатурка от кирпичной арки, и по характеру рикошетов определил: бьют с той самой стороны, куда он сдуру суется. По нему бьют...

Но менять направление поздно. Пули, как разъяренные осы, гудят совсем рядом. Вот уже и вторая обожгла плечо, располосовала правый погон. «Снайперская работа. Поди, в башку метят...»

Это Олега отрезвило. Соскочил с лошади, проворно, не выпуская поводьев, нырнул вниз по склону насыпи. Конь теперь смелее рванул след за человеком, съезжая кое-где на подогнутых ногах. Так и добрались они до ровного пустынного клочка земли у подножия дорожной насыпи. Одним концом он упирался в реку, другим — в кукурузное поле. Сочные стебли вымахали возле воды почти в полтора человеческого роста. Они-то и заслонили Олега от снайперского ока.

О раненой ноге забыл начисто. Лег на землю и увидел, что конь тоже ложится, опускается на передние ноги. Не поверил своим глазам: неужели ученый? По-пластунски подполз к умному коню и... заметил перебитую пулей шпагатину на веревочной подпруге трофейного седла. Конец ее болтался как раз против лошадиного сердца... Случись это на учебном полигоне — при стрельбе по силуэту, например, меткость японского стрелка была бы оценена по высшему баллу.

А рядом ни своих, ни чужих. Только стена кукурузы с одной стороны и мост — с другой. В любой момент можно получить из засады и нож в спину, и пулю в лоб. «Чесать надо отсюда, пока не поздно! И седло бы прихватить. Коня потом раздобуду...»

Олег снял седло с убитого коня, ухватился за пряжку подпруги и хотел было уже рвануть на другую сторону насыпи, но в это время глянул под мост и увидел с десятков копошащихся солдат. Они липли к массивным железобетонным быкам, заглядывали под фермы, объяснялись между собой жестами и были почему-то обвязаны какими-то массивными поясами.

«Наверное, разминировать...» — догадался Олег и только сейчас заметил окопы на стыке береговой линии и кукурузного поля. Подполз еще ближе и наконец все понял: тут только что шел бой. Русские ребята из передового отряда удерживали подходы к мосту до последнего. Теперь они лежали недвижимые, вразброс. Густая, сочная, высокая трава надежно всех укрывала. Потому и не заметил их с самого начала...

«Нельзя отсюда уходить! Надо мост охранять!» — решил Олег и нырнул в одиночный окопчик. Почувствовал себя увереннее, пригляделся к саперам. И тут будто прозрел Хуторенко: ему стало ясно, что под мостом смертники: на каждом висел тяжелый толовый пояс. «Да, это они, «живые снаряды»... И не случайно облюбовали всего одну ферму, стягиваются к ней. Нельзя им позволить собраться в одну точку, иначе — доконают мост...»

С этого момента Олег уже не думал ни о седле, ни о кукурузном поле, из которого можно ожидать любого подвоха. Он вскинул автомат и одиночным огнем стал методично щелкать самураев. Когда плюхнулся третий по счету «никудан», огонь по ним открыли с другой стороны предместной насыпи. «Значит, там свои!» — сделал вывод Олег, радуясь этому открытию. От огня товарищей, которых Хуторенко не мог из-за насыпи видеть, бултыхнулось в реку еще несколько обреченных. Олег хотел было сосчитать уцелевших, но не успел: рвануло...

Когда рассеялся дым, стало ясно, что устоял мост, выдержал. Взрывная волна начисто слизала лишь смертников. Зря старались...

Ниже закопченных пятен и стреловидных полос на теле моста поверх вскипевших волн всплыло несколько дохлых рыбешек. И все.

Стало почему-то муторно здесь: одному среди мертвых. Решив перемахнуть через насыпь, Олег крепко вцепился в пряжку подпруги трофейного седла и на одном дыхании, петляя (чтобы не попасть на мушку японских снайперов), в мгновение ока взлетел сгоряча к подбитым машинам. Огибая закопченный танк, явственно услышал яростную дробь свинцовых горошин о броню. Седло при этом юзом волочилось за ним, поднимая пыль.

— Эй, сюда давай! Сюда рули! — донесся снизу хриловатый голос.

Тот, кто окликал, был в шлеме. «Значит, оборону держат танкисты: выскочили из подбитых танков...» — мелькнула догадка.

Олег прыгнул в дымящуюся воронку и столкнулся носом к носу с Васей Огневым.

— Ты гарцевал на мосту? Ну, братец, это же черт знает что! — не то с упреком, не то с восхищением прохрипел Огнев. Олег еле узнал друга: обгорелая челка, закопченное лицо, прожженный выше правого локтя комбинезон. Оказывается, его батальон был брошен (за несколько часов до штурма) на усиление передового отряда. Много уже танков сгорело...

— Глупо действовал, — проворчал из соседнего окопа лейтенант Ложечкин. (Когда и как разведчики проскочили по мосту, Олег не заметил.)

— Не глупо, а рисково! Вовремя ты подоспел, друг, — подбодрил Олега Огнев.

— При чем тут я? — вспылил Хуторенко. — У вас по ту сторону насыпи — дыра в обороне. Прикрытие бы туда. Обязательно!

Олег это говорил Огневу, но засуетился Ложечкин со своими бойцами. В считанные минуты с двумя отделениями он перемахнул через насыпь. Свое третье отделение оставил на месте.

Хуторенко тяжело вздохнул, кивнул в сторону предмостной арки:

— Твои танки?

Вася поморщился:

— Были танки...

Тем временем японцы засобирались в контратаку.

— Похоже опять шевелятся... — доложил наблюдатель.

— Верно! — подтвердил Огнев, прильнув к биноклю. — Ну подходи, подходи, кому к богу в рай охота...

Олег тоже поглядел в ту сторону и увидел идущих в рост японских солдат. Знакомая картина: сейчас они залягут, потом завопят «бан-зай!», потом...

Привстав на колено, чтобы лучше видеть цель, Олег выплеснул короткими очередями весь диск. Патронов он не жалел.

Когда через мост пошли танки и прямо с моста ударили по самурайской цепи из пулеметов, японцы дрогнули и отхлынули как-то все разом.

Низко прошли наши ИЛы. Небо потемнело от их нашествия. Гул сотрясал землю, огненные смерчи с треском вздыбились над Муданьцзяном.

— Ура!!!

Но что такое человеческий голос против лязга гусениц, орудийного гула, рева наших эскадрилий, устремившихся на ошестинившийся город?..

Назревал разгар штурма.

Если бы в тот день и час Олег мог заглянуть в оперативную карту командарма Белобородова, то увидел бы, что вслед за внешним оборонительным обводом Муданьцзяна дрогнул кое-где и его внутренний оборонительный обвод.

Прочные предместные укрепления, превратившие в опорные пункты каждую мало-мальски заметную высотку на восточном берегу реки, были смяты одновременно в нескольких местах уже через пару часов после начала штурма. Три линии траншей, в пять колеьев «колючка», заминированные дороги, противотанковые рвы, угловатые железобетонные доты, густая россыпь дзотов вдоль обоих берегов — ничто не оставило наступающих. Но замедлить, сбить темп нашего прорыва все-таки удалось главной группировке квантунцев, оборонявшей город.

Когда стало очевидным, что сражение за город затягивается из-за отчаянного сопротивления самураев, маршал Мерецков повернул на Муданьцзян 65-й корпус нашей 5-й армии. Этой же армии предстояло с юга обойти его и двинуться на соединение с войсками Забайкальского фронта.

А в штабе квантунского воинства в одночасье ломали голову над другой задачей: как удержать город? Решили: срочно из оставшихся смертников создать подвижные противотанковые минные поля и заслониться ими на решающих участках.

Что-то назревало вокруг моста. Взломав часть укреплений внутреннего оборонительного обвода, наши танки сосредоточивались на захваченном плацдарме. Затем они развернулись влево и волнами устремились в прорыв. Справа от этой стальной лавины горели (после бомбежки с воздуха) окраины Муданьцзяна: слева — отчаянно огрызались те, кто засел в опорных пунктах вдоль западного берега реки. Однако с прорывом танков в их тыл они не могли всерьез помешать нашим войскам форсировать реку. Сразу в нескольких местах (от станции Хуалинь до Эхэджана) через разлившуюся реку хлынули наши части.

Захваченный напряжением боя, Олег уже не вспоминал о медсанбате. Он покинул воронку и переметнулся в окоп поближе к Васе Огневу. Тот только что переговаривал по рации с командиром передового отряда.

— Что новенького? — поинтересовался Олег.

— Полный порядок! Всем — на броню! — и Огнев первым вскочил из окопа. За ним, преодолевая крутизну насыпи, по которой шли наши танки, кинулись остальные.

Прижавшись к башне, Олег задыхался от густой пыли, смешанной с перегаром солярки. Временами машины делали рывок, и тогда в душных завихрениях взлетали к небу клочья пережеванной гусеницами травы.

— Усилить наблюдение! Смертников не подпускать!

Казалось, ничто не остановит эту стальную лавину.

Танк, на котором Олег со своими десанниками врезался в боевые порядки самурайского опорного пункта, уже начал было утюжить вражеские окопы, когда стало ясно, что японцы предприняли отчаянный контрманевр. Собственные глаза отказывались верить... Но это был не мираж: около двух сотен смертников, придерживаясь шахматного порядка, ползли по траве в громоздких толковых поясах, перегородив путь танкам. Живое, подвижное, противотанковое поле. Так вот до чего они дожили, сыны человеческие?! Зашлакованные пресловутым духом «бусидо», убаюканные надеждой на покровительство богов, люди перестали быть людьми. Они низвели себя до роли, которую (при нужде) могли бы выполнить дрессированные овчарки. Как четвероногих, их и перестреляли тут же: танкисты — из пулеметов, десантники — из ППШа. Однако и мертвые смертники оставались минным полем. И тогда танковая бригада развернулась вправо и пошла на прямой таран городских окраин. Следом двинулись стрелковые части, форсировавшие реку.

Завязались уличные бои. С переменным успехом они не затихали целый день. Лишь к пяти часам после полудня удалось овладеть Муданьцзяном...

В ШТАБЕ ФРОНТА

Майор Хуторенко распрямылся над ручьем, в котором по утрам умывался, и увидел приближающуюся группу генералов. Они неторопливо пересекли поляну и скрылись за массивной дверью таежного домика маршала Мерецкова. Следом туда же подходила группа офицеров, среди которых Хуторенко сразу узнал своего начальника и друга полковника Забегина.

— Что-нибудь случилось? — насторожился майор.

— Кажется, да... — Забегин задержался у двери, приглушил голос. — Маршал Василевский на подлете. Только не увидим мы его, друг...

— Ничего не понимаю.

— Сейчас поймешь. Вперед! — И полковник пропустил майора впереди себя. Пока рассаживались и ждали маршала Мерецкова, Забегин не терял времени зря:

— На фронте осложнения. Слышал? Японцы в глубоком тылу уничтожают материальные ценности, особо важные объекты. Приказано позаботиться о десантах. В первую очередь — на Харбин...

— Откуда известно?

— Понимаешь, доверили-то именно мне командовать десантом. Нет только переводчика. Полетишь со мной? Или зря китайскую грамоту одолел?

— Я и с японской в ладу, а что толку?

— Тем лучше! Беру!

Маршал Мерецков появился с пухлой папкой в руках. Он остановился возле стола и оглядел присутствующих.

— Четырнадцатого августа, — неторопливо заговорил командующий, — японское правительство сообщило правительствам США, Советского Союза, Великобритании и Китая, что император Японии Хирохито издал рескрипт о принятии условий безоговорочной капитуляции. Однако только что стало известно и кое-что непредвиденное нами. Речь идет о милитаристском путче в Японии, вспыхнувшем после появления императорского рескрипта. В итоге войска Квантунской армии получили следующий телеграфный приказ своего генштаба: «Знамена, портреты императора, императорские указы и важные секретные документы немедленно сжечь». Правда, дивизия, охранявшая императорский дворец, не подчинилась заговорщикам, к утру путч был подавлен. Но милитаристские настроения в войсках все еще сильны.

А как ведет себя главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада? Он до сих пор не принимает никаких мер для связи с нами. Между тем, не далее как вчера, с участием американских дипломатов между Чан Кайши и генералом Окамура* уже начались переговоры о сотрудничестве и поддержании порядка в Китае и о совместных действиях против вооруженных сил КПК. Вы понимаете теперь, почему самураи медлят с капитуляцией именно перед советскими войсками? Почему они рвутся на юг, где возможна весьма своеобразная капитуляция: поражение без сдачи в плен? Наша задача — молниеносно организовать десанты и парализовать противника. Вопросы? — Маршал обвел усталыми глазами подчиненных. — Тогда у меня вопрос: все ли сделано, Григорий Акимович, по десанту на Харбин?

Поднялся генерал-майор Шелахов:

— На аэродроме, товарищ командующий, заканчиваются последние приготовления. Время вылета...

— Знаю, знаю, — перебил Шелахова Мерецков. — Время вылета мы поставили в зависимость от ответа на нашу радиограмму командующему Квантунской армии. Прошу огласить ее текст, — кивнул он

* Окамура — главнокомандующий японскими войсками в Северном Китае.

в сторону члена Военного совета фронта генерала-полковника Штыкова. Тот, не поднимаясь, торопливо прочел: «Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта.

Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен...»

Пока член Военного совета знакомил собравшихся с радиোগраммой, к Мерецкову подошел седовласый полковник:

— Срочная информация, товарищ командующий! Разрешите?

Маршал бегло перелистал документы, отложил перед собой два и углубился в чтение.

Наступила напряженная тишина.

— Обстановка обостряется, товарищи, — поднял голову Мерецков. — Десантироваться будем немедленно и не только в Харбине. Главком Василевский уже вылетел к нам.

Маршал подошел к генералу Шелахову, тот встал.

— Ну так что будем делать, Григорий Акимович? Некогда нам ждать приглашения от Ямады!

— Долечу и без «визитной карточки», Кирилл Афанасьевич! Привезу этого молчуна прямо в штаб. Разрешите?

— Не разрешаю, голубчик, а приказываю! — Маршал положил руку на плечо Шелахову. — Желаю удачи! Да, — добавил Мерецков, — можешь передать бойцам для поднятия духа, что к оккупированному японцами Пекину с юга подходят части Народно-освободительной армии Китая. Они переходят в наступление, чтобы образовать с нами единый фронт...

...Ветер в Приморье порою, как заправский чабан: ночью гонит тучные «отары» с моря, днем — поворачивает их обратно. Живо было очищено небо и на этот раз. При отличной видимости садился на хорольский аэродром «Дуглас» с японскими генералами на борту...

Так вот он какой, этот Хата — начальник штаба Квантунской армии: тяжелый взгляд, морщинистый лоб с залысинами, ворот рубахи расстегнут. На вытянутом, чисто выбритом лице генерала — следы усталости. На лицах его немногочисленной свиты — отрешенность. Только консул Макиява до испарины на лбу пытается удержать улыбку. Глаза у Хаты несуетливые, настороженные. Он первым снял головной убор и низко поклонился в ту сторону, где за массивным столом, кроме Василевского и Мерецкова, сидели главный маршал авиации Новиков, генерал-полковник Штыков, офицеры штаба. И тотчас вся свита Хаты переломилась в дружном, но холодном поклоне.

Василевский говорит без надрыва, уточняя порядок капитуляции японских войск. И переводчика чувствует. Майору Хуторенко легко с ним работать.

Понимающе кивает Хата, бесшумно шевелит губами консул, непроницаемо застыли восковые лица остальных.

— И тем не менее, — повысил голос главком, — сопротивление целых японских частей — все еще не редкость. Чем это объяснить?

Хата объяснил просто:

— Штаб Квантунской армии фактически потерял управление своими войсками. Мы и сейчас в затруднительном положении; нарушена связь...

Маршал понимающе кивнул.

— Для восстановления связи даем вам срок — до 20 августа. А теперь... Нам кое-что следует уточнить.

Василевский сдержанным жестом приглашает японского военачальника подойти к столу, поправляет карту, вооружается указкой, и Хата с этого момента молча следит только за ее острием. Он делает торопливые пометки в блокноте. Генерал—в прошлом военный атташе в СССР — все отлично понимает, но не отказывается и от переводчика: так лучше обдумывать, оценивать, запоминать. А запоминать надо многое... Вот уже и о судьбе высших чинов зашла речь.

— Нам некогда будет потом разбирать претензии о дискомфорте, — заключает Василевский. — Хорошее отношение со стороны Советской Армии гарантируется. И не только к высшим офицерам... Все ли ясно японской стороне?

Хата отрицательно мотает головой. Другие — тоже. Нет, не все ясно. Японская сторона нуждается в уточнении деталей. Появляются вопросы, неожиданные просьбы. Иные из них просто удивительны. Надо же: японцы, оказывается, более всего опасаются вовсе не советских солдат, а китайского и корейского мирного населения. Помнит дракон, на чьей земле наследил...

Получив из рук главнокомандующего ультиматум о немедленном прекращении сопротивления, генерал Хата суетливо спохватился:

— Прошу вашего разрешения... Очень это важно! Прошу оставить в распоряжении японского командования необходимый транспорт и средства связи для...

— И эту просьбу учтем, — пообещал маршал.

Обратный путь в Харбин генерал Хата со свитой совершил на том же самолете. Одновременно на его борту отбыла группа советских офицеров — уполномоченных по приему военнопленных. Майор Хуторенко на этот раз был в ее составе. Ему предписывалось действовать в районе Муданьцзяна при штабе 1-й Краснознаменной армии.

БЕЛЫЕ ФЛАГИ

Всю ночь монотонно скрипело колесо. В лунной чешуе плескались воды вышедшей из берегов реки Муданьцзян. В слабом пульсирующем зареве и дыме тонул огромный город. Олег простился с танкистами и кинулся вдогонку за своим полком. В медсанбат он так и не попал. Огромный синяк вокруг еще свежей, хотя и не глубокой осколочной раны тупо ныл. Его хромоту заметил командир артбатареи и просто предложил Олегу: «Давай-ка я тебя подвезу». А усталость брала свое... Сон отяжелял веки. И тогда монотонный, усыпляющий колесный скрип преобразился в задиристую ружейно-пулеметную пальбу, а встряска на колдобинах — в артиллерийский гул, разрывы гранат. И во сне продолжалась война, какое-то сумбурное мельтешение в голове, треск, пляска огня...

Выехали за город. Дорога вильнула на Харбин. Разбитая и жесткая, она дымилась под ногами едкой пылью. Кое-где попадались на пути рухнувшие мосты, болотистые участки, объезды.

Светало, когда перед входом в горный распад колонна остановилась, насторожилась после предупреждающего сигнала головной походной заставы: «Хода нет!» И, действительно, на заросших кустарником склонах сопок, не заботясь о маскировке, сновали японцы.

Западня?

Место, действительно, подходило для западни: узкое ущелье, склоны господствующих вершин. Но тихо вокруг. Никаких действий ни с той, ни с нашей стороны. Олег поправил автомат на груди, распрощался с артиллеристами и, прихрамывая, подался вместо медсанбата в голову колонны: где-то там — его полк, его батальон.

Войска уже втягивались в тесную горную падь, когда он настиг тылы однополчан. Начали попадаться знакомые, и среди них взмокший под минометной опорной плитой, отставший от роты Рубинчик. Олег возликовал: подхватил сгоряча тяжелый вьюк, помог Яше догнать роту.

Радость встречи усиливалась торжеством победы. Здесь, в горном распадке, повсюду маячили белые флаги. Японцы развешивали их на кустах, цепляли белые тряпицы на рукава, аккуратно — приклад к прикладу — укладывали в штабеля свои карабины. Гора трофейного оружия росла. Пулеметы стояли в три ряда, пушки чуть поодаль в один ряд.

«Вану бы эти штабеля, — подумал лейтенант Хуторенко. — Поди, уже сколотил отряд китайских ополченцев». Олегу захотелось с кем-нибудь поделиться своими впечатлениями от встречи с Ваном, рассказать о нехватке оружия для тех, кто становится сейчас под красные знамена освободительной борьбы. Мысль о передаче оружия в руки китайских коммунистов показалась Олегу настолько значительной, что он высказал ее капитану Зайцеву. Тот выслушал, почесал за ухом, хлопнул Олега по плечу:

— Не волнуйся! Об этом и без нас есть кому позаботиться. Лучше о своих минометах подумайте с Плотниковым. Собрать их надо. Вернуться кому-то на поле боя и собрать. Так и передай. Это приказ! Срок — сутки.

Плотников дал Олегу только двадцать часов на «туда и обратно».

ПАМЯТЬ

Почти месяц прошел как в полусне. Мариша понимала, что находится в госпитале, однако ничего не могла вспомнить. Лишившись памяти о прошлом, она не проявляла интереса и к будущему.

А потом пришло письмо, которое все разворошило. Писал не отец, как обычно, а мать. Судя по почерку, дрожала рука у матери. Маришу тоже кинуло в дрожь, когда начала возвращаться память...

«Дорогое дитя мое, — заговорил материнским голосом листок, — получила я весточку от твоих врачей. Пишут, что вроде лишилась ты памяти, а исцелит тебя мое письмо. Только я боюсь, как бы похуже не стало. У меня самой уже сил нету ждать вас с отцом. Как уплыл он в Корею, так и ни словечка... И ты туда же, как будто можно забыть свою родную мать. Вот и буду теперь гнущаяся, как ветка на ветру. Отзовись, доченька, хоть два слова черкни. Твоя пуля теперь в моем сердце сидит. Если не хочешь, чтобы я умерла, выздоравливай поскорее, приезжай. А то вокруг меня одно горе. Выкрутило оно меня...»

Память не сразу возвратилась к Марише, не сразу всплакнула она над материнским письмом.

Сны у нее еще долго путались с явью...

ПАРЛАМЕНТЕРЫ

«Ниссан» приближался к Муданьцзяну. Припекало. Майор Хуторенко вместе с генерал-майором Кавакоэ уже запылились изрядно, но не так, как пассажиры «доджа» и грузовика. Слишком долгим показался этот путь из-за мощного встречного потока. Не очень-то разгонишься, уступая дорогу войскам.

Белые флаги на коротких древках неистово металась по обеим сторонам ветрового стекла. Водитель «ниссана» кивнул на эти флаги и пробормотал вроде сам себе: «Грешные души, наверное, вот так же извиваются в аду». Майор Хуторенко не стал возражать. Знал: символом траура в Японии считается белый цвет.

Непонятно было, однако, зачем японским военачальникам понадо-

бился грузовик, сплошь набитый бревнами и солдатней. И майор Хуторенко не удержался, спросил об этом.

— Зачем? — переспросил сидевший рядом с генералом японский полковник. Вытянутое, покрытое пылью лицо японца казалось медным, рука так и осталась лежать на эфесе сабли, когда он деловито пояснил майору:

— На случай затруднений на дороге...

Генерал с достоинством кивнул, полагая, видимо, что после его личных решительных приказов на этой дороге (от Муданьцзяна до Харбина) не осталось ни одного моста.

— Не понадобится! — заверил Хуторенко. — Наш передовой армейский отряд опередил ваших подрывников. Он уже в Харбине...

— Э-э-э... Надо! Нужен грузовик. Пожалуйста...

Майор Хуторенко не стал спорить. «Скорее всего, — подумал он, — японцы просто-напросто не считают меня надежной защитой. Поэтому-то и обзавелись охраной...»

Выехали машины со станции Хэньдаохэдзы, где неподалеку от утлых китайских хибар в сером приземистом здании штаба 5-й японской армии шумно и нервно уточнялись условия и порядок капитуляции. Поистине верно сказано: нету у души таких тайн, которых бы не выдавало поведение. Впрочем, японцы и не делали тайны из того, что решительно не принимали термина «капитуляция». Пришлось звонить Белобородову, предпринимать эту поездку.

О чем думали японский генерал и его полковники, вглядываясь в лица советских солдат? Побежденные ничем не выдавали своего отношения к победителям. А было о чем подумать. Сколько лет воинственно клочкотали недра Страны восходящего солнца, прежде чем появился нужный императору солдат, эдакий человек-кувшин, в который можно вливать что угодно. Впрочем, формировалось не только послушное стадо, с гордостью, под звон фанфар бредущее на бойню, но и его пастухи. У этих предводителей была одна забота: «кувшины» должны постоянно кипеть — подозрительностью, ненавистью к врагу, презрением к смерти. Только тогда они сохраняют способность быть воинственными, неприхотливыми, безжалостными. И вот результат — тупиковая ситуация. Не возвысил, а подкосил нацию этот, казалось бы, испытанный дух «бусидо». Да и где он, сей дух?

Размышляя об этом, майор Хуторенко мельком оглянулся на японского генерала, увидел его бесстрастный, окаменевший лик и понял: никакое это не мужество. Скорее — защитная реакция, страусово крыло для тех, кто обещал силой добыть нации золотые горы, а привел страну к озлоблению и краху.

СРЕДИ МЕРТВЫХ

На еще не убранном поле боя трудилась похоронная команда...

Олегу вспомнилась ночь перед штурмом, когда пробирались они к передовому отряду сквозь вражеские засады. И голос Лухтана в непроглядной тьме, душераздирающий стон, его последняя просьба. Он должен быть где-то здесь, вместе с недостающей двуногой.

Продолжая поиски оружия, Олег все время поглядывал на дорогу: дозарезу нужен попутный транспорт. Надеялся на автомашину, а подкатила обыкновенная китайская арба. Почти бесшумно подкатила, вывернулась из-за бугра, без коня, на людской тяге. Впереди отряда народных ополченцев шел Ван. С Олегом они обнялись, как братья:

— О, капитана! Пэнью, хао! Вансуй!

Другие ополченцы тоже приветствовали Олега и Яшу. Они согласились помочь минометчикам, торопливо разбрелись по обем сторонам

дороги в поисках двуноги. На обочине осталась одна арба. Ее, оказывается, потому и пришлось тащить вручную, что напоролись на недобитого смертника. Он-то и ухитрился завалить коня, ранить двух человек.

На арбе тесно раненым, жестко. Лежат на клочке сена, перевязаны тряпьем...

Яша узнал Гогу.

— Куда угодило, отец?

Тот молча захопал опухшими ресницами. В уголках глаз задрожали две светлых горошины. Не поворачивая головы, Гога скосил глаза на пленного с обгорелыми ушами японца.

— Один полудохлый ронин мог всех перещелкать... Полюбуйся на него. Говорит, что пограничник... Эдано...

— Крепко он тебя?..

— Да нет! — Старик поднялся на локте, увидел, что разбрелся отряд. — Чего они там потеряли? — спросил Яшу.

— Ищут... Куда-то пропал один наш боец с двуногой-лафетом.

Гога нахмурился:

— Так вы не человека ищете, а железку?

— Не просто железку.

— Понимаю: ту, которая убивает. Взрослые ведь других «игрушек» не признают. Проклинаю! Железо смертное проклинаю, людей, которые стреляют в людей. С проповедью пойду в народ, снова пойду...

— Значит, и мы, по-твоему, убийцы? — строго осведомился Яша.

— А сам ты как думаешь? — Гога даже побагровел от возбуждения.

— Я тебе отвечу, отец. Только ты запомни, что скажу, и другим растолкуй: советские люди в людей никогда не стреляли... Никогда!

Подшли к повозке ополченцы с японскими карабинами за плечами. Зашумели, расталкивая по карманам патроны. Гога поднял голову, стараясь повернуться в их сторону.

— Да-а, оружие легко поднять, человека — труднее.

Яша слегка прикоснулся к его плечу:

— Не дергайся, отец! Так падо... Без оружия пока нельзя, — и он стал деловито перевязывать рядом лежащего китайца, у которого из разодранных брюк торчала изуродованная нога.

— Кость перешибло. Его работа, — и Гога поглядел в ту сторону, где под охраной ополченцев сидел на траве Эдано.

— Ладно, старина, лежи. Нашего железа не бойся. Оно друзей не сечет. А вы — друзья!

— На тысячу лет! — подтвердил раненый китаец.

— На десять тысяч лет! — поправил его подошедший Фу Дун. — Мы всегда уважали силу! А вы — сила, не то, что некоторые. — И он небрежно кивнул в сторону пленного японца.

— Силы, говоришь, у них нету? — покосился Гога на Эдано. — А глаза у тебя есть?

— Спрашиваешь! — раздраженно насторожился тот.

— Тогда погляди вокруг и попробуй сосчитать мертвых или вспомни, как все мы глохли от газетных фанфар: «Императорские орлы захватили инициативу в воздухе!», «Бомбовые удары по Австралии и Новой Гвинее!», «Разгром англо-индийских войск, вторгшихся в Бирму!». Вспомнил? А ты говоришь... Нет, брат! Самурай этой своей силой метил полсвета загрести, пока ему клыки не обломали.

— Откуда же у них этот воинственный зуд? — Яша тоже поглядел на пленного, но ничего грозного в его облике не нашел.

— Ясно откуда! — оживился Гога. — Их же с детства уродуют и уже не один век. Одно внушают: «Воздух хорош, когда в нем поют стрелы, вода вкусна, если разбавлена кровью, мясо жарить лучше всего на костре, сложенном из щитов противника; одна битва может дать

больше золота, чем год ковыряния в земле...» А ведь любой японец достоин лучшей участи. — Гога снова кивнул в сторону Эдано, но скривился от боли и добавил с раздражением: — Только не этот безухий, обгорелый пень...

ИСПЫТАНИЕ

Харбин казался двуликим: днем пластался в услужливых поклонах, ночью настырно щетинился пальбой. Центр города—цивилизованная Европа, окраины с базаром — глинобитный улей.

Олег случайно узнал, что Мариша в Харбинском военном госпитале: вернулся в роту Назармат. Он все еще был слаб и потому освобожден от строевой подготовки: готовились к параду Победы.

— Восьмой палата ваша жена, третий корпус, второй этаж, тава-рыш камандыр. Отец ваш тоже — третий корпус... Сам видел.

Расспросив, как добраться до госпиталя, Олег решил завтра же с утра навестить Маришу, проведать отца.

Спал плохо: мешала, беспокоила пальба. Она тут с вечера начинается, и не понять иной раз, что к чему. Олег слышал, как подняли по тревоге роту старшего лейтенанта Карпенко, видел, как вернулись ребята после ночного патрулирования по Харбину.

Шел нарочито не торопясь с трофейным маузером на боку. Завернул по пути к базару в надежде порадовать Маришу подарком.

Пока искал торговцев тонким китайским шелком, и нагляделся, и наслушался... О, что за столпотворение этот китайский базар! Площади, на которой шел торг, бурлила, как перегретый котел. Примыкающие к базару улочки то выталкивали в кипящую людскую лаву новые волны, то, наоборот, втягивали их, и тем, казалось, не позволяли котлу взорваться.

Подхватила и Олега эта живая лавина. Чего только не предстало глазам! Дымились уличные жаровни, пестрели тенты над лотками со снедью, надрывались лавочники, зазывая покупателей. По улочкам и проходам сновали разносчики пряностей, увивались перекупщики барахла, бесцеремонно тормоша встречных: «Купи! Купи! Купи!». А потом пошли рыбные, овощные, винные, мясные, хлебные ряды... Горы арбузов, дынь, породистых, похожих на дрова, огурцов. И тут же горки синих баклажанов, красного перца, земляного ореха.

Олегу же нужен был шелк — тонкий, белый, воздушный. Именно о нем (о платье из такого шелка) мечтала его Маришка. Уже потеряв всякую надежду найти его, Олег увидел наконец то, что искал. Шелком торговал старый китаец с жиденькой седой бородкой. Он не кричал, зазывая покупателей, а неторопливо попивал крепко заваренный чай из маленькой чашки.

Едва Олег вытащил из кармана пачку новых хрустящих бумажек, его окружили плотным кольцом вездесущие барахольщики. Еле вырвался из этого муравейника.

Госпиталь нашел без особого труда. А вот и третий корпус, восьмая палата.

— Олег! Родной! — Мариша по-детски всплеснула руками и, не скрывая слез радости, повисла на его груди. — Я так ждала! Я могла умереть без тебя...

— Теперь не умрешь! — заверил Олег. — Теперь мы рядом. Через денек жди меня. Дорогу знаю...

— Я вижу, ты главного не знаешь. Ты разве не получал моего письма?

Олег ничего не получал, но от доктора, добираясь к Марише, он все же узнал кое-что, и поэтому для него не были новостью вести из Южной бухты.

— Меня уже выписывают, Олежек. Может, даже завтра. Буду те-

бя ждать. У мамы. Вместе будем ждать возвращения отца из Кореи и твоих писем.

— А как тут мой отец? Он ведь здесь! Назармат его видел.

Мариша нахмурилась, будто в тень вошла с освещенной солнечной стороны.

— Ну вот! Значит, действительно не получал... — огорчилась она. — Представляешь, твой отец сам ко мне зашел перед операцией. Принес исписанную тетрадь. Пообещал вторично зайти, но... Не видела я его больше.

Олег побледнел:

— Что-нибудь случилось?

— Ничего страшного... Просто он не успел зайти. Его срочно отравили в Москву...

...До парада Победы в Харбине оставались считанные дни.

Казakov Владимир Лукич родился в 1939 году на Алтае. Служил на флоте. Работал на строительстве Красноярской ГЭС. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор поэтических сборников «Полынь-трава», «Летнее поле», «Снег наутро» и др. Член Союза писателей СССР. Живет в г. Барнауле.

Владимир КАЗАКОВ

ХЛЕБ НА СТОЛЕ

* * *

Хлеб на столе —
сердцу теплой,
здравницы величальной.
Сердцу теплой —
жизнь веселей,
неужто не замечали!

Неважно какой —
ситный, ржаной,
«алтайский»
или «московский»;
сдобный, обойный ли,
заварной —
только бы не сиротский.

Только б не тех
проклятых лет —
горьких,
военных,
обидных,
что и сегодня
причиной бед
косвенных и очевидных.

Хлеб на столе...
Только ли хлеб!
А может, поклоны
отчей земле,
полю надежд и печалей
всех,
кто сегодня
не только в селе
о собственных снах
забывает жалеть,
дождаться страды
не чаёт!

Чтобы до зернышка
ниву прибрать,
с верхом засыпать
все закрома
золотом
жизни полным,
пусть многотрудным,
как в дальнем вчера,
пусть беспокойном,
не задарма,
только бы не заемным.

Хлеб на столе —
волос белей,
кровнее отчие дали.
Волос белей —
думы светлей,
заслуженнее медали.
Не за глаза, слава богу,
за хлеб,
что при желанье
у всех на столе
всегда и доступен,
и кстати.
Но сколько б нам всем
ни жить на земле —
на протяжении
всех наших лет
слов благодарных
не хватит,

чтобы воспеть его —
ситный, ржаной,
сдобный,
обойный ли,
заварной;
«алтайский»,
«орловский»,
«московский».

Пусть даже черствый,
 пусть пресный —
 любой,
 только бы не сиротский.

* * *

Неповторимы открыванья
 весенней утренней земли,
 когда под всхлип, под бормотанье
 воды раскованной
 болит

душа
 берез и ветел влажных,
 стяхнувших мартовские сны,
 желаньем —
 запылать отважным
 зеленым пламенем весны.

Когда представится увидеть,
 как чертит шмель незримый след,
 чтоб ненароком не обидеть
 едва приметный горицвет.

И вдруг с печалью безотчетной
 под шорох прошлогодних трав
 понять,
 что ты бесповоротно
 потерял для былых забав,

когда легко жилось,
 а пелось
 как бог на душу положит,
 когда считалось
 за сверхсмелость
 безликость уличать во лжи.

И, дрогнув,
 с робостью поверить,
 что, кажется, сумел и ты
 открыть таинственные двери
 в мир, что далек от суеты.

И, задохнувшись от волненья,
 вблизи берез,
 стяхнувших сны,
 считать свое сердцебиенье
 сердцебиением весны.

И, убеждаясь в том,
 что голод
 свободных вод неутолим,
 молчать
 и вслушиваться в голос
 весенней утренней земли.

* * *

Я не запомнил маму
 молодой,
 хотя и до войны успел
 родиться.
 Но годы, ставшие для всех
 бедой,
 как видно, старили
 не только лица.

Не помню,
 чтоб пыталась
 танцевать,
 частушкой озорною
 день венчать,
 не до того,
 когда меня встречать
 из школы нужно было,
 и не после,

когда я стал
 у клуба гарцевать
 и выбирал,
 кого окольцевать,
 и шел домой с вечеров
 словно в гости.

Не слышал,
 чтоб желала стать
 женой
 кому-нибудь из тех,
 кто порывался
 отца мне заменить,
 что за Десной
 в могиле братской
 навсегда остался.

Быть может, не решалась
 потому,
 что был завещан бабушкой
 хомут
 забот
 о кровных сестрах,
 ждущих счастья...

А годы —
 впору одевать суму
 и на поклон
 хоть к богу самому,
 когда бы верить —
 счастье в его власти...

Не видел,
 чтоб садилась у окна
 за книгой скоротать
 свободный вечер.
 Но в этом не ее —
 моя вина,
 оплачивать которую мне
 нечем.

Что толку от моих
невольных слез!..
Я — взросл.
В запросах маму перерос.
И книги
сам творить пытаюсь даже.

И все же убеждаюсь:
как не прост,
до маминых забот я
не дорос,
а дорасту ли —
жизнь сынов покажет.

* * *

Нет у меня пальто
на черной шелковой подкладке.

*Из песни, исполнявшейся
в начале 60-х годов*

А нас любила юность и за то,
что было на двоих одно пальто.
Одна забота и печаль одна —
не затеряться б нашим именам.
И даже пребывая на «мели»,
не складывать на «черный день» рубли.

Нам молодость светила... Это — факт!
За то, что не искали шальный фарт.
И к звездной славе, что не обрели,
в обход своих высот мы не брели.
И там, где нам шептали помолчать —
рубил откровения сплеча.

И молодость нас уважала все ж
хотя б за то, что не бросали в дрожь
нас шивера на Бирюсе и Мане,
когда не раз крылатые плоты,
противясь воле мускулов литых,
трещали, пересчитывая камни.
И, выплывая всем чертям назло,
мы удивлялись: «Надо ж, повезло!»

И молодость прощала нам грехи
за песни и за честные стихи.
За то, что и желали и умели
работать, если нужно, за двоих.
И не казаться, нет, а быть при деле,
чтоб звездной славой метили других.

* * *

Жилка паутинкою
на виске.
Волосы с рыжинкою
в золотом песке.

Близкая. Желанная.
Жаль будет терять.
До чего ж обманная
между нами гладь.
До поры, поверь, она,
до черты,
за которой
я — не я,
ты — не ты.
Мы не обрученные.
Мы — пока,
словно два плывущих
врозь

облака.

А сольемся —
быть грозе,
грому быть.
Знать, не вышли еще все
сроки

так любить,
чтоб дорогою одной,
подкою одной
плыть...
Чтоб жить одной судьбой
и одной виной.
Может, статья, повезет —
грянет час весны
и по сердцу полоснет
взгляд из глубины.
Осенит, благословит
легкий взмах руки.
Обернуться повелит
шепот:

— Береги!

Тайну нашей близости,
света и тепла...
Все, чем ты умела быть
и была...
..Только что ж я
о былом,
о прошедшем том!..
Ты давно хранишь
мой дом
и меня притом.
Как умеешь —
бережешь
от любви к другим.
Зависть недругов и ложь
обращаешь в дым.
И за то, что повезло,
что полна казна
вещих снов
и светлых слов,
плачено сполна
грустью,
радостью земной,
маятью.
Золотою сединой,
памятью.

*Марченко Владимир Борисович родился в 1946 году на Алтае. Выпускник Литературного института им. Горького. Работал в районной газете. В альманахе опубликовал повесть «Лесной пожар», вышедшую затем в 1982 году отдельной книгой в Алтайском книжном издательстве.
Живет в Новогорьевке.*

Владимир МАРЧЕНКО

ЧТО-ТО НЕ ТАК

ПОВЕСТЬ

Молодой, но уже с обширной лысиной адвокат Игорь Олегович Греков ободряюще кивает головой. Глаза у него почти круглые, темно-карие, редко мигают, губы тонкие, почти невидимые, на жилистой шее острый кадык, плечи широкие, как у штангиста. Греков успокоил Мальцева, сказав, что срок будет минимальным. Просто сущий пустячок.

«Пустячки тоже бывают разными, — раздумывает над словами адвоката Мальцев. — Три года тоже пустяк по сравнению с десятью. Напрасно он так сделал. Надо было уйти и все. Некрасиво получилось. Если бы малость выпил, тогда бы другое дело. Зачем вернулся? Кому что доказал? Себе сделал хуже. Ей ничего не докажешь, значит, не стоило доказывать».

Фаина Ивановна Свеклова словно на иголках. Она соседка Василия, живет слева в большом крестовом доме под железом, много видела и слышала о Мальцевых: как он бревна возил, как сарай строил, известно, соседки знают о нас куда больше, чем знаем мы о себе. Она могла бы отказаться от дачи показаний, но не в ее правилах молчать. Свеклова смотрит на Мальцева, как на заклятого врага. Надоел ей этот сосед. По его вине огород пришлось сократить. После суда утихомирится. Как шелковый станет.

Фаина Ивановна — продавец заслуженный. Ее знают, ее портрет на районной доске Почета. Слово Свекловой весомо, на собраниях к ее голосу прислушиваются. И сегодня она скажет.

Процесс ведет судья — пожилая женщина с мягким, но громким голосом. Выразительные жесты, величавая осанка, лицо хотя и увядающее, но следы белой привлекательности не сошли. Никаких украшений; прическа, одежда Агнии Львовны строги, аккуратны, внушают уважение. О ней говорят очень многое, но хорошего больше, а странности — у кого их нет? Если бы мы их замечали, а то ведь, заглядывая в зеркало, не увидишь лысину на затылке.

Прокурор на год-два старше Мальцева, а может, кажется, что выглядит молодо. Лицо знакомое, Василий никак не может вспомнить, где встречались. Иван Антонович Кульга не так уж молод. Начал работать следователем прокуратуры, окончил юридический факультет, шестой месяц в прокурорском кресле. Отчего-то жалко ему подсудимого. Вид не вызывает никаких эмоций, но суть дела неуловимо трогает до глубины души. Он целиком на стороне Мальцева и даже больше: одобряет его поступок. Одобряет, но никто не должен знать об этом. Прокурор не поддается эмоциям, он, как стекло, — холоден и прозрачен. Кульга вздыхает про себя: «Человек — не стекло».

В зале непривычно светло. Заходящее солнце довольно высоко висит над Берестянкой, его лучи бьют в широкие наскоро протертые окна. Василий не помнит, чтобы в зале снимали плотные шторы затемнения. С самого начала, как только построили клуб, на окнах были желтые занавески, а за ними черные. Он не обращал внимания на это, а сегодня подумал, что не стоило строить кинозал с окнами, если занавески пришлось снять только сегодня на заседании выездного суда.

Екатерину увидел неожиданно. Она сидела с Петровым — мастером второго участка. Екатерина не смотрела на сцену, перешептывалась с матерью. Надежда Пантелеевна, кажется, в чем-то убеждала ее. Она не соглашалась, поводя головой из стороны в сторону. Кто-то из них должен сегодня держать его сторону. Скорей всего, теща. Она всегда понимала его, поддерживая порядок в семье. Если бы не уехала к младшей дочери, не произошло бы того скандала.

«Суд идет, суд идет», — повторяет в который раз Мальцев мысленно. Эта фраза знакома ему по кинофильмам, по телеспектаклям. Идет суд! Идет суд над ним и никуда не деться, ни провалиться, ни стать невидимым, а как хочется исчезнуть из этого знакомого зала, от этих знакомых глаз, как хочется проснуться и понять, что все это сон. Не проснешься, потому что это не сон. Голос судьи Федоровой звучит строго и жестко. Почему-то кажется, что зал начинает слегка покачиваться. Мальцев кусает губу и не чувствует боли. «Воды бы», — думает он. Графин стоит на столе, рядом стакан. Один большой шаг, а может, и два.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕЙ Е. А. МАЛЬЦЕВОЙ

(стенограмму расшифровала Л. В. Зуйкова)

...Он всегда пил. И всегда отговорки: то говорит, что надо было поставить нужному человеку за комбикорм, то за горбыли, то за распиловку. Я уж ему говорила, говорила, как об стенку горохом. Обещает, обещает. Лечиться не хочет. Я, говорит, не алкаш, я, говорит, для дела, а не ради удовольствия пью. Отпускные пропил. Все до копейки. Стала спрашивать, куда дел. Сует под нос кулек конфет да какую-то сломанную игрушку. (В зале ропот, выкрики.) Что с пьяным разговоры разговаривать. Как уехала мама, он стал наглеть все больше и больше. Мои нервы на пределе, я его стала бояться. Ребенок маленький. Он так громко кричит во сне, когда напьется, начинает ночью шариться по квартире. Включает проигрыватель на всю мощность, бросает окурки куда попало.

К Мальцевым приехали гости. Заявился младший сын Васька, отслужил в армии и с год работал на лесозаготовках. Длинных рублей не привез, но приехал с подарками и с молоденькой девчончишкой с подпорченной фигурой.

Последний раз хлопнула калитка, и во дворе Мальцевых стало тихо. На большой застекленной веранде, похожей больше на теплицу, звякали ножи, тарелки. Мотыльки и мошки хороводились вокруг лампочки. Женщины наводили порядок, а мужчины курили на крыльце. Огоньки высвечивали лица Мальцева-старшего, Дмитрия и Василия.

— Пошли, — отрывисто выдохнул Степан Петрович вставая. — Дело есть.

Вынув бутылку из холодильника, Мальцев крутнул белый колпачок в широкой ладони, сдернул его заскорюзлыми толстыми пальцами, исчерченными полосами и полосками — следами работы с металлом.

Катя, уставшая от шума и расспросов, собралась мыть посуду, но ее остановила Нина Даниловна.

— Погодь, доча, что-то дед наш раздухарился.

— Дождались, слава богу. — Мальцев-старший посмотрел на Василия и Катю. — Жить где будете? Дома или там?

— Не решили еще, — сказал Василий.

— Ты тракторист! Механизатор широкого профиля. Тебе к земле надо!

— Отец, — попросил Дмитрий, — давайте завтра вечером соберемся у меня и потолкуем.

— Я — хлебороб. Кормилец страны. — Мальцев-старший пристукнул кулаком по столу. — И брат твой хлебороб, и мой брат, твой дядька, тоже землю пашет. Хлеб — он голова. Есть у нас хлеб — никакой враг не страшен.

— Это мы, отец, знаем, — сказал Василий. Он видел, как трудно сидеть Кате и теперь переживал за нее.

— Ты скажи нам: кто ты? Лесоруб?

— Лесорубы тоже нужны.

Утром, проснувшись рано, Василий слышал и раскатисто-суровый рокоток «Урала», и торопливый голос Дмитрия. Разговор шел о новых вариантах, о шнеках и о том, что завтра выедут косить озимую рожь. Знакомые с детства запахи родительского дома вновь окружали его, но он теперь не босоногий пацан, а совершенно взрослый и даже семейный человек.

Умывшись, Катя с любопытством еще раз оглядела просторный двор, копошащихся в пыли у сарая кур, заглянула в летнюю кухню и увидела небольшой сад.

— Пойдем, Вася, там яблоки. Я еще не видела, как они растут.

— Пойдем. Они еще зеленые.

— Все равно.

Катя сорвала большое зеленое яблоко, надкусила, посмотрела на мужа.

— Какие-то безвкусные.

— Может, арбуз?

Нож с треском рассекал полосатую шкуру арбуза и красную, словно присыпанную сахаром, мякоть. Катя взяла широкий, исходящий холодным соком пласт и, не съев и половины, сказала печально:

— Как хотела, а теперь не хочу.

— Ничего, ничего, дочка, — ободряюще проговорила Нина Даниловна. — У меня так же было. Только фрукты и ела, а другое на дух не надо. Не ты первая, не ты последняя.

До обеда Василий возился со стареньким мотоциклом. Промыл карбюратор, подтянул цепь, накачал шины. На пруду пробыли до вечера. Василий поймал на удочку десяток карасей, а Катя загорала. Было начало августа, но солнце светило по-летнему — напористо и с удовольствием. Она лежала на одеяле и удивлялась:

— Надо же, Вася, ни комарика, ни мошки.

— Давай переедем сюда. Яблоки растут. Арбузы есть. Лето теплое, длинное...

— А как же дом? Мама хотела, чтоб мы жили в своем доме. Она свой продала, чтоб нам купить, поэтому и уехала к сестре.

— Ну что ты, Катюша, не обижайся. Я что, я понимаю маму. Да мы посоветуемся, возьмем ее к себе. Она с нами здесь будет жить. Тут и мед, и молоко, и витамины задаром, считай. Мы еще в сад съездим, в наш, в колхозный. Мы с ребятами посадили, когда в шестом учились. Вся школа сажала. Сорок два гектара. Чего только нет: малина, смородина, вишня, слива ну и стелющиеся яблони. До Нового года лежат — доходят, а вообще, если хорошо уложить, до лета. Что молчишь? Садик свой разведем, как у наших. Варенье, компот — вари, суши. Знаешь, как полезно и тебе, и пареньку нашему.

— Да ладно, — смущенно улыбнулась Катя. — Вдруг девочка?

— Всем полезны витамины. Ну как?

— В Ягодном брат ведь. Как от него уезжать? Подумать надо, Вася.

— Давай подумаем. Не тороплю.

Кончилось кино, прошла программа «Время», а Степана Петровича не было. Выключили телевизор, начали спать укладываться.

— Косить зачали, — сказала Нина Даниловна. — Теперь дома не увидишь. На всю уборочную в бригаду переселились. — Заметив удивленные глаза снохи, пояснила: — Приезжает, конечно, то в баньку, то дожди начнутся — это, как всегда, недели на две работу оставливают в колхозе, а бывает, и без дождей. Дней за пятнадцать и управятся с хлебушком. Димка в соседний колхоз на подмогу едет, а отец — тот плуг цепляет и зябь пашет...

— Да не плуг, мам, а плоскорез.

— Кака разница — все едино, — кивнула головой Нина Даниловна. — У них на бригаде такой домина отгрохали, что твое правление. Все там у них: и красный уголок с телевизором, и столовая, и спальня, и баня. Автолавка каждую неделю бывает. Пиво возят, газированную воду. На посевную отец простыней накупил и три пододеяльника привез. Давали им там.

— Тебе тоже дадут, — улыбнулась Катя.

— Конечно. Перед армией мы хлеб убирали. Ничего получилось. Абонемент на «Жигули» дали. Завтра у Димки попрошу, покатаю тебя.

— А ты умеешь? — удивилась Нина Даниловна.

— Мама, ты чо! В училище хотел сдавать, да что-то не получилось. Зерно ж я возил, когда работали, шоферов подменяли с Димкой. В армии на права сдал. Меня в колхоз возьмут. Не будет подходящей машины — на трактор пойду, в отцову бригаду, не будет доброго трактора — на ферму пойду, на мехлопату или на бульдозер. В леспромхозе на трелевочнике работал. Ничо ребята у нас в бригаде. Меньше плана никогда не давали. Помнишь, Катя, как на Мулешке работали? Пожар не забыла? Как просеку рубили? Понимаешь, мама, люди там дружные. У кого беда — помогут. Поэтому и понравилось мне там. Вот только лето короткое. Даже подсолнухи не вызревают, помидоры в валенках доходят.

— А картошка, сынок, как? Дорогая, поди?

— С картошкой нормально. В любое время года цена одна: ведро — рубль.

— Скажи-ка. А у нас по весне до пяти доходит.

Утром Катя проснулась рано. Редкое стадо коров собирали хозяйки в узком переулке, громко переговаривались, обсуждая, кто как пасет. Пастухов не стало в селе, изжила себя эта нужная специальность — не желают люди за скотиной ходить. С овечками еще нет беды, берется какой-то приезжий мужичонка. У него мохноногая лошадь, одноколка с фанерной будкой и здоровенная собачина неизвестной породы, которая настолько умна, что, когда хозяин уезжает в село за пивом или еще за чем, аккуратно пасет отару. Вот и составили хозяйки график — сами пасут, сами критикуют друг друга за неважную пастьбу. Куртинку у пруда так ископытили, что травинки зеленой не видно. Корова — животное многотравное: две травинки щиплет, а восемь копытами топчет. Куда ни сунься — посева, глаз да глаз нужен да еще ноженьки резвые. У кого есть парнишки в доме, так те на мопедах пасут, а у кого повыврастали — плач, да беги. Колхозные сторожа на конях, сразу отраву усмотрят и акт составят. «Грамотнющие, черти, — говорит Нина Даниловна. — Взлезет на лошаденку ядреный мужчина и катает день-деньской, а надоест — спешится и под кусток. К концу лета и на человека-то не похож, бочонок с салом — во как откормится без работы».

— Вася, воды хочу, — виновато проговорила Катя.

Мальцев тут же вскочил, намереваясь спуститься в кухню по узенькой лесенке, но не успел.

— Помнишь, на рыбалку ездили к Черному яру, там еще Малиновая гарь недалеко? Там ты родник нашел, помнишь? Хочу такой воды.

Приснилось. — Катя по-детски скривила припухшие губы и умоляюще посмотрела мужу в глаза. — Глоточек бы.

— Давай из колодца принесу, что в огороде. Мама из него берет стирать — очень мягкая вода.

— Хочу, чтоб хвоник на дне лежали. Так хочется...

Заметив страдальческое выражение глаз жены, Мальцев не удержался, улыбнулся и тут же заговорил:

— Подожди, что-нибудь придумаю.

— Только ты не смейся, ладно? — жалобно произнесла Катя, не замечая, что бретелька ночной рубашки соскользнула с плеча. — Что смотришь? — полушутя-полусерьезно замахнулась на мужа. Такой трогательно-беспомощной и необычайно красивой он еще не видел свою жену. Осторожно повалил на большие в розовых цветах подушки, поцеловал в губы.

— Кто это Катеньку нашу обидел? Мы ему сейчас зададим...

Увидел в уголках глаз набежавшие слезины, тихо отстранился, встал на колени, поправил одеяло.

Катя на секунду закрыла глаза и тихо улыбнулась. Отметив про себя, какие у его жены длинные ресницы, вскочил, начал лихорадочно собираться.

— Лежи и жди. Через час будет вода! — радостно выкрикнул Василий, бросаясь по ступенькам вниз.

— Далеко в такую рань наострился? — удивилась Нина Даниловна, процеживая молоко.

— Катя воды захотела. Из родника. Пили мы такую в тайге.

Мать налила молока в большую глиняную кружку, подвинула на край стола.

— Пей. Любил парное. Кружка — твоя ровесница. Только из нее и пил. Прибежишь со школы, хватать — и всю до доньшка и выдуть. Димка тебя так и дразнил теленком.

— Отвык, мать, — вздохнул Василий.

Васька торопился. Как на грех, встречались знакомые, приходилось замедлять шаг, рассказывать в который раз, где был, что делал, что намерен делать. Знали уже и о жене, и обо всем прочем. Деревья-матушка сильна своими корнями, связями, где каждый кем-то кому-то доводится, если не родственником, то уж односельчанином точно.

Весной в Березовском леспромхозе формировался летучий лесопункт, комплектовался вахтенный поселок, работающий в межсезонье в дальних труднодоступных лесных массивах. Бригады лесопункта в основном состояли из молодежи и добровольцев, не обремененных малыши детьми, хозяйством и прочими бытовыми закавыками, кои мешают и не дают отрываться от дома на большой срок.

Парни и девушки жили в передвижных, но удобных балках-вагончиках, дышали нанчистейшим воздухом, настоенном на костровом дымке и расплавленной смолке-живице, вечерами пели у костра под гитару, на которой играл он — Василий Мальцев (в армии дружок научил), а некоторые рыбачили. Без свежей рыбы вахтовые не жили, даже вялили и сушили. Пашка Чавилин вместе с Василием служил, уволился в запас раньше, он-то и открыл этот поселочек Ягодный и дружок армейских приманил, дескать, можно маленько подзаработать. У танкистов дружба крепкая, не захотели сразу расставаться, экипажем машины боевой прибыли к Пашке в гости, на работу устроились, с поселковыми подружились, а потом, через месяц, другой, к домам их потянуло. Василий не поехал, познакомился с Катей Плетневой, когда в больницу попал, вместо сучка соснового ногу рубанул, хирург ногу ему залечил, а сердце заболело, так и женился на фельдшерице Катеньке: много девчат в Ягодном, а Катя — одна, и другой такой нет.

Катя совмещала три должности. Парни шутили: «Васька, твоя Катюха больше тебя зарабатывает». Народ подбирали крепкий, здоровый, значит, фельдшер сиди, помогай поварам — у них запарка: аппетит в тайге просыпается у парней отменный, — только подавай, одной картошки надо полмешка начистить. После того как рабочий день закончится, а заканчивается он у разделочников поздно, девиз они придумали себе: «Чтобы было чисто!» Ну, вкальвают до звезд, пока на эстакадах не останется и кривого хлыста. Тогда садится Катя с десятниками и мастером в столовой, попивает компот из прошлогодней брусники, считает проценты к плану, к обязательству с начала года, квартала, сезона и так далее. Сводка сделана. На двух соснах у столовой экран распят, проектор рыльце стеклянное наострил. Не начинают сеанс, ждут, пока Екатерина сводку не передаст по радию.

Мастером Катин отец был; мужчина высокий, молчаливый, подковы не гнул, подков не было, но поговаривали, будто он бочку бензина два километра нес. Куда и зачем нес — неизвестно. Там, на вахтенном, Василий получал уроки таежной премудрости. Тесть учил управлять лодкой, находить неисправность в моторе, ставить сети, солить рыбу, шить берестяные кузова. Уроки увлекательные, уроки суровые, требующие силы и ловкости, остроты ума и цепкой памяти. Василий запомнил названия съедобных трав и корешков, умел точно свалить сухое дерево, быстро развести костер, сварить уху в капроновом ведре.

Выросший в степи, Мальцев и реки настоящей не видел, а как растут кедровые орехи, понятие имел смутное. Сначала снились ему волнующиеся хлебные поля, заросли облепихи и чистый сосновый бор, по опушке которого растянулось село Большие Лебяжки, но, пристрастившись к охоте, рыбалке, стал понемногу забывать, что был у отца штурвальным, а потом и самостоятельно косил и молотил хлеб, семенники трав и зябь пахал на стареньком ДТ-54; затуманился облик соседской Верушки, писавшей ему наивные, трогательно-взволнованные письма. Понравилась Ваське раскатившаяся по тайге полая вода, белокипенные от черемухового цвета обрывистые берега рек и речушек, по которым таскал его тесть, но больше всего на свете нравились Катенькина походка, мягкий голос и глаза — большие, темно-серые, почти что голубые. Смотрит иногда в них Василий, и дыхание у него перехватывает от большого глубинного счастья, которое встретилось ему здесь, среди таежных людей.

Они лежали под марлевым пологом, спасающим от настырных комаров, смотрели в мерцающие капли звезд и мечтали, представляя свое будущее.

— Васька, у вас там дороги куда хочешь? — спросила Катя.

— Болот нет. Садись на мотоцикл и не бойся, что застрянешь.

— А фрукты есть?

— Есть.

— Люблю яблоки. Ела бы и ела, а еще люблю арбузы. У нас не растут, а привозят спекулянты и дерут три шкуры. Поедем к вам на Алтай. Васька, хочу на Алтай. Когда у нас будет отпуск? Давай так: я увольняюсь, северных у меня мало, терять нечего, а ты попроси отпуск, тебе дадут. Вон вы как работаете, сегодня опять сто восемьдесят процентов дали.

Белая ночь висела над широкой тайгой, над уснувшими поселочками лесорубов и сплавщиков, ее тонкие крылья, украшенные блестящими, незримо колыхались, обдавая землю едва уловимой прохладой. Неподалеку, в старице, плескала рыба, тихо и сонно звучали речные струи.

— А знаешь, мне, наверно, не нужно увольняться, — сказала Катя. — У меня же декретный отпуск будет. Ты кого хочешь? Мальчика?

— Само собой, а если девочка, так и не хуже. Не волнуйся, Катюха, все у нас будет на высшем уровне.

Придерживая большую черную дворнягу, Дмитрий удивлялся:

— Что ты рано и один? С рюкзаком...

— Дело есть, брат...

— К горам смотайтесь, — непререкаемым тоном произнесла Ира, узнав что к чему.

— Ближний свет. Да и колесо на ладан дышит.

— Не дышит! Выводи машину, — приказала Мальцева.

Дмитрий как-то скучно взглянул на жену и опустил голову.

— Мне надо на машинный двор. Понимаешь?

— Я сама съезжу. Давай ключи от гаража!

— Что ты кричишь сегодня?

— Одного бы заставить родить — узнал бы и другим рассказал.

Василию стало неудобно.

— Извините. Захотела Катя воды...

— Заизвинялся. Хоть ел?

Автомобиль вынесся за околицу и поплыл проселком вдоль лесополосы. Еще недавно Василий забирался сюда с пацанами и курил до колокольного звона в голове. В открытое окно втекала упругая прохладная струя, по-утреннему свежая, но уже пахнувшая опаленной сухой землей и спеющей пшеницей. Пшеница наливалась хлебной силой, ее тугие колосья клонились.

— Шикарно живете. Новый дом, машина новая. А та где?

— Эта уже третья, — невесело ответила Ира. — Ты возмужал. Писал почему редко?

— Не о чем было.

— Женился, а Верка ждала тебя. Недавно в город укатила. Посвински поступил. Девчонка к тебе с душой, а ты...

Василий вырулил на черную ленту асфальта, сбавил скорость, объезжая колдобины.

— Ну и асфальт у вас. Без него лучше.

— Году не пролежал. Трактора тяжелые ям наделали.

— Вы с Димкой путешествуете на машине?

— Вытяни его. Каждый выходной на базаре проводим — такие наши путешествия. Десять лет живем, а разговоров только о кроликах, о пчелах, о ценах. Зачем дом мне этот? Догонялки устраивать? Не с кем. Дети, говорит, мебель испортят. Соседи как в музей ходят. Где он что достает? Мне хоть сейчас все погори: и ковры его не нужны, и картины. Ты прибежал: «Катя воды хочет». Мне каково? Мне для кого жить? У всех дети, а у нас кролики. В магазине мы только сахар покупаем да спички. — Ира замолчала, всматриваясь в идущий впереди молоковоз, а потом продолжала уже более спокойным голосом: — Ребенок, говорит, это убытки, пока, мол, я буду с ним сидеть — потеряю зарплату. Три тысячи на дороге не валяются. Вот и весь его хозрасчет. Впору хоть развод бери. Заговорила, разнылась. Прости. Давай местами меняться. Сейчас будет пост ГАИ. Удостоверение, говоришь, дома забыл? Здесь дома или там — дома? — сделала Ира ударение на слове «там» и рассмеялась.

— Там дома, — улыбнулся Василий, останавливая автомобиль.

Проехали небольшой железнодорожный городок, заросший высокими кустами сирени, обрубьями-тополями и яблонями.

— Банку забыла под сметану. Надо же. Ничего, сейчас что-нибудь придумаю. Сметану в городе берем, а у нас, в райцентре то есть, то нет, то жидкая, то кислая. Это так, для разнообразия, в основном мама снабжает и молоком, и маслом. Держали мы корову. Дима посчитал, сказал, что не выгодно. Сдали в колхоз на мясо.

Горы не хотели приближаться, хотя, казалось, до них рукой подать, темные складки, синеватые вершины, окутанные туманной дымкой, высились неприступно и строго, будто подразнивая. Василий думает о брате, о его стремлении хорошо жить, об Ире, считающей себя несчастной. Показалось, что его поездка за водой пахнет фальшью, что-то в ней неестественно. Привезут они эту воду, попробует Катя и скажет: «Как хотела, а теперь вот и не хочется. Можно было и потерпеть, ничего не случилось. Никто еще не умирал от этого». Припомнились глаза Катины, и он устыдился своих мыслей: «А расхочет — беда невелика». Странно, почему Димка не хочет детей? Подрстет парнишка, поедет на рыбалку, на охоту. Лодку купить надо. Без моторки в тайге не жизнь. Тесть неплохой мужик, надо бы к нему заехать. Что у них получилось с тещей, какая муха его укусила? Перед ихним отъездом собрал свои снасти, охотничьи припасы и снаряжение. И вроде бы ничего не было, что могло заставить его уехать. Ни скандала, ни обид, ни упреков с обеих сторон. «Теперь все хорошо, и я вам больше не нужен», — вот что он сказал, уходя из дома. Похоже, теща не очень переживала, или у них было соглашение на этот счет. Даже Катя, даже она не стала нервничать и сокрушаться. Он-то удивился не столько поведению тестя, сколько реакции тещи, Кати и ее брата Саньки. Старшую сестру не видел и не знал. Тогда-то Надежда Пантелеевна продала свой дом, хозяйство и сторговала им большой крестовый, только что построенный домище. Его строил лесник Колесников сыну, но тот не захотел жить в тайге, подался в город, устроился на завод. Осталось кое-что доделать и можно переезжать. С помощью Саньки были навешены двери, прибиты наличники с резными ставнями, установлена ограда. Теща помогла им собраться в дорогу, проводила на самолет — была предупредительна и добросердечна.

Представилась Мальцеву полноводная река, ее желтые, длинные, поросшие красноталом пески, высокие, в норках стрижиных гнезд, с обнаженными, беспомощными корнями деревьев яры и белый теплоход, выворачивающий из-за поворота. Нежная музыка разносится по тайге, усы-волны тянутся к берегам, словно ошупывая их или лаская. Великолепен теплоход, строги его линии.

«Жигули» резко встали, и Василий чуть не клюнул лбом стекло. Ира уже стояла у левого переднего колеса и сокрушалась:

— Это Димка намолил, его работа. И горы рядом, не везет...

Светило круглое плоское, как блин, солнце, низко висели два коршуна и не было ветра, чтоб хоть чуть-чуть разогнать густую жару. Василий орудовал ключами, Ира стояла рядом.

Набегают под машину дорога, мелькают полосатые столбики, стучат о днище камешки.

Вот и подъем, второй. Ели. Камни. Трава.

Тонкой веревкой извивается среди стеблей высоких трав ручеек. Он течет со склона горушки, разрезая полянку на две неровные части. У камня, похожего на булку домашнего хлеба, успокаивается, образуя лужицу-озерко. Пьет Василий студеною воду и не может напиться. Несколько раз прикладывает к позванивающей струе, но жажда еще больше терзает его, тогда он встает с колен, уходит в сумрачный пихтовый лес, надеясь отыскать начало ручейка.

Несколько хвоянок положил в термос, зажелтый листочек смородины отыскал среди камней. Он все чего-то выискивал, всматривался в камни, набухшие куски дерева, словно старатель, уронивший с руки самородок.

Ира лежала на расстеленной палатке. Василий подошел осторожно, поставил термос и сел поодаль в тени автомобиля. Несколько секунд рассматривал братову жену и оказалось, что никогда не видел ее вот такой беззащитной и красивой в своем тихом сне, беспечной на фоне природы и почему-то жалкой и одинокой (это в его сознании от то-

го дорожного разговора или от того, что Ира, ожидая его, нечаянно уснула).

— Пришел. — не двигаясь, сказала она.

— Набрал воды, — Василий деликатно отвернулся, ожидая, что Ира будет одеваться, но она отвернула край палатки, взяла сумку, начала выкладывать на белую салфетку помидоры, сыр, холодное крольчиное мясо...

Против воли глаза тянулись к большому вырезу купальника, за которым белело нетронутое загаром тело. Он отворачивался, когда женщина наклонялась, чтобы взять соль или огурец, стеснительно жевал твердый домашний сыр, делая вид, что поглощен дальней панорамой синеватых вершин.

— Что-то ты не ешь совсем, дружок, — ласково проговорила она. Интонация насторожила, внутренне он сжал в себе какую-то пружину и выдохнул тяжелый воздух. — Держи-ка. Пока не съешь, квасу не налью. Может, вина хочешь? Димка всегда возит с собой бутылку. Достать?

— Да нет, — осевшим после воды или еще отчего голосом ответил Василий. Пружина продолжала скручиваться, казалось, она позванивает. Он захотел увидеть ее глаза, но испугался, встал, пошел к ручью.

— Поел, что ли? — с обидой и непонятной тревогой проговорила Ира.

— Ага, — почти шепотом ответил Мальцев.

Машина шла резко, на ухабах подбрасывало, на поворотах Василия заносило то в сторону Иры, то прижимало к дверце. Они молчали. Ира попросила сигарету и, затянувшись, сказала:

— Знали бы мужики, что думают о них бабы.

Мальцев ничего не ответил. Да и что он мог сказать, живо представляя синий брезент, загорелую, по-девичьи подтянутую фигурку жены брата и лесистый склон горушки.

— А вон наши косят, — равнодушно проговорила Ира: два бордовых «Сибиряка» бодро бежали по высокой ржи параллельно шоссе. Перешагнув высокие валки, они встали, силясь понять, кто на переднем комбайне.

— Давайте воды быстрее! — крикнул Димка подбегая.

— Свою надо иметь, — игриво ответила ему жена.

— Васька, помнишь, как ты комбайн забурил в лесополосу и всю жатку мне изуродовал?

— Пацаном был. В пятом классе, — сконфуженно произнес Василий.

— А помнишь, — кокетливо повея глазами, начала Ира, — как ты со свеклы удрал, а бык тебя в копне нашел; не подъехала бы я на мотоцикле, показал бы он тебе трудовое воспитание. Подожди, Василек, куда ты?! — Мальцев уже взбирался на комбайн, за ним устремился Дмитрий.

Он волновался только первую минуту, когда комбайн рыскнул, рядом с валком остался десяток колосков, но потом, почувствовал управление, уверенно повел машину, посматривая на приборы, оглядываясь назад. Сработал профессиональный автоматизм. Василий еще думал, куда повернуть ручку крана гидрораспределителя, чтобы увеличить обороты мотовила, а пальцы уже сжали ее, толкнули вперед в нужную прорезь и возвратили на место.

— Можешь! — обрадованно крикнул Дмитрий. — Добавь обороты вариатора. Жатка новая, скоростная, не то, что была у тебя. Жми.

Хорошо ему стало и покойно. Ровно гудит дизель, крутятся валы со шкивами, наматывая бесконечные ленты ремней, гонит прохладный воздух вентилятор в крыше кабины, а впереди ложатся на планчатые ленты ровные порции скошенных колосьев и уносятся влево к краю и там сваливаются, свиваясь в ровную длинную строчку валка. Лопаст

мотовила несутся перед глазами, ныряют в густой хлеб, подгибают к пальцам хрусткие крепкие стебли и бросают уже срезанные на транспортные ленты. Какой-нибудь колосок уцепится за граблину и начинает вращаться, будто на карусели, вверх—вниз, но, сделав оборота два или три, теряется в общей массе ржаных колосьев. Все это привычно Василию, не забыл он этой радости, когда отлаженная машина послушна рукам, можно думать разные свои думы, прислушиваясь к упругому гудению двигателя. Кажется, нескончаем гон; бескрайне поле, словно жизнь, потому как не знаешь, когда она у тебя началась, и не скажешь, когда кончится; поворачивай штурвал, тяни свой валок, старайся, чтоб он был ровным, ведь кто-то пойдет за тобой, будет его молотить.

— Мы тебя ждали, — говорит на ухо Дмитрий. — Хотели звено свое организовать, как и тогда, помнишь?

— Помню.

— Комбайн тебе приготовили. Отца ты обидел, он даже не подошел. Нас вызвало на соревнование звено из соседнего района. Какой-то Бабкин. Отец обмолвился, что они вместе воевали. Теперь ты понял?

— Вник. Просто не подумал. Он тоже хорош, мог бы объяснить, что к чему, а то пристал: «Кто ты? Кто ты?»

Ночью Василий проснулся от неясной тревоги. Катя плакала.

— Сон приснился страшный. Поедем завтра домой.

— Катя, давай поживем немного. Мама меня столько лет не видела. Она будет переживать. Отец тут со своими соревнование затеял, а мне не сказал. Негласное соревнование с другом, у него тоже два парня и дочь. Они на четырех комбайнах, а мы на трех. Кто больше намолотит за сезон.

— Вася, как там в горах? Я ведь гор не видела. Только в кино. — Она хотела сказать, что напрасно пила безвкусную воду, но раздумала, больно радостными были его глаза, когда наливал из термоса ей в фужер, поэтому и пила, поэтому и улыбалась.

— В горах как в горах, — проговорил Мальцев, живо представляя синий брезент палатки... — Мы съездим с тобой, сама все увидишь.

— Нет, хочу домой, — капризно проговорила Катя. — Ты оставайся, а я поеду.

— Подожди, Катя, отпуск у нас не кончился. Завтра давай обсудим это дело. Мы здесь не задержимся. Не хочешь, не будем долго гостить. Успокойся. Ладно?

— Ладно. Только не смотри на нее так.

— На кого?

— На Иру.

— Ну ты даешь, Катюха, — натянуто засмеялся Мальцев, обнимая жену.

И. А. КУЛЬГА

Она собирала его в командировку. Ей нравилось это делать. Он частенько удивлялся, как хорошо Светлана знает его привычки и вкусы. Не было случая, чтобы она забыла какую-нибудь мелочь. «Молоток, Светка, — весело сказал он ей вчера, когда она подала ему собранный в дорогу портфель. — Что тебе привезти?» Он никогда не привозил того, что она просила, но всегда что-нибудь да привозил. Это были милые никчемные безделушки. Светлана не корила мужа, старалась радоваться подаркам, примеряла, прикидывала и вообще-то находила применение и место очередному подарку.

Вчера она сказала: скорей всего, готовила себя к этому долго, только ждала подходящего случая, а может, стеснялась. Кульга смотрел в зал со своего прокурорского места и слышал голос жены.

— Хороший ты у меня парень, Кульга, — начала Света в веселом игривом ключе. — Сравниваю с мужьями подруг, и слезы умиления наворачиваются. Хочу найти крошечный недостаток в тебе и не могу. Нет их. Ты идеальный муж. О таком мечтает каждая женщина, а повезло мне. Я самая счастливая. Мне завидуют миллионы бабенок. Ты такой расчудесный. За шесть лет совместной жизни мы и поругаться толком не успели. Ну не было возможности, хоть плачь. Не было и желания. Почему? Потому что ты, Кульга, надежный, умный, тактичный, добрый, нежный, внимательный и заботливый. Что еще? Да, аккуратный, обязательный, честный, великодушный. А еще ты смелый, некурящий, непьющий. Ты не смотришь на хорошеньких женщин и никак не реагируешь на прицельную стрельбу выразительными глазенками. Попробовал бы! — Светлана рассмеялась и погрозила розовым пальчиком. — Все в тебе и у тебя есть, но нет, как я поняла недавно, одного малюсенького качества или свойства. — Светлана многозначительно молчала, поглядывая на Ивана зелеными, почти изумрудными глазами.

И. О. ГРЕКОВ

Ну и духотища. Пивка бы холодного кружку. Поселок расстроился, а то ведь и по улице не пройдешь без сапог. Вот что значит новый директор леспромхоза. Клуб отгрохал — что тебе в райцентре. Заботится о кадрах Попов. Стадион, правда, примитивный, но летняя эстрада кое-что значит. Хочешь — танцы, а хочешь — заезжих артистов принимай. Продумано.

Как пива хочется. Откуда он вывернулся? Столько лет не виделась, а жили в одном районе. Да и я в Ягодном бывал неоднократно. Не сходились стежки-дорожки. Если б не окликнул, так и не признал. Представительный мужчина, начальник лесопункта. В техникуме пацан пацаном был. После восьми классов какой вид должен. Как только родители нас отпускали. Никогда б не подумал, что Мишка в начальники выскочит: говорил, выше мастера ему не прыгнуть, а прыгнул. Институт закончил, секретарь цеховой парторганизации. Мишка, Мишка Родиков. Он вполне мог позвонить, навести справки, в газете не раз мелькала его фамилия. Забыл? Не мог предположить, что окажусь здесь и в такой должности.

Неожиданно вспомнил Игорь Олегович: должок Мишке ведь не вернул. Не удосужился за сутолокой забот и дел вспомнить о друге. Двадцать пять рублей по тем студенческим временам, если не состояние, то уж сумма солидная.

Надо же! Через двадцать два года вспомнил. Уникальная память. Сегодня схожу извинюсь. Не напомнил, даже не намекнул. Может быть, поэтому и не встретились и не встречались, хотя жили в одном районе, бывали, возможно, на одних мероприятиях. Тогда у него много было хлопот с Лидой. Сейчас так бы не поступил, не стал проявлять этакое псевдорыцарство, в то время все иначе виделось и мыслилось. Только ли любовь двигала разумом, а может, еще что? Или все же хотел ты, Игорь Олегович, пользоваться ее автомобилем. Честно скажи — хотел? Не просто так играл в филантропию, цель свою преследовал. Не в полном смысле, не открыто, но все же где-то в подсознании надеялся на что-то, рассчитывал. Теперь ты, старый плут, рассмотрелся на разных жуликов. Никто еще ничего не делал, не стремясь к собственной выгоде. Любой, устраиваясь на работу, если уж не спросит, то обязательно подумает: сколько будут платить? Не хочет человек жить плохо — это противоестественно. Нет таких, которые бы не стремились к большему, имея меньшее. Человек себе не враг. Каждый устраивается по соображениям личной выгоды. Кто-то, недополучив рубль, бежит в бухгалтерию разбираться, а кто-то скромно промолчит —

рубль, не десятка. Бывает, хотя очень редко, откажется бригада от премии раз в кои веки, о ней тут же слагают оды. А сколько не отказываются, наоборот, прилагают изворотливости, чтобы получить эту премию, а потом в пьяном виде — потерять.

За время работы адвокатом Греков вывел для себя некоторые формулировки, характеризующие людей. Жуликов он разделил на две категории: умных и жадных. Жадные — глупы, чаще других попадают на скамью подсудимых. Умные — реже. Они знают законы, уважают их, стараются не входить с ними в конфликт. Попадают по причине недоразумений, зависти коллег. Не жульничают те из них, у кого хороший оклад. Добропорядочная, не завистливая жена, у кого нет возможности обмануть государство или ближнего, у кого ни к чему нет стремления, у кого трусливый эгоизм сочетается с высокой дисциплинированностью, а есть еще просто порядочные люди. Это особая категория. Они глубоко честолобивы, инертны, умеют трезво анализировать. Их невозможно вовлечь в какую-нибудь авантюру. Они немного подозрительны, в меру мнительны, сознательны. Им никто не завидует, их сразу можно распознать по тому, как они одеваются, как работают, что берут на обед в столовой, находясь в командировке. У таких людей низкие оклады, склочные жены (не всегда, но зачастую), зато у них хорошие дети.

Греков однажды подумал написать трактат о существовании человеческого или о природе человеческого. Он уже взялся за работу, набросал план, начал делать карточки, классифицируя наблюдения, но однажды, будучи нетрезвым, но трезво размышляя, выбросил в печь бумаги. Кому это нужно?

Жил он один. Периодически в его квартире появлялись женщины. Были разные, но встречались и очень неплохие. С одной он прожил почти полгода. Он искал женщину-товарища, которая могла бы так же воспринимать эту жизнь, так же быть беспечной и строгой, когда дело касалось каких-то укладов. Одни уходили сами, другие устраивали скандалы, требуя раздела имущества. Имущества у Грекова не было. Это пугало и настораживало многих, и не только женщин. У него была кровать, стол и два стула. Старый диван в стиле ампира больше походил на самоходку, его списали в прокуратуре, хотели выбросить. Молодой следователь предложил перетащить его на обзаведение тоже молодому адвокату, получившему квартиру. Была еще полка с книгами. На них ни одна из супругов не позарилась — это были справочники, кодексы, специальные журналы, а между ними встречались букинистические ценности, но в таком виде, что никто бы не поставил в книжный шкаф истерзанный фолиант, хотя он и в самом деле бесценный.

Квартиру Греков не запирает на замок. Друзья и знакомые посещали его двухкомнатную квартиру в отсутствии хозяина и ночевали, трапезничали; не найдя чистого полотенца, вытирали руки о портьеры; дрова, унесенные из запасов соседей, рубили на порогах. Как правило, возвратившись из командировки, Греков ходил в магазины, приобретая новый уют (старый расколотили), пару тарелок, лампочки и постельное белье.

Уезжая надолго, Игорь Олегович прикалывал кнопкой на внутреннюю сторону входной двери десятку. Возвратившись, обнаруживал на том же месте две припиленные пятерки, а на столе записку неизвестно от кого и полбутылки водки. Редко, довольно редко деньги исчезали бесследно. «Если они пригодились, значит, хорошо было тому человеку. Мне-то куда их — лишние?» — говорил в таких случаях чудак-адвокат. Соседки за глаза так и звали его. Да и не только соседки, но и коллеги. У Грекова за десять лет украли несколько вещей: пустой чемодан, фонарик, магнитофонную кассету с записями Владимира Высоцкого. Некоторые предметы исчезали, но через месяц, через полгода снова появлялись. Однажды ушли в неизвестном направлении сапоги,

сапоги резиновые, не имеющие великой ценности. Зимой они оказались на столе, полные кедрового семени. Кто-то из гостей забыл у Игоря гармонь. Она пылилась долго, мешала мыть пол. Какой-то меломан забрал ненужную вещь, оставив взамен почти новый транзистор.

Однажды Греков, возвращаясь из командировки, подхватил грипп / в дороге. Уставший, с высокой температурой и ломотой в каждом суставе ввалился в свое убежище, и тут же в уши врезался детский плач. В зале горел свет, пахло пеленками и молоком. В кухне у плиты сидела мадонна в коротком халатике, совала в беззубый ротик соску. Красное существо изгибалось, вопило и не хотело брать соску.

— Что с тобой делать, — горько вздохнула мадонна. Почувствовав Грекова, повернула голову, испуганно прижала к себе ребенка. Он вначале тоже маленько вздрогнул, но, присмотревшись, понял: женщина незнакомая, успокоился, поставил дипломат, начал раздеваться.

Оленька научилась ходить, обоих звала мамой. Греков привык к своей новой должности, медсестра детского отделения называла папашей; про себя он ухмылялся, но помалкивал, Таня благодарно принимала его жертвы и подарки. Она оказалась неплохой хозяйкой, но была молчалива и покорна. Готовила отменно, и Греков перестал ходить в столовую; после работы бегал по магазинам, с каким-то даже удовольствием покупал игрушки, колготки, продукты, стиральные порошки. Любил возиться с девочкой. Татьяна с тупым упорством звала его на «вы», никогда ничего не просила, если он давал деньги на расходы, тратила очень мало, покупая только необходимое. На вопросы отвечала односложно, мучительно краснея, роняла тяжелые слова, готовая заплакать. Он прекращал расспросы, уходил на улицу колоть дрова. Как-то попросил паспорт на прописку (прошло, наверно, месяца два или три), опустила голову, сказала, что документы украли в аэропорту.

— Не переживай, все сделаю, сейчас пойду в паспортный стол, оформим запрос, — начал он, увидел ее вздрагивающие плечи, смолк озадаченный. — Тебе не нужен паспорт?

Она панически боялась его. Ставила на ночь табуретку на пороге комнаты, потом, когда он купил детскую коляску, ею баррикадировалась, включала ночник. Девочку укладывала с собой, когда та подросла, стала укладывать в тележку. Иногда они молчали, словно поссорившиеся супруги, дня по два, по три, но если к Игорю заходили приятели, Таня быстро готовила простенький винегрет или салат, жарила колбасу с яйцами, наводила брусничный морс, который, кстати сказать, обожал Греков, предпочитая компотам и прочим чаям и кофе, и уходила с ребенком на улицу, если позволяла погода, или пряталась в спальне. За стол не садилась, даже обедали они почти всегда поврозь. Он не настаивал, стараясь как-то расположить ее к себе. Улыбалась Таня редко, глаза ее часто были припухлыми. Ей можно было дать лет восемнадцать, но ее поведение и рассудительность, хозяйская прижимистость (в хорошем смысле) наводили на мысль, что она старше.

Чтобы как-то расшевелить неулыбу, Греков покупал дорогие конфеты, заказывал торты, доставал через знакомых балык, икру. Конфеты каменели, торты поглощали соседские ребятишки. Ее равнодушие порой бесило Грекова, он не знал, как себя вести в собственной квартире: курил на площадке, пил сдержанно, старался вовремя наколоть и наносить дров, воды, сбегать за хлебом и в молочную кухню. Игорь являл образец примерного семьянина. Так считали соседи, так думали коллеги. Любозытные приходили за чем-нибудь, удивлялись порядку, кроткой вежливости, пытались разговорить женщину и наталкивались на глухую стену. «Гордячка, — говорили соседки, — каких свет не видел».

Она шила, хорошо шила. В промтоварном была очередь, женщины покупали ткань веселой расцветки. Ему отмерили без очереди. Таня

шила ему двое трусов, а себе красивое платье. Ей нечего было надеть: старенькая кофта, линялый халат, летнее платьице, осеннее пальто и коричневая шаль — вот весь гардероб. «Кто она, откуда приехала, что случилось с ней, какая житейская волна швырнула эту девочку на берег?» — в который раз задавал себе эти вопросы и ни на один не было ответа. Пытался по выговору понять местность, где жила. Ни областных словечек, ни специфической интонации — ничего, что бы указывало или давало намек. Таня говорила очень правильно, четко, чувствовалась начитанность, кругозор, богатый словарный запас — и больше ничего.

Он покупал ткани, спрашивал, какие лучше, какие нужней, но так как не мог отличить сатина от атласа, то посылал ее в магазин. Ходила она редко, ссылаясь на беспокойное поведение Оленьки.

— Иди, у нас общий язык найден. Мы сейчас гулять пойдем. Так, Оля?

Греков увидел ее войлочные стоптанные сапожки, вытертую шаль, висевшую на вешалке, усмехнулся своей недалёковидности, вскочил.

— Забыл в суд зайти. Извини.

Зачем он это делал? Кому это было нужно? Неужели им двигало бескорыстие или все же на что-то надеялся, надеялся снискать благосклонность своей домашней мадонны?

Она прижала сверток из серой бумаги к груди и разрыдалась. Греков не стал ее утешать — слез не переносил, ушел на площадку, а сигареты забыл. Татьяна уже не плакала, сидела на диване, где он спал, смотрела на раскрытую коробку с сапогами и о чем-то глубоко думала.

— Примерь, Таня, — тихо проговорил Греков. Губы у нее опять задрожали.

— Хорошо, — сдерживая слезы, произнесла она и бросилась на кухню.

Что делать, мужик есть мужик. Пальто купил с песчовым воротником, сапоги на высоченном каблуке, а шапки нет. Как она выглядела: настоящая принцесса, королева! Он смотрел на нее и удивлялся: голова гордо откинута чуть-чуть назад, лицо строгое, а ноги идеальной стройности. Греков увидел ее пальцы — тонкие, длинные, нервно шевелящиеся. Ему захотелось прижаться к ним щекой, взять в руки.

Ночью она пришла. Сначала не понял, кто стоит у дивана, проснулся, не веря глазам, лежал не шевелясь, разглядывая ее. Сколько она так стояла, кто знает. Греков тихо позвал ее: «Простудишься, иди сюда». Она сделала шаг, но каким он был! Он боялся ее обидеть грубым движением. Она попыталась обнять его, но поцарапала шею. Греков не выдал боли. Женщина поняла это и окончательно смутилась, напрыглась, не зная, что делать. Вздрыгнула, когда погладил ее бедро.

— Не могу, — заплакала она. — Простите меня. Я ничего не могу дать вам...

Понимая, что сейчас женщина скажет ненужные суетливые слова, закрыл ей рот губами.

— Я приду утром, — произнесла. — Не сердитесь.

Таня вставала медленно, Греков коснулся ее плеча, провел ладонью по руке, взял кисть, приложил ее пальцы к губам. Склонившись, она стояла перед ним, вытирала рукой глаза. Распущенную косу перебросила на грудь, развязала ленту, пушистая волна скользнула почти до коленей.

Греков помнил ее: скрипел ночью зубами, вскакивал, пил воду, курил сигарету за сигаретой. «Дьявольское наваждение, мираж, русалка!» Что она с ним делала, как ласкала, добивалась взаимности, он был готов задушить ее в горячем испуленном порыве; была постоянная новизна чувств и отношений. Что он знал о женщинах, хотя думал, знал. Оказалось — ничего не знал и не умел, он даже не научился быть

счастливым, хотя прожил достаточно, много видел, много перечувствовал. Оказалось — не жил и не чувствовал. Греков каждый раз рождался заново, каждый раз учился дышать, учился ходить, учился любить.

Ночью она заполняла его, властвовала, а днем — тупая молчаливая покорность: ни слова лишнего, ни жеста вольного. Как мог, он заботился о ней и ребенке, она заботилась о нем. Но не было у них ни душевного разговора, ни общего дела, с которым они могли бы выйти на улицу и никто бы не обратил внимания. Она боялась людей, боялась громких звуков, в магазины ходила крайне редко, мылась дома, ничего не читала, от телевизора отказалась, музыка ее не интересовала, живопись не трогала. Иногда он думал, что и звать-то ее не Татьяна, и вообще она не с земли, а откуда-то прилетела. У нее не было нервов. При нем Татьяна не выказывала никаких эмоций. Не сердилась даже на капризничавшего ребенка; если не получалось что-то в шитье, спокойно откладывала в сторону, смотрела в окно, через три минуты бралась за рукоделье. Все у нее получалось так, как хотела: варила быстро, аккуратно — получалось вкусно; печь топила по-мужски: сначала строгала лучину, укладывала в печи, поджигала и только после того, как сухие палочки разгорались, укладывала поленья. Греков редко видел ее без дела, чем-то была занята, что-то шила, вязала, штопала, гладила. Ребенка не баловала, но была привязана крепкой нитью любви. Пела только однажды.

Вечером восьмого марта Греков был в суде. Пришел домой поздно. Как обычно, Таня молча прошла на кухню. Оленька тянула ручки. Игорь открыл принесенную коробку. Кукла умела ходить, разговаривать, но не дышала. Девочка обрадовалась, пошла к матери.

— Зачем вы купили дорогую игрушку? — Но сразу же сделала переход, радостная интонация выражалась сдержанно, но четко: — Спасибо, Игорь Олегович, теперь хлопот прибавится вам.

Игорь вышел в кухню, настрогал стерлядку, открыл майонез, взял из холодильника графин с водкой. Пока ставил закуску, Татьяна разлила водку: себе полный стакан, ему — половину.

— Я пью только раз и очень, очень редко, — пояснила, беря стакан. — Будьте, Игорь Олегович, всегда здоровы. Желаю вам счастья.

— Спасибо, Таня, я счастлив.

— Правда? — обрадованно удивилась она. — Только не говорите, что я вам не в тягость, не нужны и комплименты.

Она раскачивалась из стороны в сторону и пела, пела тихо и задумчиво. Песня звучала по-особенному, Греков раньше ее не слышал, не слышал ее и после, слова запомнились, простые, как шорох ветра в листве.

От счастья чайки громко стонут,
Дрозд над своим гнездом кружит...
Зачем, зачем глубокий омут
Опять кого-то сторожит!
Затих — на глади ни морщинки.
Лежит, хитрец, в тени ветвей,
Расставил яркие кувшинки
У самой пропасти своей.
Он так спокоен, что тревога
И не предскажет мне беду...
Я подразню его немного.
Я до кувшинок добреду.

Уехала она неожиданно. Хоть бы намекнула или слово прощальное сказала. Обидела. Не жалко ничего: ни денег, которые забрала, ни сожженных в печи игрушек. Ничего не жаль! Хоть бы записку написала. Почти год прожили, ну неужели не привыкла? Если не любила, то ладно, да ведь, выходит, и не уважала. «Бросила, — горько думал он, слоняясь по пустым комнатам. — Все сделала как было, даже ста-

рые портьеры откопала и повесила, мол, живи, дорогой, как хочется, а я как знаю. Ни фотографии, ни рисунка. Он снимал ее, но она не печатала своих снимков, а только Оленьку. Надо было хорошенько перетрясти ее вещи, документы и отыскались бы, — злился на себя Греков, ругал последними словами. — Где теперь ее искать?» Задумался: «А зачем искать? Да и нужен ли он ей? Не нужен. Повезло ей, пережила свою трудную черную полосу, подрос ребенок, можно устраиваться на работу. И мне повезло, — успокоил себя Греков. — Пожил семейной жизнью, был счастлив. Это что-то значит. Всю жизнь счастливым не будешь, потому что не поймешь, какое оно, счастье, сравнить не будет возможности. Правильно сделала эта умная Танька. Теперь знаю, что такое счастье, буду стремиться к нему и, конечно, не найду!»

Грекову стало плохо. Не находил себе места. Приходил в квартиру — его не встречали, он никому не нужен, ему не о ком заботиться, привычный ритм жизни сломался. Пил долго, но огонь в душе не залил. Пришла телеграмма. Татьяна поздравляла с днем рождения. Он чуть не обнюхивал бумагу, прочел каждую букву, каждую цифру. Челябинск! Она там! Послал деньги до востребования, взял отпуск, надеясь на его величество случай. Поехал. Месяц слонялся по магазинам, катался по маршрутам общественного транспорта, проверил все детские сады и ясли, надеясь увидеть девочку.

Прошел томительный год. Греков получил три телеграммы. Она поздравляла его с праздниками, желала счастья и здоровья. Он не мог ответить, телеграммы пришли из разных городов. Он сразу догадался, в чем дело, взял атлас, проставил точки, вырисовывалась железнодорожная ветка, но поездов ходит по ней множество. Несомненно, телеграммы посылались на стоянках, значит, нужно узнать время приемки их. Греков ничего не хотел от Татьяны, мечтал только увидеть ее глаза, ее тонкие пальцы...

Телеграмм больше не было.

Как-то Греков шел из магазина, его остановил начальник паспортного стола Коля Гроздов, подмигнул, кивая на дипломат.

— Коньячок за тобой, — весело проговорил он.

— Пойдем, — просто, не вдаваясь в подробности, сказал Игорь. — Караси есть свежие, уху заварим.

Уха — дело не хитрое. Пока чистили картошку, пока Греков бегал к соседу за укропом, пропустили по стопке, разговорились.

— Твоя-то тоже в отпуске? Значит, мы временные холостяки. На танцы не пойдем, а маленько порепетируем.

— Уехала.

— У моей аллергия на комаров. Укусит, сразу опухоль, голова болит. Я и сам не могу к ним привыкнуть. Как наша ушица? Не пора?

Выпили за здоровье детей, за мир во всем мире, за удачу, за дружбу.

— Твоя-то приезжает с дочкой, показывает паспорт, дескать, не углядела, собралась посылку получать, а девочка в стиральную машину сунула. Смотрю — не паспорт, а лохмотья, все буквы порошком съело. Сделал я ей внушение, за халатное отношение штраф полагается. Она покраснела, говорит, мол, от мужа нотацию получила, он и деньги на штраф дал. Паспорт ей выписал, извини, штраф взял.

— Ладно, — махнул рукой Греков, начиная трезветь. — Говорю, следи за ребенком, такая проказа растет.

— Не говори, мой ковбой уже к кобуре тянется, дай, говорит, стлельнуть. Соскучился, честно сказать. Неделю как уехали, а тоскливо одному.

— Так, так, — разливал водку Греков. — У Танюхи-то моей отчество уж такое заковыристое, сразу и не выговоришь.

Гроздов, посмотрел на Игоря, погрозил пальцем.

— Шутник, гражданин адвокат, моя жена тоже Ивановна и тоже Танюша.

Через месяц Греков сошел на маленьком полустанке. Как школьник перед экзаменом волновался, а может, и больше. Ничего ей не скажет, посмотрит и уедет, даже спрашивать не станет, зачем ей понадобилось становиться женой Игоря Грекова, а ему ничего не говорить. «У меня есть жена, ребенок, а я знать не знаю, — невесело думал Игорь. — Женщина — загадка природы, французы правы. Кто их поймет, если они себя не очень понимают».

Таня шла быстро, не глядя по сторонам. На лице озабоченность и тревога. Она похудела, стала привлекательней и, кажется, моложе. Греков остановился, подпер ограду плечом. Он не верил своим глазам. Таня, Танюша, Татьяна. Куда же ты умчалась, зачем тебе этот медпункт, зачем полустанок?

— Таня!

В крохотной комнатке чисто и уютно. В простенке два портрета. С трудом узнал себя Греков. Видно, мастера фоторетуши приложили руки.

— Голодный? Кто тебя кормил? Раздевайся, садись.

— Ничего не хочу, ничего. — Он взял ее руки, прижал к щеке.

— Ты приехал меня арестовывать?

— Не шути, не время. Дай я посмотрю на тебя. Где Оля? Хоть бы фотографию оставила.

— Скажи честно: зачем приехал? — умоляюще спросила Таня.

В самодельном резном буфете тонко зазвякала рюмка или стакан. Тяжелая поступь проходящего состава отозвалась во всем доме: подрагивал пол, звякнуло незамазанное стекло. Товариак шел, словно был бесконечным. Они стояли друг перед другом и вслушивались в растекающийся железный шум. Вот он совсем истаял, словно и не было. Под окном заголосил петух. Промчался, ревя, будто реактивный, мопед.

— Что ты молчишь, Игорь? Не хочешь меня огорчать? Любое наказание приму от тебя, хоть кем буду для тебя. Живи со мной, как с...

— Да о чем ты?! Перестань. — Он хотел обнять ее, но она откачнулась, прижала длинные пальцы к горлу.

— Дай только слово. Умоляю, Игорек. Хочешь, на колени встану.

Греков сел на скрипнувший табурет, снял шляпу, расстегнул плащ. Он думал, думал над словами Тани. Ее испуг, ее мольбы имели, безусловно, основание, он должен знать, но не знает. Что он должен знать?

— Я приехал за тобой и нашей Олей.

— Ты считаешь ее своей?

— Конечно, — дернул лежащей на столе рукой и собрал пальцы в кулак.

— Я — дура. Большая дура. Прости меня. Ты правда ничего не знаешь?

— О чем ты?

— Ты ничего не знаешь! — она улыбнулась, подошла к нему, коснулась руки. — Как я рада, безумно рада. Ты так ни о чем не догадался? Ну и хорошо. Я согласна, я поеду с тобой куда хочешь.

— Еще бы, ведь ты моя жена. Законная жена. У тебя в паспорте записано. Попробовала бы ты не согласиться. — Он попытался улыбнуться, стараясь придать голосу шутливую интонацию.

— Давай не будем больше говорить ни о чем. Эта тема не для нас...

Его заинтересовало поведение Тани, ему захотелось узнать ее тайну. В буфете стеклянно зазвенело. Поезд прошел быстро. «Наверно, пассажирский, — подумал Греков, принимая решение. — Отсюда и уехать будет нелегко, поезда редко останавливаются».

А. Л. ФЕДОРОВА

Парень какой-то странный. Смотрит грустно, словно извиняется за свой поступок. Не ударил, не сопротивлялся, не оскорблял — сплошные «не». Если бы не заявление потерпевшей, то и судебный процесс тоже «не». Сказать, что он страдает психическим расстройством, нельзя. Нервы у него в порядке. Жил он в семье нормально. Что заставило его так поступить? Только ли злость на жену, не давшую трешку на похмелье, или поворчала разок-другой? Это не так страшно. В семьях бывает всякое, и ведь живут, а точнее, сосуществуют и не думают расходиться. Иное дело, когда отуманен человек алкоголем или ревность закрыла глаза. В обоюдных перепалках случаются и огнестрельные ранения, и ножевые раны. Очень просто рассуждать, читая протоколы, очень легко давать советы, дескать, ты бы промолчала, голубушка, не травмила его, он бы и не схватил ружье. Да и взялся за него не с целью убийства, а скорей всего, попугать тебя хотел. Ружье почему-то оказалось заряженным. Дети играли, нашли патрон. Парень, похоже, не думает раскаиваться, наверно, считает себя правым. Ничего никому плохого не сделал. Разве что жене. Причины, побудившие совершить преступление, ему кажутся оправдательными. Их мы не знаем. Истоки неизвестны. Нужно ли их знать? Нужно и важно видеть их, чтобы они могли быть наглядным пособием. Суд — не только кара, но и наглядный урок другим, находящимся здесь, в зале. Кто-то задумается, кого-то предостережет поступок Мальцева.

Почему же сын Степушка развелся?

Пока слаба профилактика правонарушений в районе, не на должном уровне работают общественные организации. Почва для подобных преступлений благодатная. В каждом поселке происходили и происходят подобные или похожие явления. В школе учат всему: разным дисциплинам — физика, химия, география, политэкономия, трудовое обучение введено — лучшего желать не надо, но не все выпускники знают, как вести себя в семье. Этому не учат, важно пока, чтобы девочка, будущая мать, могла водить трактор, знала токарный станок, а кто ее научит правильно воспитывать ребенка, вести семейное хозяйство? Стесняемся, не можем преподать элементарнейшие правила гигиены, не знаем о себе и своем организме и десятой доли нужного, а бросаем детей на загсовские дорожки. Они мягкие, широкие, но как они сужаются и твердеют потом, через год-другой. Нужны экзамены на зрелость, на материнство, на отцовство. Забыли об этом напрочь, считаем несущественно пока, главное — производство, план, производительность труда. Сколько за год приходится лишать родительских прав женщин, молодых красивых женщин. Куда уходят дети? Эти случайные попутчики несут потом на себе горечь материнского молока, смешанного с водкой. Где росли, где воспитывались юные девы, бросающие мужей, детей и себя? В наших детских садах, в наших школах. Они живут с нами рядом. Может быть, первую рюмку (неполную) наливали мы своей щедрой рукой в честь окончания школы, курса, именин.

Развелся Степушка. Жили хорошо, согласие вроде было. Сноха умница, любит сына — заботливая, внимательная. Не скандалили. Разошлись мирно, без упреков. Степка навещает сына, помогает, но сходитья не собирается. Что же это такое? Как теперь мальчику без отца? Шутки шутили родители, а кто будет смеяться над этими шутками? Не сошлись характерами. А характерами никогда не сходятся, сходятся чем-то другим. Чем?

Сама прожила без мужа. Воспитала своего мальчика одна. Почему не заладилась жизнь? Парень вырос, встречается с отцом, работают на одном заводе в конструкторском бюро. Николай ушел от меня или я от него? Он не захотел понять меня, не захотел считаться с моей мечтой стать юристом. Пока были студентами, все шло нормально. Получи-

ли распределения. Получили крохотную квартиру. Радовались каждой вещичке, которую удавалось приобрести на первые самостоятельно заработанные деньги.

Николай не скандалил, когда я задерживалась в командировках, а ему приходилось бросать работу и сидеть с больным мальчиком дома. Ему было скучно без меня. Он уговаривал пойти юриконсултом. Не согласилась. Мечтала о настоящей работе в суде. Не понимал, не хотел понять. Я сама выбрала между ним и работой. Он ушел. Не любил? Любил. Терзался. Мужской эгоизм оказался выше других чувств. А мой эгоизм оказался не выше? Мы виноваты. Или кто-то из нас? Кто-то должен был пожертвовать своим сокровенным, своими мечтами. Никто не хотел уступить. Кого можно осудить за жестокость, кому можно бросить упрек? Он остался один, и я вот стала судьей, сужу людей. Ну и что? Сын мог бы жить лучше, да и мне было бы намного легче с мужем. Проявила я свою твердость. Подруги по плечам гладили, успокаивали, слова хорошие говорили насчет самостоятельности и твердости женского характера. Гордилась собой, своим поступком. В итоге — два несчастных человека и третий, воспитанный женщиной, тоже несчастлив.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Ф. И. СВЕКЛОВОЙ

Что скажу о нем? Шумливый. Никакого спасения нет. Стучат, гремят. А то собаки у них целыми ночами воют. Собак у них, знаете, сколько? Три. Две ихних, а третья приبلудная. Они ж съедают, как средний поросенок. Где такую прорву хлеба патакаются, чтоб прокормить? Вот и воют они по ночам, ажно мороз по коже. Здоровье у меня неважное: то бессонница, а то давление. Они воют, а я раунатин принимаю. А свињи у них по целым дням визжат, хорошо хоть не ночью (в зале смех, оживление), такой концерт был бы — убегай из дома. Мотоцикл! Зачем они его включают на полную катушку? Ревет он, бедный, благим матом. Разве трезвый человек так станет делать? Он же собственную технику будет бережно эксплуатировать. Все потому, что не на свои кровные приобретен, а подарила ему «Урал» теща — Плетнева. Да вон она сидит. Не бережет технику Васька. Гоняет по песку, а в люльке мешки с дробленкой. Два центнера или больше. Где он взял дробленку? В подсобном. За коньяк самогонный выписал (в зале оживление). Моему директор подсобного кукиш, а этому выписал. За какие такие красивые глазки? А вот за какие. Васька хоть и не велика шишка, а все ж таки числится в народной дружинке. Видала, как он сына директора подсобного за белы ручки вел из клуба. Не потащил в опорный пункт, куда обычных людей затаскивают, чтоб протокол составить и штраф наложить, а повел домой.

— Свидетельница, прошу говорить по существу, — попросила судья Федорова.

Пожалуйста. Меня интересует, где Мальцевы взяли два гарнитура. У нас в продаже не было таких. В обход закона, нелегальным путем. Творят люди, и все им с рук сходит, а тут чуть что — ревизия, угрозы со стороны торговой комиссии. Сколько веревочке ни виться, а конец будет.

Вот у них во дворе столько всего настроено: и гараж, и сарай рубленый, и сарай из горбыля, баня, теплица, летняя кухня. Погреб, как бомбоубежище. Сама в нем не была, но мне сказали, что можно на грузовике заехать и разгрузиться. Теплица! У всех в поселке парники, а у Мальцевых настоящая теплица с водяным отоплением. Какой вопрос: где они взяли столько пиломатериала? Если спросить, квитанций на лес нет. Я уверена. Проверьте, убедитесь. Ночью привозили на трелевочнике бревна. Не дрова, а деловую древесину. Чем они платили? Водкой. Да. Катькина мать на все руки мастерица. Самогон так закрасит, что от настоящего коньяка не просто отличить. Просила у нее рецепт, не дала, говорит, мол, это и есть коньяк. Я ж не дура, кумекаю, коньяк, слава богу, приходилось пробовать. Плетнева думает, что одна умница, а другие дуб дубом. Шалишь. Вот ее надо рядом с зятем посадить. Она у них верховодничала.

— Свидетельница, говорить надо по сути, а вы отклоняетесь, — попросила судья.

Мне просто рот заткнуть, а спекулянтов оправдать. Так у нас и делается. Где они взяли столько хрустала? Спекулировали. Здесь купили, а туда, к Васькиному брату, возили и продавали. Водку они не покупали, шаялами торговали. Да я на них

не злюсь! Должна восторжествовать справедливость. Навяжут шарфиков модных с мохером и спекулируют. Кобель у них пуховый, так они собачью шерсть с мохером путали и вязали. Наши девки у них с руками рвали шапочки. Эти богатели. Этим дурачили, а эти наживались. Кобелю-то чо, почесали с него шерсти и — порядок, он не в обиде. (Смех в зале.)

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕЙ Е. А. МАЛЬЦЕВОЙ

...Отпуск получил, и, не сказав ничего, уехал. Две недели где-то болтался. Я беспокоиться начала, думала, уехал к брату. Хотела участковому заявить. Ему в голову все может взбрести. Сейчас говорит одно, через полчаса — другое. Подарили с мамой ему мотоцикл. Деньги занимали у моего брата. Хотели неожиданно. Он ничего не понял, распахнулся, убежал на речку, три часа искала, еле нашла. Говорю ему, что у него день рождения, а он глаза вытаращил и молчит, как ненормальный. Мама так старалась, а он нам вместо праздника скандал закатил. Мы же для него старались. Может, у него болезнь какая. Чуть что не по его, так начинает нервничать, на всех орать. Хоть из дома беги.

Зимой было. Не купили ему лодку. Какая зимой лодка? А ему вынь и положь. Зашли мы с мамой в магазин, а там шубу продавали, мой размер. Ну и взяли. Ничего не случилось. Он давай на маму ругаться. У нее приступ. Купили же ему и лодку с мотором, и мотоцикл, и дом. Благодарность, однако, его попереk горла встала.

* * *

— Ты что? — позвал он тревожно. — Катя, что?

Катя вошла в спальню, поддерживая живот.

— Кажется, пора, — сказала она, раскрывая справочник медицинского работника.

— Может, рано?

— Нет. Я ж знаю, нас учили...

— Давай у соседки спрошу, — с готовностью проговорил Василий, соскакивая с кровати.

— Пора, Вася, надо идти.

— Был бы мотоцикл, враз домчал.

До трех ночи Мальцев сидел в коридоре больницы. Пока были сигареты, выходил на крыльцо покурить, а потом сидел на скрипучем жестком диване, вслушиваясь в редкие звуки, доносящиеся из-за двери.

— Ступай, милый, — сказала пожилая дежурная сестра. — Без тебя управимся. Не волнуйся, позвоним.

Утром его разбудила Нина — жена Александра.

— Дрыхнешь, а Катька родила, — весело проговорила она, сдерживая одеяло.

Василий вставал медленно, соображая, не розыгрыш ли? У нее все со смешками, улыбочками. Как только Сашка с такой хохотушкой живет.

— Сына родила. Чего не радуешься? Все нормально. Отнеси ей цветы и фельдшерихе. Ой, да я с тобой. Как решили назвать?

— Женькой.

— А ничего, пойдет, лишь бы папку с мамкой слушал.

...Сына Василию показывали в окно. Вгляделся в его сморщенную рожицу и удивился — до чего знакомыми оказались черты маленького красного личика. «Где-то видел его, — подумал Васька, — встречал будто. Надо же так». Грудь у Мальцева стеснило, он выдохнул и не почувствовал облегчения, от печальной радости горло заломило мягкой болью. Еще секунда — и сестра, державшая малыша, увидела б его слезины, но девушка кивнула и ушла. Василий украдкой провел пальцами по глазам, они были сухи.

После работы Мальцев нигде не задерживался, спешил домой, чтобы посмотреть на Женьку, рассказать Кате, как поработалось. Женька рос трудно и шумно. Первые дни вел себя сносно, но недели через три начал задавать такие концерты, что Катя не знала, что делать с малышом. Она похудела, глазницы вычернились, кожа на ску-

лах натянулась, приобретя какой-то землистый оттенок. Василий носил воду, полоскал и вывешивал пеленки, носил ночью маленького горлопана. Приходила Нина, помогала, советовала. Мальчик никому не давал покоя. Катя стала раздражительной. Начались ссоры. Приехала Надежда Пантелеевна. За ужином сказала голосом, не терпящим возражений:

— Что за имя ребенку удумали? Не женское и не мужское. Не пойдет! — пристукнула черенком вилки теща.

— Мам, почему? Красиво, — встrepенулась Катя, заглядывая матери в глаза.

— Нет и нет. Назовем мальчика Михаилом. У нас все в роду Михаилы были. Завтра, доча, сходишь в поселковый Совет, перепишешь. Спасибо за ужин. Дай-ка Мишку, пойду усну.

— Я постелю, мам, — Катя хотела встать, но мать остановила ее властным жестом. — Поешь, в гроб краше кладут. Разберусь, не к чужим приехала.

Василий налил пива и подумал, что надо отстоять прежнее имя сыну. «Сорвусь и нагрублю, обидится старуха, рванет обратно, придется Кате одной с парнишкой маяться. Пусть растет Михаилом. Без разницы. Пусть покомандует, нам от этого, вероятно, плохо не будет».

Женька-Михаил спал всю ночь спокойно. Под утро закуксился — обмочился малость мужик. Удивился Василий, но ничего не сказал никому. Жизнь поворачивалась другой стороной.

Был легкий утренник. Мальцев проснулся рано. Чтоб не разбудить Катю, одевался в коридоре, прислушиваясь к шорохам, доносящимся из кухни. В утренние часы Надежда Пантелеевна готовила, стирала, штопала. В то утро вставляла вторую раму.

— Что, паря, сполошился? — вместо приветствия ласково спросила она, как только Василий вошел в кухню.

— Картошку буду копать.

— Правильно, зятек. Она уже не растет, а червя кормит. Садись.

Надежда Пантелеевна всегда садилась завтракать с ним, но ела мало, делала только вид, но, как ни странно, Василию от этого почему-то становилось легко и покойно. Целый день пребывал в хорошем расположении духа, пел в тракторе, стараясь перекричать дизель. Ребята из бригады улыбались, дружно цепляли чокера, без усталости рубили сучья и тоже пытались петь.

Василий знал, что в умывальнике теплая вода, полотенце висит на своем месте. Хотел разбудить Катю, но теща, угадав его мысли, проговорила:

— Пусть спит. Ей сейчас сон слаже конфет.

Мальцев сел на свое место, в стеснительном ожидании перевернул ложку, перед ним возникла тарелка с борщом, но привычке резко тряхнул переносицу, без задержек густо сыпанул красный порошок. Теща положила солидную порцию сметаны, а себе — самую малость.

— На улке зябко, для разогрева соточку налью, чтоб тебе не случилось, и себе.

Василий размешивал сметану, смотрел на не старое, волевое лицо Надежды Пантелеевны.

— Давай, зятек, будем живы — богу милы, а людям не угодишь...

Пирог оказались его любимыми — с грибами. Выпил кружку молока и вышел в коридор одеваться.

Заморосил дождь, предутренний туман, смешанный с дымом, недвижно стоял на огородах, скрадывая очертания близкой тайги, стеной возвышающейся за огородами. «Жить можно так, но почему Женьку надо Мишкой звать? Приехала, установила свои порядки, словно и меня нет, и Катя не существует. Что хочет, то и делает. Не советуется ни с кем. Сейчас такое, а что будет после?» Василий понимал, что и

дальше будет отлично, но его самолюбие было ущемлено. Это и не давало полного покоя, того удовольствия, которое пришло с новой жизнью.

Картошку копали весь день. Вечером пришли Сашка с Ниной, могли стаскать мешки на веранду, посидели, поговорили о том о сем. Когда Сашка засобирался домой, Надежда Пантелеевна сунула Нине кулек с конфетами для девочек и громко спросила:

— Санька, чем будешь заниматься завтра?

— Думал по грибы сноситься, если погода будет.

— Грибы — хорошо, — вытерла губы концом платка теща. — Помоги зятю погребок сладить, вон ты какой себе сделал...

— Конечно. Картошки много, в подпол не войдет. Давай, готовь спецмолоко, по утрянке начнем. Два выходных — успеем.

Надежда Пантелеевна подмела пол в кухне, расстелила самотканые половики, присела на стул у порога.

— Катька, корми своего мокруна и в кино собирайтесь, — сказала строго и внушительно.

— Кино плохое.

— Ты видела?

— Мне сказали...

— Сама посмотришь, тогда скажешь. Одевайтесь. Молодые еще в старики записываться. Ишь чо удумала. С таких пор домоседничать начали. Я в ваши годы... — теща не договорила. В пятнадцать лет уже была трактористкой, заменив отца, ушедшего на фронт. Некогда было в кино ходить, да и не привозили его так часто, как нынче. А выпадала минутка роздыха, бросалась стирать, убирать, полоть и окучивать: мама болела, братишки и сестренки — четверо — один другого меньше есть просили.

После погребка Василий затеял строить большой теплый сарай из бревен. Не был Мальцев плотником, но видел, как работает отец, помогал брату, знал, как бревно окромить, паз вырубить, и долотом мог, и рубанком. Работал вечерами при свете переноски. Санька у себя на сплавучастке распилил бревна на брусья, заготовил доски и горбыли, шифер, гвозди, мох.

В сарай поселили двух овец и козу. Овцы побаивались настырную соседку с острыми рожками, сбивались в угол и оттуда смотрели на проделки шкодливого животного, которое разбрасывало из кормушек солому, перевортывало стоящее у двери ведро и катало его, наслаждаясь бряканьем дужки, звоном жести.

Землянку для кур Василий рыл по морозцу. Зима еще на подходе, но по утрам подмораживало, днем солнечно и ясно, и даже выпадали теплые деньки, к вечеру лужи затягивало хрусткими матовыми осколками. Сашка пригнал бульдозер и за полтора часа вымахал большую траншею, которую пришлось потом заваливать до половины.

— Силос собрались закладывать? — проговорила Сашкина мать. — Не балуй, а то уши надеру, — потянулась к подошедшему сыну Надежда Пантелеевна. Санька откатнулся, полез в карман за куревом.

— Ничего. Побольше кур разведете.

Как-то Надежда Пантелеевна зашла в землянку. Василий кормушку сколачивал: осмотрела — хорошо ли пригнана дверь, проверила — не дует ли из окна, присела на чурбачок. Сгребая щепки, сказала:

— Хорошо, зятек, однако забыли — на чем курочкам спать.

— Забыл...

— Да мелочь. Завтра жердинок притащу, нашесты сделаю. Кур сегодня принесем. Своих выкупила, которых продала.

Женившись, Василий еще ходил на репетиции вокально-инструментального ансамбля, выступал на концертах, но с рождением Мишки забросил самодеятельность окончательно. В кино Мальцевы ходили —

теща выпроваживала. Катька и мать вязали, все поселковые помешались на спицах и крючках. У одних времени было маловато, у других — терпения, а у третьих — того и другого. Скоро прошла эта «эпидемия», но мода на вязаные шарфики и шапочки осталась. Надежда Пантелеевна связала Екатерине платье, а Нине — кофту. Слава о рукодельнице пошла гулять с улицы на улицу. Стали приходить знакомые за советом, с просьбами научить, показать, приходили и с заказами. Не отказывала никому, все уходили довольными.

— Зятек, — однажды не прерывая вязания, обратилась Надежда Пантелеевна, — по весне будем корову брать. Жизнь долга, с умом жить надо. Без коровы тяжело. Надо еще земельки накидать на землянку — померзнут курочки.

— Я кидала, мама, а тут надо было Мишку кормить. Тут Пашка к тебе приходил. — Катя сматывала клубок, смотрела на Василия. — Не ладится у них что-то. Хотят к Новому году концерт сделать.

— Я где был?

— На пилораму ездил с Шуркой...

— Придется в субботу сходить.

— В субботу нам некогда, зятек, пойдем в подсобное, поросенокка обещали. Пока дают, брать надо. Дружки они здесь — не уедут никуда. Понадобисься, прибегут.

— Да рано... поросенка. Холодно... — сказал Василий.

— Ничего. Ты ему нору сделаешь. Такая делается будка, как копура собачья, набивается соломой. Он там себе нору выроет и ничегошеньки ему не доспеется. Потопаешь — полопаешь. Поросят, думаю, двух возьмем. Одному скучно будет, да и Саньке мясо пригодится. Так ведь? Кто на печи сидит и зад греет, тот и бос, и гол, и на столе у него шаром покати — не задержится. Сало закоптим, колбаски вам наделаю. Ни у кого нет, а у вас — пожалуйста. На работу поедешь, с собой возьмешь.

— У нас хорошая столовая на участке.

— Свое оно всегда лучше. Работа у тебя трудная, здоровье беречь надо. За землянкой построим копильню. Когда и рыбу закоптим. Рыбачить с Шуркой станете, сетей навяжу за зиму. Баньку и летнюю кухню напротив крыльца лучше сделать. Брус да горбыль — все пойдет. В казенную баню далеко, а в своей ты — хозяин-барин: хочешь — стирай, а хочешь — парься.

— Мам, да когда ему возиться. С работы приезжает поздно, да и отдохнуть надо.

— Ничего, доча, успеется... не в один день, понемногу, понемногу и сделаем, а то помочь соберем. На гулянки народ собирается, ну и на работу соберется. Не старое время, не раскулачат. Хозяйство личное — выгода общая. По радио правильно говорят. Нечего лодыря праздновать. Государство не двуязыльное всех кормить. Моду завели: ни ребенка, ни куренка, с работы пришли, ноги в потолок и поплевывают, а потом и жалуются, дескать, того в магазине нет, другое не завезли. Ветчину, колбасу мы бы ели, а свиней пусть другие растут. — Женщина вытерла губы концом платка. — Катька, ты сходи на работу да и скажи, что выходишь. Не полтора года тебе потягиваться коло ребенка. У меня руки не отсохли... пригляжу за малым. Да и у тебя работенка не бей лежачего. До обеда просидишь — и домой. Здесь рядом, а вязать можно и на работе. Укол ширнешь, вяжи, клизьму поставишь, вяжи. Да на очередь встаньте на машину. Ты, зятек, себе, а ты, Катька, — обиделась, что ли? — себе. Неча обиды выставлять. Неча. Ребенок, сказала бы, маленький, слава богу, во... богатырь, правда, Мишенька? Деньги на книжку кладите, и люди уважать станут, а без денег, как без справки.

В тот день в бригаде Василия было ЧП — порвался трос лебедки. Сращивали на морозе, помогали все, кто как мог. Мороз давил граду-

сов под тридцать, работали без рукавиц. Бригадиру досталось больше других. Наскоро замазали царапины зеленкой, взялись трелевать.

За ужином Надежда Пантелеевна налила Василию стопку спирта, положила в тарелку большой кусок мяса. Заметила Катя, не утерпела, что ее мужу особое внимание, высказалась:

— Что это ты своему зятюку побольше да получше? Чем он лучше нас?

Поджала теща губы, на дочь взглянула с улыбкой, покачала головой.

— Доча, мы с тобой дома сидим — обойдемся. Когда ты полазишь денек под трактором, поймешь. У меня было и ключи к пальцам примерзали. Должна беречь мужа, уважать. Вы теперь одно — куда иглолка, туда и нитка. Посмотрю на нынешнюю молодежь — печаль берет, неправильно живут люди, ох неправильно — разбаловались. Выйдет замуж девчонка и начинает мужу свой гонор показывать: вот, мол, какая я самостоятельная, гордая, что хочу, то и ворочу, а того не понимает — себе делает хуже. Свадьбы играют — разлюли-малина, денег накладывают, мебель поставят, живите, дорогие, без забот, без тревог, только живите! Не живется в доме, в котором все вроде бы с неба упало, а не трудом нажито. Не желают молодые уступать друг дружке, полгода не пройдет, зад об зад — чей звончей. Разошлись, разбежались. Уважай, доча, мужа... береги.

На следующий день давали аванс. Василий и Санька привезли на щите трелевочника бревна. Мальцев вбежал в комнату, заглянул в кухню. Катя была на вызове, теща кормила Мишку.

— Мам, бревна привезли. Теперь должно хватить. Аванс вот. На столе.

— Зови Шурку ужинать, — сказала Надежда Пантелеевна, пряча деньги в карман фартука.

Александр ушел, а Василий занялся стульчиком для малыша — Катя просила сделать, да руки не доходили. Стукнула дверь.

— Деньги давали? — спросила, входя в кухню, Катя.

— Маме отдал.

— Я тебе не жена?

— Брось ты... живем-то вместе. Маме видней, что купить. Она знает...

— А я не знаю? Мне стало не видней!

— Как маленькая. — Василий встал с колен, попытался обнять жену, но она вырвалась, шагнула в коридор.

— Опять тебе водки наливала?

— Малость... С Шуркой бревна привезли...

— Продолжайте! Зятек то, зятек другое, а ты бежишь, высунув язык, как собачонка служишь.

— Тебе служу, дура!

— Служи, служи...

Ужинали молча. В окно скреблась метель, завывало в трубе, шорохи доносились с чердака. Василий ел пельмени и чувствовал себя виноватым. Не мог найти своей вины, но она была, незримо присутствовала, заставляла терзаться: «Все вроде в норме: материалу навозил, по дому помогаю, деньги не пропиваю — что еще нужно? Не знаю».

— В кино пойдем? — неожиданно для себя вдруг спросил Мальцев примиренческой интонацией.

— Устала я.

— Изработалась, — рассмеялась теща. — Иголку в задницу ширнула. Собирайся. Не выколашивайся.

Катя загремела ложками, уронила Мишкину миску.

— Не примамай, зятек, к сердцу. На женский норов нет угадчика. Из-за кур бесится. Попросила снегу кинуть, так простояла два часа у калитки с рыжей девахой, а про курочек забыла.

— Не сдохли ваши курочки...

— Что хочу попросить тебя: прялку сделай, слышала, с моторчиком делают. Обещали шерсти пуховой, попробую шаль вязать. Одна попросила.

...Дюралюминиевые лодки «казанки» привезли в феврале. Василий давно мечтал о дюральке. Нужна лодка: и по грибы, и по ягоды, и просто на рыбалку — без моторки как без рук.

Пока Мальцев умывался, на столе стоял ужин. Теща аккуратно резала хлеб, Катя кормила мальчика. Василий сел, взял ложку.

— Лодки привезли, — сказал, ни к кому не обращаясь. Надежда Пантелеевна открыла баночку с горчицей, понюхала, сморщилась.

— Крепка, зараза, — мотнула головой.

— Подождем маленько, — проговорила Катя, глядя на мать выпуклыми серыми глазами. — До лета далеко, а к весне еще привезут...

Василий насторожился: «Что-то не то... Лодки дефицит».

— Я отложил одну.

— Знаешь, Вася, пошли сегодня с мамой в магазин, а там как раз шубы выкинули. Померила — как раз. Еще в училище мечтала о такой. Подожди...

Катя передала ребенка матери, выскочила в зал.

Шубу надо видеть. Слова меркнут рядом с ее серебристым блеском. Мало видеть шубу, ее надо видеть на плечах молодой матери, которая счастлива, безгранично счастлива. Что такое лодка? Можно ли ее сравнить с великолепием сверкающего меха? Конечно, нет.

«Провались она, эта лодка, — подумал Василий, восторженно глядя на жену. — Лодки привезут, а шубы — да еще такие! — как сказать».

— Зятек, ты заходишь в магазин, выбросили две шубы. Одну меряет жена директора леспромхоза, а вторая висит. Разве ж ты не купил бы женке обновку? Сына тебе какого подарила — разлюли-малина. Вот мы какие! Полюбуйся на нас, батя...

— Что мне денег жалко? Должно ж остаться. Хватит и на лодку.

— Я маме подарок сделала — от нас, — проговорила виновато Катя. — Мама нам так помогает...

Катя кокетливо опустила голову, русые волосы закрыли лицо. Через секунду она подняла лицо и так посмотрела на Василия, что он смешался. В этом взгляде были и мольба, и радость, и стеснение, и грусть, и даже вызов вместе со смирением.

— Ты у меня королева, — сказал он, глядя на свою хорошенькую жену будто бы чужими глазами. — Тебе бы еще шапку песцовую...

— Господь с имя, с деньгами. Вещь купили — не какую финтихлюшку, а на лодку займу у Сашки... И суп остыл.

Сожалая, снимала Катя шубу, ей хотелось еще немного побыть в ней, ощущая теснящую мягкую теплоту, которая всегда возникает, как только застегнешь все пуговицы.

— В шафонер повесь — долго ли стибрить. Зайдет какой-нибудь ханурик и ноги приделает.

...По вечерам с шиферных крыш опускались сосулечные расчески; воробьи, пережившие метели, трещали так оглушительно, что будили Мишутку, тот улыбался, показывая первые зубики, тянул пухлые ручки в рот и агукал.

Вытаял штабель бревен. Первой это заметила Надежда Пантелеевна, когда носила корм подросшим пороссятам. Снег стал зернистым и тяжелым. Она попыталась откидывать его лопатой, но быстро выдохлась, вынесла ведро золы и рассыпала вокруг штабеля.

— Пора шкурить, зятек. Работы много. Пора нам коровенку брать. Молоко нужно Мишутке, а на сухом далеко не уедешь, да и не ест он его — плюет. Будет корова, будет творожок, когда и масло собьем. Я сепаратор выписала. Как думаешь?

— Надо с Катей посоветоваться...

— Не ей ходить, а нам. Ей все равно: к спанью ты ее приучил, расповадил. Мишка спит, и она спит. К десяти вскакивает. Не дело.

— Вы ей и скажите, что вам нелегко одной управляться...

— Я скажу как мать. Так в дому-то ты хозяин, тебе надо и дисциплину блюсти.

— Корову — это хорошо...

— Как не хорошо. Надоело с банками по деревне скакать, а в магазине то есть, то какой-то лимит кончился. Говорю, молоко надо, а не ваш лимит. Зубы скалит продавщица.

Нашел Василий описание и схему теплицы. Теща одобрила желание построить сооружение, подсказала, где место выбрать, из чего рамы вязать.

— Она себя окупит, — авторитетно заявила Надежда Пантелеевна. — Редис посеем, огурцы и помидоры, а еще немного цветов. Выгодное дело. К красоте люди тянутся, торжество всегда со цветами проходит, а у нас есть, приходите, берите. Книжку тебе купила, зятек, как выращивать нутрий. Летом займемся. Знаю одного мужика, по договору держит, шкурки сдает, а мясо в котлеты.

— Их едят? — удивилась Катя.

— Пробовала — за уши не оттянешь.

— Я не буду!

— Тебе еще никто и не дает, доча, поставь Мишку в ходунки, пусть развивается, не приваживай к рукам, а сама за шалку берись. Скоро Макаровна придет, а не готово.

— Он скоро ходить будет...

— Не хуже других. Давай, моя хорошая, человек хлопчет, себе добра хочет.

Катя взяла вязанье, подошел проказник, принялся теревить за подол. Катя подхватила малыша, он задрыгал ножками от удовольствия.

— Поставь. Он тебе выйти не даст на улку. Поставь, конфеты не на березе растут.

— Знаю. Их не нужно поливать...

Надежда Пантелеевна бросила недобрый взгляд, продолжая вязать.

— Пусть поиграют, мама, — оторвавшись от эскиза, сказал Василий.

— Пусть-то пусть, да шалка денег стоит.

— Что, из-за шалки и ребенка в угол бросить?

— Правильно, зятек, правильно, хозяин. Семь топоров вместе лежат, а две прялки — врозь...

— Я не про это.

— Играйте, — тихо произнесла теща, и лицо ее сморщилось, губы вытянулись в нитку. — Вытащила вас, а теперь можно узелки собирать. Ночей недосыпала, а теперь мать не нужна стала...

— Я ж просто так. Денег заработаю. Они ж не главное в жизни.

— Как не стыдно! — накинулась Катя. — Пристал к маме с деньгами какими-то. Что ж нам тебя на руках носить из-за твоих заработков прикажешь?

«Во дает Катюха, на меня же и поперла. Я за нее, а она буром прет. Отличненько вышло. Тут рот разевать нельзя, молчать надо. Не врозь лежат прялки».

Василий стал извиняться, сам себе стал противен, но ничего поделать не мог: говорил, говорил как заведенный. Чем больше старался, тем хуже получалось. Примирение наступило не сразу, а спустя часа три, когда он управился со скотиной, наполнил, накормил, вычистил, воды натаскал в две большие кадки, тогда теща встала с дивана, начала собирать ужин, достала из-под лавки две бутылки пива.

Кобеля купила Надежда Пантелеевна, не какого-нибудь бельчат-

ника или соболятника, а кобеля пухового, уж и здоров он и глазаст, а ел за двух лаек. Ничего не говорил Василий, боясь обидеть тещу, конуру сделал новому жильцу, хотя на очереди были клетки для нутрий и кроликов.

— Милая собачушка, скоро тебя чесать начнем. Мишутке носочки свяжем, — причитала Надежда Пантелеевна, оглаживая псину; женщина только вернулась из рейда по поселку, она сторговала корову и бегала в поисках сена, гоняла и Катьку.

— Зятек, — подошла Надежда Пантелеевна. — Сходи к бригадиру подсобного, попроси комбикорму. Одно поросенка забивать будем.

— Ходил — нет.

— Еще сходи. Поставь бутылку в карман, выйди с ним на бережок и потолкуй как мужчина с женщиной. Домой пригласи. Угостим.

— Не пьет он.

— Как это? Раньше пил, а теперь что — бросил? Не поверю. У него такая работа... нельзя без этого. Может, заболел?

— Нет. Бросил.

— Прикидывается. Знаю его — не такой он человек. Может, что надо, спроси. Придется коньяк брать. Шут с ним, лишь бы на пользу.

— Привезут комбикорм — возьмем. Обещал же он, — проговорила Катя, она была в халате, в белой шапочке с железной коробкой в руке.

— Сейчас надо. — Надежда Пантелеевна провела пальцами по щеке, тронула маленькую бородавку на подбородке и продолжала: — Кормить нечем, а им хаханьки.

— Вася, сходи еще. Пойдем вместе. Я ихнему мальчику руку зашивала недавно — стеклом поранил.

— Сходите... в лоб не дадут.

— Недавно привозил... четыре центнера, — сказал Мальцев недовольно.

— Стрескали. Над скотиной грех издеваться. Взяли — кормить надо.

— Нет пока. Что, на колени становиться?

— Не грех иной раз и на колени встать. Не переломишься. Ныне много крикливых, поровят горлом взять, а ты лаской, человек ласку любит. Криком только ворон пугают.

— Люди хлебом кормят, ничего...

— Грех, зятек, мы тут такого голоду натерпелись, когда тятю выслали, он в колхоз отказался идти, говорил, не прокормлю пятерых, вот и сослали, а потом вскорости письмо пришло, дескать, ошибка вышла. Куда ехать? Мать больна, а мы с братом по людям ходим, кто работать заставит, а кто так подаст. Корке были рады, а ты хочешь свиной кормить хлебом.

«Она права, но где взять этот комбикорм? Хорошо было бы: пришел, заявку подал, оплатил, через два дня привезли домой. Можно так? Нет нельзя. Надо выпрашивать, вымаливать, бутылку распивать, а то и две».

Стукнула калитка, вошла Нина. Посмотрела на Василю и повернулась к Надежде Пантелеевне.

— Готово?

— Готово. А ты принесла деньги?

— Немного не хватает, — ответила Нина.

— Займи у кого-нибудь, в следующем месяце рассчитаемся.

— Что вы в самом деле! Не убежит она с вашей шалью! — вмешался Василий.

— Работай, зятек, в женские дела не след мужику нос пихать.

Василий вогнал топор в бревно, волнуясь от негодования, подошел к теще.

— Забыли, как Шурка помогал строить эти сараи, бани? Добренькие, за десятку готовы удавить человека.

— Ты что, Васька, ты что?! — засуетилась Нина. — Какая шаль?

Мальцев никого уже не слышал. Спнул с крыльца ведро, рванул дверь.

— Вася, — позвала Катя, бросаясь за мужем. — Подожди! Ну чего ты?!

— Я ничего! Ташите в дом всякую дрянь, пройти негде стало, сесть нельзя по-человечески: помнешь, выпачкаешь, сломаешь. Шаль поганую пожалели! Кому пожалели!

— Ты что как с цепи?

— Скоро на цепь посадите. Отцепись от меня!

Не помня себя, толкнул Васька жену на диван, открыл комод, вынул шаль. Хотел завернуть в газету, но вспомнил, что подписался лишь на журнал «За рулем», намотал шаль на кулак...

— Смешной, — проговорила Катя, продолжая лежать.

— Вы — серьезные с мамой. Занялись вязанием, что и на улицу выйти вам некогда.

Нины во дворе не было, и теща куда-то ушла. Василий шел по пыльным доскам тротуара, размышляя над случившемся. Сашка встретил его на крыльце, начал расспрашивать, с чего они там завелись, но Василий молчал, комкая шаль.

— Плюнь на это дело. Заходи, бражку попробуем...

— Не хочу. Шаль отдай Нине, скажи, чтоб денег не носила.

— Зачем принес?

— А ну их!

Побрел, куда глаза глядят. Скверно было на душе: какая-то пыль лежала — сухая и отвратительная. Она мешала свободно думать и радоваться весеннему дню. «Черт знает что творится, пропади она пропадом эта жизнь с ее свинством, гарнитурством и прочими пуховыми кобелями. Все!» — сказал он вслух, а что «все», не знал. Сел на перевернутую лодку, закурил. Берестянка начинала выходить из берегов, листочки вылуплялись из почек медленно и осторожно, словно боясь чего-то, пахло оттаявшей землей и гнилым деревом.

Швырнул окурок в воду, закурил новую сигарету. «Книгу почитать некогда, какая тут учеба? Не сдам сессию, не готовился совсем, а ехать надо. Брошу техникум — не велика потеря, поступлю в институт...»

— Вася, — позвала тихо Катя. — Не сердись на маму.

Тот и головы не повернул. Сидел сгорбившись, сосал потухшую сигарету.

— Не хотела она тебя обижать. Сама расстроилась. Пойдем домой — все увидишь.

— Что мне смотреть?

— Пошли...

— Шаль пожалели Нинке. Эх вы...

— Ты вспомни! Первую шаль Нине подарили на Восьмое марта. Зимой она в ней ходила. — Катя села рядом, погладила по голове. — Кудри у тебя были какие, когда ты с армии пришел... Девчонки вздыхали. Помнишь? Не сердись на маму... Прошу тебя, Вася.

Не мог он долго сердиться на жену, на тещу. Потихоньку отходил конфузась. Ошибка произошла, тут ошибешься...

Некоторое время сидели молча, глядя на сверкающую воду, на коряги и бревна, плывущие по речке. Светило солнце, словно одержимое, оно пускало на землю, воду и лес столько тепла и света, что можно ослепнуть, если посмотреть на золотой блин, а если сбросить рубашку, то через полчаса тело стало бы розовым и даже красным.

— Ну что... пойдём. Нас ждут.

Открывая калитку, Васька заметил следы шин автомобиля: у лет-

ней кухни лежал упакованный рейками боковой прицеп и мотоцикл. Он окончательно смутился, недоумевая, оглянулся на Катю: «Сюрприз — нечего сказать. Как они умудрились достать? Наверно, в рабочий комитет ходили, а может, к секретарю парткома. Зря психовал, а они тоже хороши, не могли без меня согласовать свои действия».

Из летней кухни вышли теща, Нинка и Сашка, встали под небольшим навесом, рассматривая Мальцева, словно большую диковину, а он не знал, что делать, как ступить, что сказать, молчал, глядя на рубленый сарай, на высокий сеновал, недостроенную баню.

— Уши! — воскликнул Александр подходя, — давай уши.

— Уши при чем? — прошептал Василий.

— С днем рождения, муж.

— Прости меня, старую. Я — виновата.

— Что с картошкой? Толочь будем? — спросила Нина. — Кипит вовсю.

— Зятек, думай, где гараж строить будем.

И. А. КУЛЬГА

...Она собирала его в командировку.

— Все в тебе и у тебя есть, но нет, как я поняла недавно, одного малюсенького качества или свойства. — Светлана многозначительно молчала, поглядывая на Ивана зелеными, почти изумрудными глазами.

Кульга не обиделся, он хорошо знал жену, считая ее вполне нормальной, без комплексов, но слова насторожили, заставили анализировать. Она так думала все время, ожидая от него иной жизни. Света — не как все... Она...

Кульга смотрел в зал, слушал свидетелей, потерпевшую. Мальцева говорила долго и зло. Ее нельзя не понять. Но Светлана не такая, не такая. Тогда почему она...

— Ты не практичный, Кульга, с твоим положением можно пользоваться земными благами на широкий диапазон, а ты или страшный скромник, или... Не буду называть тебя настоящим именем, — Света улыбнулась, тронула его руку. — Разве это большой грех — за свои же деньги взять на складе две банки сгущенного молока? Жанночка ужасно любит его. Ты знаешь это, но не хочешь быть обязанным. Не бойся — это ни к чему не обязывает. Ты не теряешь авторитета ни на грамм. Тебе ничего не грозит. Люди будут лишь рады помочь тебе, оказав маленькую услугу. За твои же деньги. Ты не берешь взятку, ты ничего не нарушаешь, Кульга, милый, нам трудно жить, у нас нет своего хозяйства, а зарплата твоя невеста какая огромная. Я почему-то думала, что нам будет хватать. Трое детей требуют больше, чем один. Эта арифметика тебе должна быть ясна. Почему ты не обращаешься к директору совхоза, он бы мог нам выписывать мясо, молоко и овощи круглый год. Ничего бы ему не было, как и тебе. Ты не приспособлен к семейной жизни. Что я могу сделать? Ничего. Я не прошу, чтоб ты увешал квартиру гобеленами, уставил китайским фарфором, но продукты питания мог бы покупать в столовой. Там бывает кое-что, правда, не показывается в меню. Правильно. Всем не хватает. Прости меня, я хожу в столовую, представляюсь. Но одно дело, когда я приду, а другое — ты, Кульга. Одна фамилия что стоит. Вот уеду к маме, в город, поживи-ка тут один. Рита заканчивает первый класс, и мы поедem. Надоело выгадывать, комбинировать. Не знаю, как у других женщин, но у меня проблем хоть отбавляй. Мясо, если привезут, несвежее, молоко разбавленное, сметана перекисшая. Что я тебе должна готовить из таких продуктов? Отварную лапшу с маргарином? Ты хоть что съешь, а дети? Недавно были апельсины. Греков целый ящик припер домой.

Он думает о семье, а ты все еще живешь в студенческих очках. Или ты будешь думать о нас, или мы уезжаем в Новосибирск к маме. Не улыбайся. Я уже не шучу.

* * *

По асфальту мчался пенный поток, проспект уходил в серую дымку. Троллейбусы стояли. Разноцветье зонтов и плащей текло навстречу Ивану. Он бежал на вокзал. Вчера сдал последний экзамен, в зачетной книжке появилась очередная запись: переведен на четвертый курс. Юридический техникум был пределом мечтаний. Иван во сне видел себя следователем. Отец не возражал, а мама рекомендовала педагогический — хотела видеть единственного сына достойным преемником. Отец и мать работали в одной школе. Мама преподавала в старших классах математику, а папа вел труд.

В отделении связи, куда Кульга заскочил переждать ливень, народу было немного: пожилая женщина сдавала посылку, старичок в соломенной шляпе заполнял бланк телеграммы, и двое — высокий тощий парень и девица с длинными почти фиолетовыми волосами — стояли у окна, скромно целовались, думая, если они не видят никого, значит, их тоже не видно. В переговорной кабине горел свет, за армированным стеклом угадывался женский силуэт. Иван рассматривал открытки, марки. Дождь лил, не собираясь умерить хотя бы чуть-чуть свой пыл.

Открылась ли дверь кабины, погас ли свет, а может, и то и другое заставило его оглянуться. Прислонившись к деревянной панели, стояла девушка в светлом плаще. Глаза странно закрылись, и она медленно оседала. Кульга метнулся, успел поддержать. Старичок высочил из-за стола, недоумевая, смотрел то на Ивана, то на девушку.

— Что с ней? — спросила пожилая женщина.

— Ее надо на улицу.

— Нашатырь! У кого здесь нашатырь? — вопил старичок тонким голоском.

Девушка обвела взглядом собравшихся, тихо проговорила:

— Папа умер. — Закрыла лицо руками.

Плакала долго. Прохожие оглядывались, но не останавливались. Дождь прошел, с листьев падали тяжелые холодные капли. Незнакомка делала несколько шагов, останавливалась, прикладывала к глазам мокрый платочек, прислонялась к стене или дереву и так стояла несколько минут.

— Где ты живешь? — спросил Иван. Он не знал, что ему предпринять, поезд уходил через двадцать минут, он бы успел, но как оставить расстроенного человека?

— Надо в общежитие, — равнодушно проговорила она, кривя маленькие выпуклые губы. Ее несколько курносый нос распух, краска с ресниц размазалась, прическа растрепалась. — Почему они раньше не написали? Разве трудно дать телеграмму? Надо ехать...

Почему тогда он сел в поезд, что толкнуло на такой поступок? Доброта. Кульга не считал себя пораженным вирусом альтруизма, но поехал непонятно куда и зачем. Будь Лиля не такой привлекательной, остановился бы, помог? Может быть, и Светлана надеялась на перспективу, выбирая его в мужья. Интересно, думала ли она о том, кем он станет в будущем, займет ли солидное и высокое место в обществе.

Конечно, никто не хочет себе плохого. Симпатичная девчонка, шикарный автомобиль. Моя Светка небось думала, что из меня выйдет хват-муж, способный добывать импортные дубленки и джинсы. Ошиблась. Ничего не буду ей доставлять, если нужно, пусть сама устраивает гардероб, с продуктами что-то решать надо. Придется сходить к начальнику ОРСа, не откажет. Мы растем, мы изменяемся.

Вагон оказался последним, его трясло, качало, в степи что-то скрипело, на крыше то и дело раздавались шорохи. Лиля много курила,

смотрела в окно. Иван следил за бегущими столбами. Галки, сидящие на проводах, подлетали и, неуклюже взмахивая крыльями, вновь садились. На остановках он выбегал за лимонадом, вареной горячей картошкой. Она с благодарностью смотрела на покупки, печально улыбалась.

Пили пиво, понемногу разговорились. Солнце село, но его свет еще плывал по полям и перелескам, оврагам и речкам. С гулом и свистом проносились встречные составы, мелькали вагоны и платформы с техникой и грузами, пузатые бочата-цистерны.

— Мама умерла три года назад, теперь вот и папы не стало, — говорила Лиля медленно и тихо, словно сама с собой. — Папа — профессор математики, а мама могла бы певицей стать. На ней держался дом, она помогала папе, потом мне.

Иван ожидал слез, но Лиля уже не плакала, пиво пила маленькими глотками, стакан держала как-то очень эффектно. Ему нравилось смотреть на эту девушку: она доверительно смотрела на него, словно встретила после долгой разлуки.

— Какая была эгоистка, сейчас только доходит до меня. Папа закрывался в кабинете, писал ночами напролет, к нему приходили и приезжали коллеги. Они подолгу разговаривали и курили. В доме долго не выветривался запах хорошего трубочного табака, хотя тетя Нюра проветривала комнаты, опрыскивала аэрозолью. Не знаю, но с детства боялась этих людей, даже от студентов его пряталась. Они собирались в беседке и говорили, говорили. Папа математику любил больше нас. Иногда пытался нам объяснить что-нибудь, но махал рукой, хмыкал, улыбался, глядя на наши вытянутые лица.

Иван слушал Лилю, удивлялся, узнавая подробности из ее жизни и жизни родителей, поругивал себя за опрометчивый поступок, поругивал не очень зло, а порой и гордился собой, своим поведением. Лиля нравилась ему все больше и больше. Волнующее чувство становилось большим и сильным. Он смотрел на девушку горячими глазами, и радужные картины рисовались в его воображении.

— Папа добрый и простодушный. Его друг Листухин присвоил папины мысли, издал брошюру; папа даже обрадовался, что он его мысли углубил. Ненавижу Листухина, честное слово. Сам увидишь. Противный, скользкий, и руки у него всегда потные, липкие. Мама в школе работала немного, вела пение, я любила ее слушать. Музыка стала понимать, а учиться на фоно ленилась. Не поверишь, иконы коллекционировала. Поехали с папиным лаборантом в глухую деревню, устроились на ночлег у старухи глухой. Мой попутчик давай в любви объясняться. Влепила ему от души, он и завял. Пришлось пять километров по шоссе топтать. Тогда у нас не было авто. На другой год папа «Волгу» купил.

На одной из остановок Кульга раздобыл банку соленых груздей и кулек горячей картошки с темными веточками укропа. Лиля переоделась, умылась, закрыла купе, коротко взглянула в зеркало.

— Грешница я, Ваня, великая: люблю вкусенькое, а готовить — душа не лежит. — Лиля притворно вздохнула, села к столу. — Начнем пировать...

Она боялась, когда Иван выходил, думала, не вернется. Таких людей она не встречала. Много было приятелей, разных приятелей — все как один хотели выглядеть намного умнее, чем они есть, считая, что с дочерью профессора надо говорить на языке острот и юмора. Наблюдали плоские анекдоты, рассуждения о высоких материях. С Иваном ей легко, словно знает его сто лет: какая-то сила шла от него, придавая ей уверенность и спокойствие. На вокзале показался бесцветным, неуверенным, когда узнал, что билетов нет, но длилось это недолго: непонятно, как удалось найти место в переполненном зале. Устроив ее, ушел. Не появлялся минут сорок. Принес билеты и мороженое.

Их встретили. Невысокий, тучный, с утиным носом мужчина и длинный гнувшийся в поясе парень в джинсах шли за вагоном, заглядывая в окна. Лиля заметила их, поморщилась. Кульга нес чемодан и свой портфель, а угристый паренек и его папаша вышагивали впереди, окружив Лилю. Выбрались из перронной сутолоки. Приостановились, парень что-то зашептал девушке, согнувшись, словно складной нож.

— Помолчал бы, Слава, — одернул мужчина.

Лиля приветливо улыбнулась подошедшему Ивану — это не укрылось от пытливых желтых глаз Листухина, забравшего портфель. Вышли на привокзальную площадь, повернули налево к стоянке личного транспорта. Парил недавно политый асфальт, сновали такси, фыркали автобусы. У зеленой «Волги» остановились.

— Похоронили?

— Вчера, — отозвался, сделав скорбную мину, мужчина, словно спохватившись, заговорил быстро и ласково: — Вчера, Лилечка, вчера...

«Продам часы, — нехотя подумал Иван. — Если не куплю билет, на крышу заберусь». Кульга поставил чемодан и сделал шаг в сторону.

— Ваня, не отлучайся, поедем. Ты что, меня вздумал оставить? — Лиля погрозила пальцем. — Я вижу.

— Вы кто? — наморщил лоб Листухин. — Не могу признать. Подскажите, где садить? — В интонации сквозили надменность и нескрываемая ирония.

— Это мой товарищ, — твердо проговорила Лиля.

Машина шла ровно, аккуратно вставала перед красным глазом светофора, набирала скорость быстро, обходила грузовики и панелевозы. Листухин вел автомобиль профессионально. Иван залюбовался четкой работой водителя.

— Свадьба когда? — осклабился парень.

— Неуместно, Слава, — вздохнул Листухин.

Въехали на мост через неширокую темноводную реку. Иван неожиданно увидел две церкви — высокие каменные, строгих очертаний. Из трещин тянулись редкие кустики травы, и даже крохотная березка покачивала крошечными ветками.

— И сносить не сносят, и не реставрируют, — проговорил Листухин. — Городишко у нас красивый, а они, словно монстры, вид портят.

— Музей сделают, — сказал парень. — Писали в газете...

— Написать проще простого, где взять средства?

Шли долго между ровными рядами каменных и металлических памятников, крестов, обелисков. Попадались высокие литые кресты с темными буквами. Ярко-зеленая трава стыдливо кучерявилась у ограды, на дорожках, большие клены и березы давали ровную тень, пахло мятой, краской и чем-то приторно-сладким.

Иван шел рядом с Лилей, взглядывая в напряженное лицо. Девушка держала руки в карманах плаща, шагала неуверенно, иногда касалась его локтем. Была она росту небольшого — ему по плечо, по-спортивному стройна и легка в движениях.

Отдуваясь, толстячок встал у голубой оградки, за которой висели и стояли чернолентные венки. Глина не заветрилась, не потеряла цвета, блестели неяркие бумажные цветы. Несколько секунд Лиля смотрела на ограду, на красную пятиконечную звезду, тронула открытую дверцу, вошла, ступая по гукнувшей металлической плите, сдвинула венки в сторону, долго всматривалась в овальный портрет пожилого мужчины. Кульга машинально прочитал: «Гарасов Леонид Васильевич...» Лиля спина вздрагивала. Как ни в чем не бывало тенькали синицы, трещали неподалеку воробы.

— Помянем Леонида Васильевича, — вынимая плоскую бутылочку коньяка, предложил Листухин. Выпили из крохотных капроновых стаканчиков. — Лиля, так нельзя, бери, бери, — почти насильно всу-

нул в руку наперсток. — За папу обязательно. Вот... молодец, — сюсюкал Листухин. А Иван удивился тому, как вела себя Лиля: не спеша взяла протянутую конфету, не поморщилась, как-то обыкновенно достала пачку сигарет, закурила.

— Дядя Петя приехал?

— Сидит в отцовском кабинете, без просыпу пьет вино из бара, роется в записях. Что он в математике понимает, не совался бы, а еще капитан дальнего плавания. Я с твоим папой на одной кафедре столько лет проработал, знаю его задумки, могу систематизировать его работы. — Листухин вынул желтый портсигар, вылушил папиросу...

— Виктор Викторович, это папин.

— Да, он подарил мне.

— Как подарил? Когда? Он за книгами лежал в моей комнате. Папа бросил курить в прошлом году и мне подарил, — почти кричала Лиля.

— Я и отдать могу, — обидчиво сказал Виктор Викторович, разливая коньяк. — Давайте за его мудрую голову. Такой ум был...

Выпили. Посмотрели друг на друга. Лиля курила. Листухин одну за другой жевал конфеты, Иван стеснялся: коньяк не любил, а отказаться не смел. Славы не было — куда-то ушел.

— Если в доме что пропало, — затягиваясь, начала Лиля, — милицию вызову. Найдут в ваших подвалах...

— Лилия, какая милиция! Господь с тобой, милая девочка, это горе волнует тебя. Ну тяжело, верю, зачем на людей так говорить? Ванда взяла ковер, отдала в химчистку. Мы от души, а ты такое.

— Я вас знаю. Ключи от машины верните, мы поедем на Кузьмичу, хочу побить одна. Папа нас туда возил по грибы...

— Это пока, да?

— Почему пока?

— Зачем тебе машина? Ты учишься. Будет стоять, ржаветь, знаешь, какая канитель с техходами, запчастями. Покупаем у тебя за хорошую цену, а ты себе другую модель возьмешь, лучше.

— Не нужна мне лучше...

— Лилия, мы ведь как своим... Столько лет...

— Папа, отдай ключи, — волнуясь, сказал подошедший Слава.

— Ну ладно. Еще поговорим, голубушка...

— Лилька, они с мамашей садовый участок ваш продают, объявление уже дали, покупатели приходили.

— Ну в кого такой разбулдыя? — потрясая раскрытой ладонью, вопрошал Листухин. — Придешь домой...

— Не приду! Уезжаю со стройотрядом.

Кульга курил, посматривая на блестящую воду, узколистые таловые прутья справа и слева от машины. Лиля ушла к большой старой ветле, росшей почти у воды, села на импровизированную скамью из кольев и веток. Ему хотелось подойти, но он не смел, считал, так будет лучше, если она в тиши соберет свои мысли, укрепит духом.

— Что-то со мной творится, — произнесла Лиля. — Ужасные люди. Говорят одно, делают другое. Не надо было так резко, правда же? Ладно, теперь-то что. Я хочу подарить тебе эту вещь. Она дорога мне как память о папе. Мне будет приятно, если ты возьмешь.

— Он золотой? — удивился Иван, ощущая на ладони тяжелый предмет.

— В общем, конечно, проба достаточно высокая...

Низко над водой носились стрижи, по мосту прошла хромая лошадь с телегой, а по просторному небу, выпрядая из себя нитку белой пряжи, скользил паучок-самолет. Все было тихо и спокойно: трава росла, река текла, шевелились листья — не было вроде бы и ни горя, ни коварной жадности, но рядом с Кульгой сидел человек, у которого было и горе, и тревога, и неуверенность в завтрашнем дне.

Лиля положила ему голову на колени, закрыла глаза; пахло старой полынью, осколок стекла пускал Кульге остренький лучик, заставлял прикрыть глаза. Иван отклонился, увидел беспомощные губы, не удержался, коснулся губами. Лиля не открывала глаз.

У большого кирпичного дома с крутой черепичной крышей и крохотным балкончиком они остановились.

— Вот здесь мы жили.

Бритоголовый мужчина в тельняшке махнул рукой, принялся открывать сетчатые половинки ворот. Девушка выскочила из машины, бросилась к нему.

— Дядя Петя, почему не дали телеграмму?!

— Виноват. Нельзя было, — грустно произнес Петр Васильевич.

— А машину зачем этим дал?

— Усмотришь разве: их гонишь в дверь, они в окно.

— Познакомься. Это мой... — Лиля примолкла, подбирая слово. — Мой...

— Понятно. Зовите меня дядя Петя. — От него пахло табаком и перегаром.

— Зачем голову обрил?

— Чтоб лысину не было видно.

От крыльца шла пожилая женщина, вытирала руки, морщинистое лицо ее кривилось.

— Лиля, касатушка, ждали тебя, детка...

— Анна Зиновьевна, перестаньте! — приказал Петр Тарасов.

— Все, все. Я в лавку за тврогом.

— На машине, — сказала Лиля.

— Мне пройтись надо. Засиделась.

— Это двоюродная папина сестра. Няня моя, — вытирала глаза Лиля.

— Сдает голубка, — проговорил со вздохом капитан дальнего плавания, вынимая из багажника чемодан.

В просторной прихожей три больших овальных зеркала, по бокам светильники с молочными плафончиками, на продолговатой тумбочке расчески, гребни, пузырьки, баночки, коробочки всех цветов и калибров. Лиля открыла одну из вертикальных дверок напротив зеркал, повесила плащ и куртку Ивана.

— Чемодан берем. Портфель ставь сюда, хотя он понадобится.

Зал круглый, стол в центре круглый, круглые окна шли одно за другим прямо от потолка, занимая примерно одну пятую высоты. Чеканки, полочки со статуэтками, вазами, сувенирами выглядели скромно, придавая странный уют, который можно назвать морским, даже люстра, походившая на трехлапый якорь, говорила о том, что хозяин — приверженец морей.

— Папа проектировал, кое-что делал, но времени, сам понимаешь, в обрез. Студенты много времени отнимали, научные статьи...

Лиля сдвинула тонкую дверь в сторону, и они оказались в треугольной комнате. Полка с книгами, зеркало, магнитофон, переносной телевизор, письменный стол — предметы, вещи, приборы элегантны, но не кричат о себе, а напоминают о своем назначении. Ивану понравился магнитофон, простой, даже слишком простой, но множество ручек и кнопок говорили о его широких возможностях.

— Где вы? — раздался голос Петра Васильевича. — Титан готов будет через пять минут. Лиля, иди мойся, а мы потолкуем. Кухня и дровяной сарай — наилучшие места для душевных бесед.

На продолговатом столе капустаные листья, луковицы, разобранная мясорубка, две рюмки и бутылка водки.

— Занялся борщом, а тут вы подъехали, — говорил Петр Васильевич, вынимая из холодильника ветчину. — Садись, пропустим для откровенности.

Кухня невелика, но место каждого предмета продумано: столы откидываются, табуреты складываются, множество шкафов, выдвижных ящиков, система вытяжной вентиляции.

— Расскажи, Ваня, о себе, о планах. Лиля единственная племянница, неплохая девушка, но не простая, а, так сказать, с чужинкой. Баловали, конечно. Кавалеров у нее здесь много было, наверно, и там есть. Странно, что никто ее из сокурсников не проводил. Ну, а планы, если не секрет?

— Планов никаких. Я ее совсем не знаю, просто вот приехал. Сегодня обратно.

— Не спеши, погости маленько. Давай еще немного...

— Хватит мне.

— Что так?

— Не хочу.

— Вот вы где. Хорошо устроились.

— С легким паром, племяшечка.

Капитан дальнего плавания расставил рюмки, потер ладони, тронул вилку.

— Давайте помянем Леню.

Лиля выпила и, согнувшись, выбежала. За ней пошла Анна Зиновьевна.

— Ничего не попишешь, такие дела на этом свете.

Они курили на веранде. Гудел вентилятор, табачный дым тянуло струей воздуха и рассеивало у двери. Петр Васильевич говорил негромко, но внушительно, с нотками полунаказания, полусутопливости.

— Женщин плохих нет. Это мужчины их делают сварливыми и нервными. Понимаешь, в чем дело. Это и доказательств не требует — аксиома. С кем поведешься, каковы сами, таковы и сани. Совместное проживание двух человек разных по полу начинается праздником, а кончается каторгой или чем-то в этом роде. Проверено на практике, не сомневайся, Иван. Знаешь, как-то подумал, и пришла абсурдная мысль: нужна конкуренция. Даже в отношениях. Две женщины и мужчина: женщины поневоле начинают соперничество, стараются показать себя с наивыгоднейшей стороны...

— А мужчина? Ему не с кем конкурировать? Тогда его дурные привычки получают простор, — сказал Кульга и удивился своему суждению.

— Ты прав, юный друг. Мужчина — вне конкуренции, а это в моей теории — пробел. Не подумал. Зато секрет счастливой семейной жизни без изъянов. Жаль, что молод ты, Ваня, не хлебнул из этой бутылки, но все впереди, еще нахлебаешься досыта. Запоминай: нужно всегда занимать выгодную позицию, главенствующую высоту. Она должна постоянно интересоваться тобой и твоими делами. Тут одного остроумия мало. У тебя трудная задача. Лилия много знает, много видит. Ты ей должен дать то, о чем она и слыхом не слыхивала.

— Но я не собираюсь жениться на ней, да и она...

— Ты не собираешься, но это еще ничего не значит. Ты считаешь, что у тебя есть право выбирать? Право есть, но выбирают они, женщины, а не мужчины. Человек от природы охотник, погоня и поиск его захватывают. Ты читаешь детективы?

— Читаю...

— Начинаешь читать и не можешь понять кто здесь кто, начинаешь размышлять, а в конце приятно ошибаешься. Она должна читать тебя как книгу, чем дальше, тем непонятней. Вы должны открывать друг друга. Если кому-то станет неинтересно, значит, начинается распад. Будете сосуществовать, заботиться о детях, а это тяжело и родителям, и детям. Сюжет раскрыт, игры нет, нет семьи, есть слепое подчинение...

— Не согласен. — Кульга не знал, в чем не прав Петр Васильевич,

но чувствовал односторонность его слов. — У нас дома никто не старается удивить.

— Значит, кто-то кому-то уступил сразу, и теперь в семье нет осложнений. Это неплохо. А ты умеешь уступать?

— Не знаю. Не пробовал. Можно уступать больному, маленькому ребенку.

— Женщины — это больные дети. Скажет она — стена черная, и тебе надо согласиться. Не противно?

Иван пожал плечами.

— Как быть? Надо, чтобы штурвал семейного корабля тебе вверили добровольно. Как это сделать? Рецептов нет. Каждая третья семья распадается. Мужчина, живущий в городе, больше уделяет внимания детям, чем мужчина, живущий в деревне. Сам стирает белье, готовит пищу, сидит дома с больным ребенком, бегаёт по магазинам, белит и натирает полы. Исчез мужской труд, исчезла надобность в мужской силе. В деревне мужчины сеют, пашут, строят бани и хлевы, ездят на мельницы. Там труд можно подразделить на мужской и женский, а в городе грани стерлись. Поэтому и увеличивается число разводов.

«Капитан разговорчивый, — подумал Кульга. — Философ семейных коллизий. Ему бы трактаты писать, а он занимается устным творчеством. Кажется, неплохой, хочет, чтоб мы поженились. Нужно ли? Надо техникум кончить, а потом думать о женитьбе».

Лиля вышла с тазом белья, начала протирать натянутые веревки, собирать на шнурок прищепки.

— Помочь?

— Я сама. Проверь, закрыла ли гараж.

«Стесняется или не хочет, чтоб мое падение видел Петр Васильевич. Отец всегда помогает матери развешивать белье. Стереть не трудно, а развешивать пододеяльники одной несподручно».

Иван открыл гараж, обратил внимание на провисшую створку ворот, принял за ремонт. Забил клин под полотно, начал сворачивать из ржавого гвоздя кольцо.

— А ты мастер, — сказала Лиля. — Мне бы и в голову не пришло, что так можно. — Она положила руки ему на плечи, прижалась к спине грудью, взъерошила волосы и вышла.

Завтракали вдвоем. Анна Зиновьевна уехала к больной подруге, Петр Васильевич отправился в институт, где работал математик Тарасов. Лиля ухаживала за Иваном, делала ему бутерброды, подавала перец, заставляла пробовать то одно, то другое.

— Слушай, давай водочки выпьем и минералочкой запьем. Водочка холодненькая. Любишь холодненькое?

Лиля пила и не морщилась, заботливо накладывала ему на тарелку холодец, а сама почти ничего не ела, лишь запивала водку сметаной.

— Попробуй — хорошо. Ни разу не приходилось. У нас девчонки в комнате изобрели фирменное блюдо: водка со сметанным соусом. Так нельзя, — она погрозила пальцем. — Бери свой стакан. Вот сметанка. А то не буду любить, — капризно скривила губы Лиля. Он выпил торопливо, закашлялся. — Мой маленький подавился водочкой. Сейчас мы его полечим... — Она прижала его к себе, поцеловала в губы.

Они убрали со стола, перемыли посуду.

— Вань, допей, и я бутылку выброшу. Немного осталось. — Лиля опорожнила бутылку, пододвинула хрустальный стакан. — Колбасой закуси.

— Не хочу что-то.

— Ты маленько, и я маленько. Ты первый. Теперь покурим и отдохнем. Наелась... Надо переходить на диету. Тебе нравятся полненькие?

- Как ты?
— Как я.
— Ты — да.

Они включили магнитофон, заговорили об ансамблях. Лиля опустила бамбуковую штору, сдвинула складную стенку. Иван увидел уютную нишу, оклеенную сиреневыми обоями, кровать, шкафчик с будильником и несколькими книгами.

— Там у меня фотолаборатория. Ой, Ваня, Ваня, расстегни, дышать нечем. — Лилия повернулась спиной, приспустила с плеч халат. — Теперь жить можно. — Она упала на кровать, халатик распахнулся. Кульга опустил голову и отвернулся, чтобы не видеть, как она будет его поправлять. — Ох, устала, ноги гудят. Ложись рядом.

...Он служил в армии. Лилия написала, что скоро должна выйти замуж, полюбила хорошего человека, просила извинения, называла его самым лучшим мужчиной, а она вздорная, никчемная, недостойна его любви, и пусть он выбросит ее письма и фотографии. Небольшим костерком горели длинные письма, цветные фотографии. Никого не согрели они в тот морозный день. Серый пепел остался на подтаявшем снегу. Иван чувствовал, что первая ссора навсегда разделила их, а примирение не сделало ближе. Он и сам потерял новизну того чувства, что возникло тогда в большом доме, в дороге на лесной кордон к Лилиной тете. Светлана писала ему письма, сообщала о Лилиной неверности. Антипатия появилась не сразу, она приходила постепенно, копилась день за днем.

После армии Кульга устроился на теплоход радистом. Зачем? Почему? Сейчас не может ответить на эти вопросы. Да и тогда вряд ли смог.

Сейчас дни походили один на другой, пассажиры вечно куда-то спешили, кричали, спорили из-за мест, из-за очереди в буфет. Иван много читал, собираясь поступать в университет на юридический факультет. Когда книги надоедали, выходил на палубу, следил за бегущей волной, которая тянулась от борта, закручивалась, пенилась. Высокие обские яры сменялись пологими песками, поросшими черноталом и кудрявыми ивами, мчались «Ракеты», сновали катера и закопченные буксиры. Ночами большая медная луна каталась над берегами, освещая воду и деревья неверным светом. Смолкала музыка из транзисторов, разбредались по полкам пассажиры, лишь редкие парочки стояли у бортов, любуясь змеящимися бликами от фонарей маячных столбов, встречных судов и бакенов.

— Иван-царевич, — раздался знакомый голос, когда он шел по коридору в свою каюту. — Вот это встреча!

Света, Светлана! Почти не изменилась, похудела, налилась настоящей женской силой. Лицо такое же открытое, энергичное. Заволновался Кульга, начал вопросами сыпать.

— Это судьба. Я тебя столько искала, а ты ни писем, ни телеграмм. Можно ли так обижать бедную подругу?

— Прощу прощения. Больше не буду.

— Больше я тебя никуда не отпущу. Ты теперь мой.

Всю ночь проговорили, вспоминая старое время, друзей-приятелей.

— Лилия наша не кончила институт, два раза была в наркологическом диспансере. Жалко ее. Замуж выходила, но неудачно. Мужик подобрался к ней с дальним прицелом, через полгода потребовал развод и раздел имущества. Я на суде не была, но девчонки рассказывали, что ему перепало кое-что из Лиликиного дворца. А ты почему не претендовал, когда она попросила развод?

— На что претендовать студенту?

— А мог бы, — Светлана рассмеялась.

...Найти подходящую квартиру оказалось не просто. Иван дал объявление в газету, ходил с ребятами по частным домам, Света с Лилей нашли за вокзалом однокомнатную квартиру в двухэтажном доме. Старушка пояснила, что сын уехал на Север, на год они могут рассчитывать.

— Мебель не нужна, — сказала Лиля, рассматривая обои.

— А как? Куда дену ее? Сын спросит...

— Что-нибудь придумаем, а пока напишем соглашение, заверим, будет документ.

— Видел-ка чо. Платите исправно и вся контора.

— Берем квартиру в аренду, обязуемся ремонтировать, беречь. Печь переложим, сделаем водяное отопление, полы придется перестелить, окна покрасим.

— Хорошо, хорошо. И крышу заодно посмотрите.

Лиля сама выбрала обои, краску, мебель, Иван потерял инициативу, но не очень огорчился: носил, грузил, красил. Немного тяготило одно обстоятельство, из которого неспроста выйти, если твои родители работают в школе, а, кроме тебя, еще двое в семье. Попытался устроиться слесарем в автобусный парк в ночную смену.

— Ванек, это не для нас. Не хватало, чтоб ты еще возился в мазуте, а как я буду одна? Вдруг меня волк утащит и съест.

Просохла краска, занесена из сарайчика мебель.

— Ванек, нужна машинка швейная. Будем со Светой подшивать шторы. Скоро Зинуля придет и еще девчонки.

Он съездил в пункт проката. На площадке слышался смех и стрекотание машинки. Иван размотал шнур.

— А мы к хозяйке сходили, — сказала Света.

— Кто мне подержит? — спросила Зина.

Девушки переговаривались. Иван чувствовал, что занимается не тем, чем нужно. Сидел перед машинкой, тянул плотную ткань, следил за ловкими пальцами. Почувствовав его взгляд, Зина подняла голову, подмигнула, громко потребовала:

— Дайте нам ножницы! Ванечка, принеси ножницы, будем петельки резать да пришивать к ширме. Ишь ты, поролон, — потрогала кровать.

Несколько минут работали молча. Заговорила Зина:

— Скоро на картошку. Будем костры жечь, на луну глядеть и о мальчиках вздыхать. А кто знает тридцать способов заварки чая? А кто из вас приготовит сто блюд из картошки?

— Пора и подкрепиться, — сказала Лиля. — Мы ничего не взяли. Ванек, принеси мяса, сметаны. Эх, стерлядка кончилась, давайте хека заморозим и сделаем строганину...

Зина больше не приезжала, а Света была часто. Приносила импортные сапоги, как-то привезла ондатровую шапку.

— Зачем? — удивился Иван. — У меня есть.

— Ей сносу не будет, а потеряешь — беда небольшая. Как сапожки?

— Шикарно.

— На меня шили.

Лиля ушла на кухню, вернулась с сапогами, бросила на пол.

— Эти куда девать? Они еще смотрятся.

— На барахолку отвезу. А что, загоню.

— На базаре тебя еще не видели. Подарю-ка нашим девочкам, некоторые в войлочных обутках ходят. Когда им еще мужья купят, а то, может, и не дождутся.

— Ванек, изобрети вечный двигатель, — сказала однажды Лиля с обольстительной улыбкой.

— Зачем нам двигатель? — в тон жене спросил Иван.

— Хочу гордиться тобой. Придумаешь — слава, почет и прочее.

На меня будут показывать пальцами: вон идет жена изобретателя вечного двигателя.

— Все придумано, сейчас только ведутся усовершенствования.

— Миленький! Хоть что-нибудь придумай.

— Ты серьезно?

— Хочу посмотреть на тебя как на божество. Бросай тарелки на пол, завтра купим другие. Даю тебе месяц сроку. Вот книги по изобретательству.

Пророчества Петра Васильевича сбывались: он стал неинтересен. Позиция невыгодная, надо изобретать, надо как-то выскакать из этой ситуации. «Электроника — всему голова», — так бы сказал Козьма Прутков. Посуду мыть не стану, в магазин не пойду.

В тот вечер сидел на кухне, вычерчивал схему транзисторного приемника. Он уже сделал детектор, собрал двухкаскадный усилитель. Лиля была в восторге, вращала ручку настройки и приговаривала: «Поет, говорит — странно». Ивана подмывало сказать, что записался в радиоклуб, скоро начнет строить коротковолновый передатчик, но молчал, хотел сюрприз преподнести.

Пританцовывая, вошла Лиля, прислонилась, обняла за шею.

— Тебе трудно, муж? Ничего. Скоро ты меня прославишь. Ванек, сходи... последний раз. Художники пришли. Света познакомилась с ними на выставке. Талантливые ребята. Уже выставляются.

— Проще сказать, выпендриваются.

Словно не было этой реплики, она ее не заметила, не хотела замечать, с улыбкой просила:

— Сходи, Ванек, не пить же им водку. Гости.

— Им одеколон привычней. Они все пьют.

— Ну не вредничай. Твои приходили, я же их приняла как надо. Не нам же идти со Светкой. Ты — хозяин. Сходи за коньяком и продолжай свои великие дела.

— Я не помешаю вашей беседе. Познакомлюсь с твоими мастерами кисти и рубанка, потянем жребий...

Она ударила его по щеке, бросилась на грудь, обняла.

— Прости, ну прости.

— Давай деньги.

— Не ходи, Ваня, мы их выгоним, не ходи.

Редкие прохожие не обращали на него внимания. Идет себе человек без пальто, пусть идет. Не шатается, не пьяный. Снег шел тихий и крупный. Было свежо и одиноко.

Лиля порхала по кухне. Она, похоже, обрадовалась, узнав об отказе Ивана ужинать вместе с гостями. Лиля жарила котлеты, прикладываясь к высокому бокалу с коктейлем.

Спал на кухне, на раскладушке. Проснулся от неясной тревоги. В полумраке нашарил на столе сигареты. В комнате возились, слышался приглушенный вскрик. Бородатый художник зажимал Светлане рот, стягивал одеяло. Иван схватил его за длинные лохмы, ударил.

— Ты, — задыхнулась от гнева вскочившая Лиля. — Ты избиваешь моих гостей.

— Он лез ко мне. Надо было еще, — сказала Светлана.

Ивану стало смешно: взъерошенная Лиля, полураздетая Светлана.

— Смеешься? Уходи!

Кульга медленно одевался, соображая, что надо взять, чтобы уже никогда не приходиться сюда. Учебники, только учебники. Где-то он покривил душой, где-то споткнулся. Надо было тогда сразу уехать...

Вернулся. Положил на стол портсигар, снял шапку. Тесемка попала в тарелку с засохшей котлетой, из которой торчал окурочок.

— Лиля, ты не права. Помиришь, — сказала Светлана.

Лиля отрешенно молчала.

— Тогда я тоже уйду и никогда не приду.

— Валите. Все валите. И этих забирайте.

По мягкому снегу шли на работу люди. Было семь часов утра. Желтые пятна света лежали в палисадниках, на тротуарах. Светка, глазастая, не унывающая Светка вела его под руку, прижималась бедром и все ободряла, ободряла.

— Пойдем на вокзал.

— Хочешь уехать?

— Посидим.

Они встали у прямоугольной колонны, высматривая свободные места. Заговорило радио, пассажиры задвигались, потянулись к чемоданам и портфелям.

— Это хорошо, что ты ушел от нее. Плохая она.

— Почему тогда дружила с ней?

Светлана улыбнулась и опустила голову.

— Хотела тебя видеть.

В декабре пришла повестка из военкомата.

...Они поженились, родилась Жанна. Иван работал следователем. Пришло письмо от Лили. Она умоляла отпустить Ивана к ней на два дня. «Вопрос жизни на краю смерти», — так написала Тарасова, обращаясь к Светлане.

Клинику медицинского института Кульга нашел не сразу. Он проехал две лишние остановки, долго шел пешком. Перед клиникой росли старые березы с потрескавшейся корой. Мощные кроны доставали почти до окон третьего этажа.

— К ней нельзя, — громко говорила пожилая женщина.

— Издалека приехал. Вот письмо. Она меня вызвала.

— Нельзя.

— Я ж через всю страну проехал. Из Сибири.

Дежурный врач выслушал Ивана, кивнул головой стражу порядка.

— Пустите ненадолго.

В узкой палате Лиля была одна. Сидела на кровати и читала. В первую секунду сердце его даже приостановилось. Врач рассказал о ее болезни, о проведенной операции, о новом препарате. Кульга слышал, что эта болезнь поддается медицине на первой стадии. Полнота придавала ей легкую томность. На высоком лбу прорезались морщины, правильные дуги бровей поднялись. Радость, изумление осветили лицо.

— Кульга! — слабым голосом проговорила она.

Близкая, далекая женщина. Смотрел на нее и боялся моргать.

— Ты приехал ко мне. Какой ты стал большой. Не говори, что так бы поступил каждый. Праздник ты мой, солнышко. — Она плакала по-детски, размазывая слезы по щекам, шмыгая носом. — Встретились мы в горе и расстанемся в печали. Не обижайся на меня и прости. Ладно? Я возьму отпуск у своей болезни, и мы снова поедem на лесной кордон к тете Вере, как тогда, десять лет назад. Ты поедешь со мной? Не думай, ты не изменяешь Светлане. Я — мертвая, хочу последние часы пожить с тобой. Разрешить?

Иван молчал, не зная, что сказать. Он не собирался задерживаться. На работе дали неделю в счет отпуска.

— Ты меня жалел, исполнял капризы. Я уходила в библиотеку, а возвращалась из кафе. Ты был для меня и другом, и няней. Я не оценила этого. Раскаиваюсь и казнюсь.

Ее не отпускали — не было заведующего клиникой, лечащего врача, а дежурный не хотел брать на себя ответственность. Лиля плакала, хватала Ивана за руку:

— Уведи меня отсюда. Мне душно здесь. Я не буду ждать утра. Я пойду в этой одежде.

Собирались любопытные, пришли санитарки и сестры. В палату вошел молодой мужчина с рыженькими усиками.

— Отпускаю вас на неделю, а сегодня примите лекарство. Успокойтесь.

— Завтра, — улыбнулась Лилия, — завтра мы поедем на кордон...

Серый утренний свет вползал в окно медленно и трудно. Иван слушал стукотень капель. Они били так в отмокту, что походили на удары лома.

Пахло мокрыми лопухами и мокрой землей. Анна Зиновьевна хлопотала на кухне, словно не ложилась. Телефон зазвонил резко и призывно. Кульга напряженно вслушивался в разговор... Вскочил. Трубка упала. Старушка шарила дрожащей рукой по стене, пытаясь опереться на нее. Падали пузырьки и флакончики.

— Я-то, старая, зачем живу на этом свете? — шептала Анна Зиновьевна. У Ивана заломило надбровье, гулко било в висках. Он смотрел на узор ковра и ничего не видел.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. И. КЛЕПИКОВА

...Фаина Ивановна расписала его как последнего злодея, а почему так, скажу: огород ей пришлось отрезать из-за ихнего дома. Вот и клекает на человека. А Васька обыкновенный. Без дела его редко видели. Все с Сашкой строят, тешут, копают. Худого не скажу и худого не слышал. Он даже с коровой на «вы» говорит. Я всегда удивлялся: такой молодой и правильно живет. Все держат — птицу, животных, кроликов и — как их? — внутри... Их кормить надо, управлять. Шарлыганить некогда. Мне видно. Сажу и смотрю. Катька все ребенка на тротуаре катает. Как кого стренет, так давай тары-бары разводить. Приедет из леса, доить начинает, поить. Управит, так на рыбалку едет. Идет ночью, поздоровкается и рыбки даст. С меня теперь какой рыбак — обезножил. Ругался он с имя. Было. А где без руганки обходится? Сидел на крыльце и курил. Долго курил. Поди, полпачки высмолил. Собрался и с собакой уехал. Неделю не видел. Слышу, ночью калитка ихняя брякнула. Никак, думаю, к Катерине опять гость пожаловал. Один приходил, так поворот получил. Васька в палисадник залез, в окно посмотрел. В дом не пошел. Постоял, постоял и тихонько отвалил. Потом слышу, на Берестянке мотор загрыкал. Опять куда-то уехал. Так думаю, что и судить его не за что. Он, может, и что не так делал, но никто не в обиде. Вот разве что Катерина или Фаина Ивановна.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ УЧАСТКОВОГО Н. Н. ТОЛСТОШЕЕВА

...На протяжении двух лет Мальцев возглавлял комсомольский оперативный отряд. Показал себя дисциплинированным, помогал поддерживать порядок в общественных местах, лично участвовал в поимке и задержании рецидивиста, за что награжден ценным подарком. Когда нужно было, Василий дежурил вместо меня в опорном пункте. Но вот последнее время я его не узнаю. Он отстранился от общественной работы. Или мы его захвалили, или ему в самом деле трудно. Мальцев заочно учится в техникуме. Конечно, жить хочется хорошо. Хозяйство на нем, жена с ребенком. Развел Василий кролов, нутрий. Шапки захотел шить или что — не знаю, но думаю, сократить бы ему хозяйство и вернуться в клуб. Ансамбль заглох. Без него ничего не получается у Павлика Чавилина. Преступление совершено, действия Мальцева противозаконны. Это установлено, он и не отказывается. Был бы пьян, а то ведь трезвый. Попросил его последовать за мной — пошел. Проступков за ним раньше не замечалось, думаю, Мальцев раскаялся, мера наказания должна быть минимальной.

А. Л. ФЕДОРОВА

...Причины здесь, рядом, знать их досконально невозможно, а догадаться... нельзя не догадаться, но догадка не факт. Случилась простая вещь: парню надо было утвердиться в семье, а как — он не знал. Большинство мужчин нашего времени утверждают себя не делами, а пьянством. Как себя проявить молодым мужьям, чтоб вернуть пошатнувшийся авторитет? Уехать на заработки, защитить кандидатскую, сделать открытие. Некоторых женщин этим не удивишь, ведь сплошь и рядом кандидаты, изобретатели, путешественники и тоже не имеют авторитета у собственной жены. На работе уважают, соседи за помощью обращаются, если требуется математическая помощь, в смысле подготовки в вуз, сдачи курсовой работы, а дома этого математика в грош не ставят. Бывает же так? Зачастую.

Бедный мальчик, заведомо зная, что будет наказан, отчаявшись, бросился разбойничать. Вполне знал Мальцев, не мог не знать, что не вернет авторитета таким путем. Значит, это и месть, и злость, и еще что-то, о чем знает лишь он сам. Последняя соломинка, сломавшая спину верблюду. Укладывались соломинки ежедневно, ежечасно. Не мог он их стряхнуть, нес безропотно груз, нес, нес да и не выдержал. Что ему оставалось делать? Уйти из семьи. Это не просто. Ребенок — прочный канат. Мальцев терпел, надеясь на лучшее, на хорошее. А если это хозяйство он развел не только для получения побочных прибылей, да и эти прибыли — средство для поддержания мужского авторитета? Может, ошибаюсь? Может, и ошибаюсь. Непросто у этого парня. Он видно, и кольца, и шубы ей брал, чтобы взамен получить расположение и чуткость. Женщины становятся чересчур самостоятельными, а мужчины чересчур мягкими. Налицо феминизация мужчин. Явление, похоже, не районного масштаба. Раньше женщина в силу условий и обязательств не могла жить одна и растить детей, было трудно и почти невозможно; мужчина и женщина, связанные общим трудом, боролись за существование. Теперь эта борьба отпала, ее нет. Женщина свободна в своем выборе, она уже не терпеливая служанка мужчины, нанесенные обиды не прощает, борется за личную неприкосновенность, чувство собственного достоинства вырастает до высоты Монблана. Лавины эгоизма сметают мужские авторитеты. Распадаются семьи. Погоня за птицей, зовущейся «счастье», продолжается. Дорого обходится государству эта погоня. Калечатся дети, ломаются судьбы. Нет статей, нет законов, чтобы вместе с этим парнем привлечь еще кое-кого. Не привлечешь, хотя надо.

Смешон мужчина, потерявший вековую опору. Ищет он ее и не может найти. Не боится жена мужа. Домострой ушел в небытие, жизнь отвергла его, а что дала? Где нет закона, там беспорядок, там дробятся гарнитуры, горят ковры, недельные запои. Разводы, разводы. Проблема, которая волнует многие умы, а результатов до сих пор нет. Работают суды, примиряя, разводя, деля... А если семья начинает изживать себя, точнее, происходит ее распад, она стала ненужной и отмирает? С такими мыслями можно черт знает до чего додуматься. Абсурд! Да, но в первобытном обществе не было семьи. Мужчины и высококоразвитое общество в ней тоже не нуждается? Семья — добровольное рабство, зависимость одного от другого. Где насилие, там бунт.

Вот и выступи и скажи, что отныне браки заключаться не будут, детей воспитывать станет государство. Разводитесь, пожалуйста, кто хочет. Скажут, ума лишилась, пора на пенсию. Правы будут.

И. О. ГРЕКОВ

Девочка дичилась, старалась спрятаться за мать, но куклу взяла, принялась трогать пальчиком глаза, разглаживать смятое платье.

— Папа привез, — тихо проговорила Таня и посмотрела на Игоря сияющими глазами: «Па-па, — сказала Оля, показывая куклу матери. — Па-па».

— Это кукла, а папа вот он. Твой папа.

Греков уже все знал и был не то что поражен, а немного растерян, немного восхищен, немного обижен: «Ее можно понять. Она боялась его, боялась родителей. У нее была цель, ради ее достижения Тане пришлось много перенести. Ведь могла же она хоть намекнуть, как-то довериться. Столько времени прожили вместе».

Игорь Олегович слушал свидетелей, смотрел, как корчит этого горе-преступника Мальцева. «Можно было убедить Мальцеву, чтоб не спешила с заявлением, чтоб даже забрала его. Суд разделит ихнее имущество, свою половину она получит, а он уже получил. Как они раз-

делят сына — вот в чем вопрос. Развести просто, хоть и канительно. А свести... Как потом их свести — ни один суд не возьмется за подобную работу, а надо бы браться. Сейчас закончится процесс, пойдут поселковые по домам. Куда идти ему? Некуда. В общежитие, на берег, к другу. Это ему не подходит. Значит, уедет к родителям. Приехал, пожил, набил шишки, проще говоря, обрел опыт, и уедет, умудренный, обиженный, огорченный, потерявший интерес к жизни. Силы найдет утешиться, станет более строгим при выборе невесты, матери своих детей».

* * *

— Послушай меня, Таня, завтра уезжаю. Наша строительная организация посылает меня в командировку. Нужно на месте контролировать строительство мостов через таежные речки, отсыпку земляного полотна на заболоченных участках. Это моя будущая кандидатская. С год отработав рядовым инженером строительно-монтажного поезда. Вернусь, пожелимся. Взять тебя с собой не могу. Не знаю, как там, но, наверно, нелегко. А ты пока поживешь с мамой, подождешь меня.

— Буду ждать хоть всю жизнь. Только ты письма пиши. Ладно, Коля?

— Обязательно.

Татьяна Ивановна Смородская два года назад окончила медицинское училище, работала дежурной сестрой в городском родильном доме. Каждый вечер она спешила к почтовому ящику. Николай писал о тайге, о злых комарах, о железной дороге, которую ведут к нефтяным месторождениям.

Дни шли медленно и однообразно. Таня готовила себя к будущей жизни: училась вязать, шить, готовить. Она видела себя женой, заботливой хозяйкой, доброй матерью. Подруги подсмеивались, звали в кино, на танцы, Таня отказывалась. В большую тетрадь записывала кулинарные рецепты, рекомендации и советы по тем или иным бытовым вопросам. Из старых журналов вырезала целые страницы, посвященные солению и маринованию, копчению и консервированию.

Приехала как-то с работы не в себе, озабоченная, расстроенная, села в кресло у телевизора и задумалась. Пожилая, но еще работающая Татьяна мать заметила перемену в дочери, но с расспросами не полезла: знала — сама расскажет. Рассказала.

— Мама, у нас одна женщина ребеночка оставила.

— Как оставила?

— Не взяла. Ушла, а девочку оставила. И кормила ее плохо. Принесу и жду, чтоб кормить начала. Это мне тетя Дуся сказала. Потому что она все время лежала и думала, а на ребенка внимания не обращала.

— Ну и что? — строго спросила Аделаида Филаретовна.

— Как что? Ребенок не виноват, что у нее так вышло. Она бросила его. Как теперь?

— Не переживай. Без тебя разберутся. На это есть главврач. Отправят в дом малютки.

— У этой девочки никогда не будет родителей... Всю жизнь она будет одна.

— Успокойся, дорогая. Найдутся люди, удочерят...

— Мама... давай мы возьмем. Когда ее удочерят? Она такая хорошая. Почти никогда не плачет.

— Таня, это очень трудно. Столько хлопот, документы оформлять, да и вообще... Ты молода. У тебя есть жених. Как он посмотрит на ребенка? Зачем тебе? Подумай хорошо. Знаешь, сколько детей без родителей остается? То лишают прав, то аварии, а то как у вас. Разве всех возьмешь? — Аделаида Филаретовна вздохнула, погладила дочь по спине.

— Мама, она болела недавно. У нее температура. Я подойду, она посмотрит так, завозится и не плачет, а слезинка скатится. Мама, у девочки даже имени нет. Наши женщины зовут ее дочка. Роженицы кормят, у кого молоко лишнее.

— Что мне с тобой делать? Маленькая была — котят домой таскала выброшенных, а теперь... Как тебе объяснить, чтоб поняла. Ты жизнь себе испортишь и все. Никто тебя замуж не возьмет с ребенком. Николай что скажет? Скажет, у нас свои будут.

— Я позвоню ему. Посоветуюсь. Он меня поймет. А ты, мама, взяла бы? У меня есть ты, а у нее никого нет и не будет. Это несправедливо. Так не должно.

— Ты взрослая девочка, зачем ломать себе жизнь? Чужой ребенок. Был бы хоть чей-то из родни, а то ведь чужой.

— Она сейчас одна лежит...

— Я ей про Фому, она мне — про Ерему. Давай больше не будем касаться этой темы. Ты мне еще спасибо скажешь.

Следующим вечером Таня Смородская разговаривала с Белоярском. Слышимость была ужасной. Она его слышала хорошо, а Коля:

— Что случилось?

— Ничего. Я хочу взять в роддоме ребенка.

— Кого взять?

— Девочку.

— А мама? — Коля не понимал и половины сказанного Таней, но в меру своей фантазии домысливал, делал выводы, задавал вопросы. — Как мама?

— Мама сказала, что все должен ты решить. От тебя зависит ее жизнь.

— Это ничего...

— Ты согласен, Коля! Я тогда приеду. Мы приедем.

— Конечно. Я буду ждать. Телеграмму не забудь отбей.

— Отобью.

— Жду вас обеих.

В родильном доме имени Семашко произошла кража. Украли шестимесячную девочку. Милиция никаких следов не обнаружила.

— Я думаю, мать забрала ее, — высказала предположение сестра-хозяйка. — Видать, совесть замучила. Таку дитину спокинула.

— Вполне резонно, — согласился следователь. — Но почему пришла ночью, когда... ваши дремали?

— Днем постеснялась, — проговорила старшая дежурная сестра.

Никто не подумал над большой странностью: как это посторонний смог отыскать среди многих других детей своего, именно того, за которым пришел. Как посторонний проник в роддом в ночное время, когда двери заперты? Звонков не было. Обычно посетители жмут на кнопку.

Татьяна решила. Коля согласие дал, мама выпила полпузырька валерьянки, с час порассуждала и сделала заключение: «Если у меня такая дочь, то можно умирать спокойно». Билет Таня взяла накануне, в день увольнения из родильного дома, приготовила чемодан с пеленками и распашонками, которые остались от ребенка старшего брата, отвезла в камеру хранения аэропорта.

Она могла бы забрать девочку не таясь, но читала и была наслышана, что в конце концов ребенок, повзрослев, обнаруживает документы или еще что-то, связанное с тайной его рождения. Таня решила приехать к Николаю, зарегистрироваться и записать девочку. Ей думалось: все будет отлично, если она скажет, что потеряла в дороге документы. Нужно ли подтверждать рождение ребенка, если отец и мать тут, рядом стоят.

В дороге Таня встретилась с первыми трудностями. Во-первых, кормление, во-вторых, ограниченность движения. Помогали попутчики:

кто молока принесет, кто ребенка подержит. Одна пожилая женщина, видя мытарства Татьяны, сказала:

— Что ж ты, милая, с ребенком маешься? Комната есть наверху, сходи, тебя оформят, там и вода есть горячая, сушилка.

В комнату матери и ребенка Смородская не пошла, боялась: вдруг потребуют документы, спросят, откуда ребенок, кто родители.

В Белоярске не было ни такси, ни рейсового автобуса. От аэропорта пришлось идти километра два. В поселке рассказали, где контора строительно-монтажного поезда и даже показали, как лучше пройти.

Она устала: ломило поясницу и ныли руки. Шел снег, ветер стегал по глазам. Таня утешала себя тем, что скоро кончатся ее похождения, скоро она увидит Николая. Оля принялась плакать. «Мокрая», — подумала Таня. Зашла в гостиницу. Свободных мест не оказалось. Ребенка пришлось переворачивать на диване в коридоре. Запас пеленок остался в чемодане в аэропорту. В контору звонила долго. Николай приехал быстро. Увидев белый сверток, насторожился.

— Вот мы и приехали, — сказала Таня.

— Вижу.

Она удивилась той перемене, которая сделала Колю странно-чужим и почти что злым. Начала рассказывать о девочке, о ее матери. Слушал он внимательно, но глаза бегали, а рот кривился в уродливой гримасе.

Таня заплакала. Что ей оставалось делать? «Мама оказалась права. Ехать обратно? Не хватит сил. Дать ей телеграмму, чтоб приехала и забрала? Что делать? Куда пойти?»

Он шел за ней, что-то говорил. Она почти бежала. Снег падал редкий, ветра не было. В окнах домов зажигали свет, чьи-то руки двигали портьеры и занавеси. «Возвращаться нельзя — отнимут девочку. Нельзя возвращаться, нельзя...» Как долго ходила — не помнит. Ноги в войлочных сапожках замерзли окончательно. Отчаявшись, Таня решила войти в первую попавшуюся квартиру. Она обошла двухэтажный дом, поднялась на крыльцо. В квартире слева горел свет, доносились громкие голоса из коридора.

— Мужики, ша! — весело крикнул молодой мужчина в собачьих унтах, — хозяйка приехала.

— Извините, не знал. Игорь в командировке, ну мы устроили мальчишник, — стеснительно попытался объяснить бородатый.

Компания быстро редела; одеваясь на ходу, молодежь прихватила закуску, водку, бормотала слова извинения. Она молчала. Стояла в коридоре и молчала. Табачный дым ел глаза. Она увидела окорок, вспомнила, что не ела с утра.

— Мужики, куда? Женщина с ребенком, а дров нет, — встал в дверях тот в собачьих унтах. — Давайте создавать запас. Каждый по охалочке. Да вы проходите. Мы приятели Игоря. Топора у него нет.

Греков вспомнил, как обращалась она с ребенком. И он, считавший себя наблюдательным, способным по окурку определить характер курильщика, оказался на удивление не только слепым, да еще каким слепым! Девчонка провела его, вышла за него, а он и не знал. Вот уже год она пишется Грековой, дочь у нее Грекова. Живет на свете троица Грековых, и никто ничего в этом мире не знает — вот ведь какая хитрющая эта Татьяна. Но ведь он ее нашел, и завтра они поедут в Белоярск.

— Таня, не успел я тебе тогда сказать, да ты бы не стала слушать. Такие дела, выходи за меня, будь женой, а Олю я удочерю. Она мне как родная.

Прошло два года. И вот недавно к Грекову обратилась миловидная женщина. Выглядела она несколько устало и взволнованно, но сдерживалась, хотя ей это плохо удавалось.

— Игорь Олегович, помогите. Вы должны меня понять и простить. Поговорите с Таней...

Он понял: женщина — мать Оли. Проболталась, видно, теща.

— Четыре года вы не хотели видеть дочь, а теперь вдруг захотели стать матерью...

— Казню себя. Столько слез пролила. Я все время искала мою крошечку. Ее украли.

— Что вы намерены делать с девочкой? Допустим, она у нас...

— Я все понимаю, я наказана, я только взгляну и уеду.

Через полгода история повторилась. Тоня — так называлась женщина — стояла у калитки детского сада с плюшевым медведем. Увидев Грекова, спрятала игрушку за спину.

— Извините, шла мимо, дай, думаю, заскочу. Хочу вас пригласить в гости. Мы с мужем переехали сюда...

— Это зря.

— Я тоже так ему говорила, а он... Знаете, у нас будет ребенок, а врачи говорили, что уже все. Передайте это вашей девочке. Если вы не хотите, мы уедем.

— Живите. Не вздумайте подходить к ребенку или еще что-то. Моя жена столько перенесла.

— Знаю, знаю. Все знаю. Она мне рассказала. Я ж понимаю, — горько усмехнулась женщина. — Не та мать, что родила, а та, что воспитала.

— Она предлагала мне деньги, — сказала однажды Татьяна. — Говорит, за ваши горести и печали.

Живут Грековы ровно. В той же квартире. Недорогая мебель, простенький палас в зале, два кресла перед телевизором, торшер, светильник под потолком, гармонируют цвета портьер и мебельной обшивки. Ни одной лишней вещи, ни одного кричащего о себе предмета — все на своем месте, все служит человеку. Уют не парадный, а настоящий, домашний, привычный, располагающий к отдыху после трудового дня. Вот почему спешит Игорь Олегович в свой дом и после работы, и после даже самой короткой командировки. Его ждет его Таня, ждет Оленька и маленький Саша. Их теперь четверо.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕЙ Е. А. МАЛЬЦЕВОЙ

Жила я с ним недолго, но на всю жизнь хватит воспоминаний. Сейчас думаю, кто меня в этот замуж толкал, ведь видела, как другие живут, нет, решила свой очаг разжечь. Семейная жизнь — не парад, да еще попадется такой Мальцев, не то что заплачешь — завоешь; то ему не приготовила ужин, то пересолила, то недосолила. Говорю: не нравится — вари сам, у меня времени мало, надо ребенка воспитывать. Разворчитесь, распыхитесь, не знаешь, куда деться. С работы придет, от него вонь — не продохнуть. У меня аллергия, не могу стирать его слезовку. Сто раз говорила: не раздевайся в комнате, на веранде места много, там вешай. Как недосмотрю, так шурует в сапогах на кухню. Человеку можно три раза сказать, и он поймет, а этому хоть кол теши на голове. Последний пример: сказала — отпускные получишь, сразу домой, я стирать буду. Как уволохался с утра, так еле к вечеру дождалась. Что мне оставалось делать? Стирать одной, а он за магазином с дружкойми кутил. Вот и примерный комсомолец, вот и командир дружины. Стала говорить, так чуть в зубы не дал. Как так можно жить? Захвалили его в парткоме, заласкали. Он нос задрал, никто мне не указ. Надо таких людей не ставить бригадирами, а если ставить, то контролировать. Жить с ним не собираюсь. Он мне и ребенка калеккой сделает, раз такое творит. Делать ему в моем доме нечего.

* * *

Настроение тогда было отличное: получил отпускные, шел по новенькому тротуару насвистывая. Секретарь парткома махнул из газика, представил корреспонденту газеты, а сам уехал по своим делам. После нудной беседы с молодым очкастым журналистом из районки Василий облегченно вздохнул и поспешил в промтоварный. Два дня назад привезли черные куртки на молниях. Боялся, как бы не разобрали. Давно мечтал о такой, и вот он уже перед зеркалом. Антрацитовым блеском отливает обновка. «Что б еще купить? Женщины не будут зря толпить-

ся...» Кримпленовые платья давали строго по очереди. Женщины сначала поставили его в хвост вереницы, но потом сжалились, помогли выбрать нужный размер. Мишке облюбывал луноход; игрушка переползала препятствия, мигала разноцветными лампочками. «Вот бы нам в леспромхоз такие лесовозы — никакое бездорожье не страшно», — подумал Василий, принимая коробку. На крыльце чуть не столкнулся с женщиной, которая несла десятка полтора бутылок пива.

Пока подошла очередь, пока носили ящики на склад, а время шло. Пиво пили за магазином, кто-то принес сушеной рыбы, кто-то принес вина. Окна засветились, Мальцев спохватился. «Стирка сегодня, забыл напрочь. Ничего, раз можно и расслабиться, Катя поймет».

В кухне гудела стиральная машина, снежными хлопьями таяла на полу пена. Перекрывая шум, вопил мальчик. Василий бросил свертки на незаправленную кровать, взял на руки сына, попытался успокоить. Щелкнув, остановилась машина, стукнула дверь, что-то упало и, звеня, покатилося.

— Катя, где ползунки сухие?

— Заявился!

Катя резко вошла в зал, выхватила Мишку, начала снимать мокрые ползунки. Васька развернул бумагу, положил платье.

— Нашкодил, а теперь ластишься! Договорились же...

— Понимаешь, парни встретились из бригады. Все берут с отпускных. Ты посмотри, какое платье.

— Катись ты со своим платьем. Ребенок болеет, свиньи не кормлены, а он залил шары. Говорили же мне, говорили... и летчик жвтался.

— Сто раз слышал о твоём летчике.

— Не тебе чета, культурный человек, с высшим...

— Ну и выходила бы.

— Тебя пожалела, а теперь слезами умываюсь. За что такое наказание?

— Ты бы не ныла, а кровать заправила. Глаза накрасишь, а халат грязный.

Василий не мог остановить себя. История с летчиком повторялась в каждой перепалке. Он никогда не делал Кате подобных замечаний, а сегодня не сдержался.

— Ну-ну, теперь я неряха. Ты получил, что хотел. Тебя одели и обули. Дом купили, лодку с мотором подарили. Ты же не на мне женился, а на деньги наши позарился.

Мальцев побледнел, кулаки сжались.

— Ну что воздух жуешь? Правда! — воскликнула Катя, бросая платье на пол. — Ударь. Сразу пятнадцать суток схлопочешь. — Она уперла руки в бедра, наступила на платье, вызывающе посмотрела на мужа. — Что, не по носу?!

Не боялся пятнадцати суток, слова поразили Катины — не ее слова. Где-то она слышала их, от кого-то переняла манеру так разговаривать. «Меня одели и обули». В голове тонко позванивало. Он сделал шаг в сторону. Слово издали донесся знакомый голос.

— Боишься ударить! Такой бригадир — и пятнадцать суток. Умора! Никто не поверит. Ты, оказывается, еще и трус. А я тебе сейчас залеплю и ничего не сделаешь, даже пальцем не тронешь...

— Я ухожу.

— Катись. Завтра прибежишь.

— Нет, не прибегу.

— Я тебе ничего не дам. Здесь все мое. Любой суд на моей стороне.

— Не надо мне ничего. — Василий зачем-то вынул игрушку из коробки, включил, пустил по полу. Катя пнула луноход. Ударившись о стену, игрушка продолжала мигать и гудеть.

Он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь, сел на крыльцо, закурил, собираясь с мыслями. «Надо было ремнем жогнуть, чтоб помнила. А зачем? Она от этого лучше не станет. Ну куда теперь? На сеновал? Наверно, это все. Лучше она не станет. Зачем это? — Василий оглядел постройку. — Работал день и ночь, всю зиму и всю весну, а для кого? Кто понял, что отдыхал только во сне? Так жить нельзя. Для нее старался, а она... Раз за весну пива выпил, единственный раз. Что в этих случаях делают мужики? Доказывают, что они заслуживают внимания и уважения. Как? Напиваются. Что еще может мужик, которого баба втоптала, как платье, в грязный пол? Пить не стану. Пусть другие пьют. Ничего доказывать не буду. Не поймет».

* * *

Полая вода раскатилась по тайге, непонятно, где луга, где русла рек — все залито; вольно гуляют в осинниках и березняках весенние воды, настоящий потоп. Рассвет еще не занимался, лишь серая мгла висела над рекой, огоньки бакенов и маячных столбов тонкими нитями покачивались на воде.

За лодкой, нос которой круто вздымался, рыская из стороны в сторону словно необъезженный стригунок, рвался легкий смоленый облас. Двигатель почти стонал на бешеных оборотах. Он словно молил, словно плакал, прося пощады.

«Поеду на Змеевку, рыбаки там бывают редко из-за частых заломов — с сетями не особо развернешься, а на удочку можно везде ловить».

Широкой нежно-розовой полосой круто вверх шел рассвет, он возникал то справа, то слева и даже впереди; словно оплавленный, показывался кусочек солнца, его золотая горбушка пухла на глазах, ласково освещая кроны высоких сосен, темные высокие яры, стоящие в воде кусты сивотала и краснотала; алые ленты скользили по ровной, словно затверделой поверхности реки.

Сколько он видел реку, и всегда она была разной. Видел весной в ледоход, когда, взломав зимний покров, радостно сбрасывала его; видел в разлив, как сейчас, когда, распалившись, выходила из берегов, затопляя тайгу, подмывая яры; видел летом, когда, исхудав, потратив силушку, с трудом несла плоты; видел и осенью, осенью вновь раздавалась, но мрачнела, словно замыкаясь в себе. Реку Мальцев любил, как не любить, если все хорошее здесь связано с ней: и первая рыбалка, и первый заплыв на моторной лодке. И первое свидание с Катей. Теперь река разделяет их.

Устье Змеевки отыскал с трудом — приметные места затопило, несколько раз мимо проплывал, не узнавая прежних ориентиров. У песчаного холма, опускавшего пологий склон к воде, причалил, осмотрелся. Слева и справа за холмом, в прогалы между зарослями густого ивняка просматривались затопленные луговины, вдалеке в сизой дымке темнел лес.

Первым на берег выскочил пес, встряхнулся, посмотрел на хозяина, задумчиво глядевшего вдаль, сел, поводя чуткими ушами.

— Ничего, Кубик, землянку выроем, рыбы навялим на зиму. Заживем как в раю. Сейчас сети поставим, уха наварим. Любишь уху?

Проснувшись в полдень, Мальцев проверил сети. Рыбы попало немало: несколько сорожек, пяток карасей да две травянки, с которыми пришлось повозиться. Шуки выскальзывали из рук, били хвостами, но на дне обласа затихли, широко разевая пасти. Уха получилась какой-то пресной, может, потому что картошки не было, а может, еще из-за чего.

Вечером сидел у костра, слушал транзистор. Пела визгливая певичка что-то длинное, на высоких нотах. Василий думал о сыне, думал

с грустью и обидой на самого себя. «А дальше-то как жить?» — задал вопрос и не знал, как на него ответить.

На следующее утро проснулся рано, несколько раз погружался в полудрему — вставать не хотел, — видел сны и тут же забывал. Лай заставил выползти из палатки. Пес строжился на проплывающую ондатру. Василий нехотя умылся, вытер лицо рукавом рубахи, посмотрел на разбросанные вещи, подтянул лодку, начал снимать двигатель, но не снял, закурил.

«Надо строить землянку, может, и перезимую здесь», — неуверенно подумал и направился к обласку.

Три дня строил жилище. Оплел стены красноталом, соорудил очаг с дымоходом, а вместо двери пришлось повесить мешок из-под сетей. «Поймаю на реке что-нибудь подходящее — сколочу, а вообще надо делать тамбур и кладовку. Жить можно, хотя и тесновато, печку надо железную, с камином задубеть можно».

Все было бы хорошо, но как только появлялась свободная минутка, возникало удручающее чувство одиночества, казалось, пришло время собираться домой. Гнал от себя эту мысль, старался чем-нибудь занять себя. Иногда это удавалось, а чаще — нет, и тогда вновь и вновь припоминался последний разговор с женой, приходил к выводу, что виноват он и только он: «А что сказала насчет денег, так это расстроившись, в порыве гнева. Бывает же так: скажет человек, а потом подумает и решит, что не прав, но извиниться гордость не позволяет. Тогда зачем бросила платье, зачем издевалась, предлагая ударить? Тоже в припадке гнева, тоже расстроившись? Такое не прощают. Почему не прощают? Прощать надо. Но как?»

Прошло еще два дня, показались они Василию длинными и утомительными. Сплел кособоковую корзину, выдолбил корытце Кубику, но закончил дела — и тоска по дому заставила метаться по берегу. Ничто не радовало — ни богатые уловы, ни новое жилище. Перестал включать транзистор, забывал умываться, лицо заросло щетиной, щеки чесались.

Как-то утром, проверив сети, поехал на приемный пункт рыбоучастка. Сдал добычу, сходил в столовую и, не зная чем заняться, побрел по орсовскому причалу, рассматривая баржи и катера. У дебаркадера встретил молодую мамашу с коляской. Не отдавая отчета, нагнулся к ребенку, и тот громко заревел. Василий извинился, а женщина торопливо пошла прочь. «Вот уже и дети бояться стали», — невесело подумалось ему.

Вода пошла на убыль незаметно на первый взгляд, но верно. Из корня березы Василий вырезал старичка-лесовичка, потом сшил ему берестяной колпачок, дал ему что-то похожее на бубен, получился шаман. Кровавые блики текут по хмурому лицу, по колпачку, мечется пламя, гудит, пожирая сучья. Беспределен мир, огромна тайга, маленький костерок, затерянный в ее глубине, словно блестящая пылинка, светит навстречу звездам. Смотрит Василий на шамана, думает, что совсем он один в этом мире, один на всю вселенную живой человек. Несется по орбите земля среди таких же пустых планет, веками будет ходить своим путем. Не будет его, а земля не остановится, не станут меньше деревья, не обмелеют реки и озера. «Что-то не так, — думает Мальцев. — Неправильно живу, елки-палки, а как надо?»

Глядя на восходящее солнце, Василий брился. Щебет птиц, свист бурундука, сверкающая вода речушки радовали сегодня. Кубик сидел поодаль, склонив морду, наблюдал за хозяином. Тощий дымок сочился над кострищем, пахло черемуховым цветом и прелью.

В маленькой леспромхозовской столовой никого не было. За перегородкой громко разговаривали, что-то гремело, наверно, мыли большие кастрюли. Василий съел котлету и пошел бродить.

Поселок Топольный меньше Ягодного. Чернореченский леспромхоз

организовался три года назад. Бесцельно брел Василий по тротуару, на дома смотрел, на длинные поленницы, на развешанные сети. Не доходя до отделения связи, увидел девушку в джинсах, которая пыталась что-то достать из щели между досок.

— Ключ уронила?

Девушка выпрямилась, убрала со лба прядь выгоревших волос, улыгнулась как старому знакомому.

— Рубль закатился, — немного смущенно ответила, делая шаг в сторону.

Росту была небольшого, но не тоненькая и не полная. Лицо открытое, загорелое, лоб гладкий, высокий, глаза темно-карие, блестящие. Ничего особенного — девушка как девушка, разве что тонкие морщинки в уголках губ, придающие лицу выражение задумчивости и строгости, а четкие дуги бровей наносили отпечаток удивления и даже недоумения. Казалось, она хочет что-то спросить, но не помнит, что и о чем ей надо спрашивать.

Василий сдвинул доску тротуара, поднял монету.

— Спасибо, — улыгнулась девушка и потянулась к берестяному кузову. Из любопытства поднял, почувствовав солидный вес, сказал:

— Помогу.

— Продуктов набрала, а телеграмму папе забыла отбить. У него день рождения скоро, он на курорте, — говорила девушка непринужденно, стараясь заглянуть ему в глаза.

«Позвоню домой, — решил Василий, — поговорю с Катей. Может, все и уладится». Телефон у Мальцевых появился недавно — Катя очень хотела. «Не можешь провести, другие как-то проводят. Ребенок болеет, врача не вызовешь». — «Ты ж сама медик, зачем вызывать?» — «Какой у меня опыт? А они с большой практикой».

Телефонистка в Ягодном переспросила номер. Мальцев волновался почему-то, хотел услышать Катин голос. Трубку не брали. Торопливо нажал на рычаг. Что он ей скажет? Прощения попросит, на колени встанет?

Незнакомка рассчитывалась, денег не хватало.

— Я сокращу, — сконфуженно проговорила она.

— Не сокращайте. У меня есть. — Он подал пятерку.

Девушка шла рядом, поворачивала слегка удивленное лицо, рассказывала о медведе, который забрел утром в поселок. Ему нравилось смотреть, как она идет. Приотставал, когда тротуар становился узким, наблюдал, как закладываются и расправляются складки на брюках, как колышется кофточка в бело-синюю клетку, вырисовывая на спине горизонтальную полоску. Ее голос, немного приглушенный и резковатый, доходил словно через преграду; и голос, и легкая походка, и даже пучок волос, стянутый резинкой на затылке, — все нравилось ему.

— Деньги я отдам, сейчас поедem к нам. Как со временем?

— Нормально...

— А вы не здешний, — сказала незнакомка, отвязывая от бон деревянную лодку. — Я на водомерном посту живу. Здесь недалеко.

Не нужны ему деньги, с девушкой не хотел расставаться. Поэтому и молчал, поэтому и нес тяжелый кузов. Мог бы шагать и шагать, лишь бы рядом была незнакомка, но, к сожалению, дорога кончилась. Не прогревая двигатель, дал полные обороты, зашлепала вода о днище, понеслась «казанка», настигая деревянную длинную лодку, в которой сидела незнакомая девушка. Отражая солнце, мелкие волны сверкали множеством зеркал. Справа проплыл высокий яр с норками стрижиных гнезд. Он походил на огромный ломоть сыра, отрезанный великаном и оставленный здесь, на берегу полноводной реки. Широкими белыми пятнами дымились цветущие черемухи, качались залитые водой кусты ивняка. След самолета завис над тайгой кружевной лентой, уводя взгляд к далеким сахарным клубам, он терялся в них, но, вы-

нырнув, уже тонкой нитью сваливался за горизонт. Река стала уже повороты круче, иногда казалось, что впереди тупик, река кончилась, но деревянная лодка шла не сбавляя скорости, для нее не существовало тупиков. Когда Василий близко подплывал, девушка приветливо улыбалась, на смуглой щеке возникали ямочки, и от этого он забывал дышать, сердце билось взволнованно и неровно, дыхание теснилось...

Причалив к небольшому обрывчику, Василий выбрался на берег, привязал лодку к странной железине неизвестно от какого механизма. Две лохматые лайки встретили недружелюбными взглядами Кубика, но отошли в сторону и сели неподалеку, посматривая на подплывающую хозяйку. Василий принял кузов, помог выйти девушке.

— Извини, опаздываю, надо показания снять.

Из-за амбара выглядывали огороженные грядки, дальше меж кустами чернотала проблескивала вода озера или заливного луга. Широкая поляна тянулась вдоль берега метров на сто или больше, по стволам сосен проходила изгородь. У метеоплощадки стояла красная корова, взбрыкивая, носился черный теленок. Девушка заносила данные в тетрадь, заглядывала в белую ребристую будочку. Она помахала Василию, спустилась по узкой лесенке.

— Несколько раз опаздывала, не могу в ритм войти. Папа обрабатывал данные, я вела передачи, а сейчас надо все успеть.

— Как тебя звать?

— Варя Карелина. Нас все знают, а ты приезжий...

— Да, третий год пошел... Я — Мальцев Василий, работаю трактористом.

— Я тебя по телевизору видела. Зимой.

— Да. Нашу бригаду показывали...

— Значит, мы знакомы, а знакомых надо поить чаем, рассказывать им занятные истории. Знаешь, с начала навигации у нас никого еще не было. Ты первый гость. Посиди... Может, тебе надо ехать?

— Мне не нужно ехать, я в отпуске. Никто не ждет меня, разве что мама, но она далеко и не знает, что скоро должен приехать.

— Я тебе альбом вынесу и телевизор, посмотри, а я сготовлю что-нибудь. Одной и есть не хочется.

Василий разглядывал лица на фотографиях, листал твердые страницы. Заметив Варину фотокарточку, останавливал взгляд, старался понять, какое настроение было у девушки, что встревожило ее. Она стоит на яру, настороженно заглядывая вниз. На ней сапоги, спортивная куртка, белый платочек шалашиком. Ходила по ягоды...

— Это папа, — сказала Варя подойдя. Лицо у пожилого мужчины усталое, глаза печальные, будто он получил известие столь нерадостное, что и не высказать.

— Тебе скучно здесь?

— Я привыкла, когда маленькая была, очень боялась. Отец уедет в поселок, два дня его нет. Днем играла, приемник слушала, любила посуду мыть. Ночью не могла уснуть, казалось, кто-то ходит в сених. Залезу на печку, ружье заряжу и реву. — Варя хотела улыбнуться, но улыбка получилась мученической. Василий хотел спросить о матери, но сдержал себя: если нужно, Варя сама расскажет.

— Папа говорит, что мама утонула, но я не верю. Не знаю почему, но не верю, фотокарточек ее нет. Папа учил меня стрелять, выдывать шкурки и вязать сети. А я хотела куклу. Придет на лыжах, поставит кузов, скажет: «Хозяйствуй, паря», сам к печи подойдет, чтоб сосульки на бороде растаяли. Конфеты, краски, книги, а ее нет. На картинках видела у девочек игрушечных детей. Когда в интернате жила, девочки подарили.

— Подказала бы отцу, попросила...

— Не могла. Вообще мы мало разговариваем. Кино посмотрим, и ни слова друг другу.

— Когда выпьет, тоже молчит?

— Достанет патефон и уходит в тайгу. Пластинка у него «Полонез Огинского». Заиграл уже — хрипит, а другой нет. Записала ему на магнитофон, но не хочет, словно не замечает, когда включаю, но слушает. Пойду сети проверю.

— Давай помогу.

— Одной удобней — облас мал.

Она скрылась за амбаром, и тут он только заметил, что Варя одела платье, распустила волосы, подвязав их красной лентой. «Когда успела, — удивился Мальцев, устраиваясь на бревнах. — В платье она еще привлекательней, удивительная девчонка, живет здесь, как в клетке».

— Шиповник скоро зацветет. Не сегодня и не завтра, но на этой неделе, — беззаботно говорила Варя, отрывая от березового полена тонкие ленточки бересты, складывая на старое кострище под трехногим таганом.

— Говорят, когда цветет шиповник, караси начинают клевать на удочку...

— Это правда. Я заметила.

Он поджег бересту, положил сверху сухие тонкие веточки, встал с колен, словно молившийся язычник, пошел в лес. Надо, чтоб в костре горели его дрова, считается неприличным, если человек сидит у огня, не положив на угли даже палки. Об этом говорил тесть, он знал правила и неписаные законы, кое-какие внулшил Василию.

Мальцев шагал широко и стремительно, его болотные сапоги с подвернутыми голенищами попискивали, шурша о траву; ветерок забирался под выпущенную рубаху, освежал, касаясь прохладными ладошами живота, груди. И забыл он о своих тревогах и печалях, забыл, зачем приехал сюда, забыл, кто он и что: Варя заполнила его сознание.

Ломая ветку, взглянул на пальцы: белая полоса от кольца. «Догадалась, а может, нет. Варя наблюдательная, хотя мало ли на пальцах следов от работы, от неосторожного обращения с инструментом». Кольцо он снял, потому что, открывая пиво, сломал его, хотя пишут, что золото — мягкий и ковкий металл. Золото, но не обручальные кольца, которые почему-то хрупкие, лопаются от обыкновенной пивной пробки.

Весело потрескивают сучья в огне, полупрозрачный воздух струится над костром, размывая очертания сосен на противоположном берегу. До мельчайшей детали вода копирует ветки кустов краснотала, морщинистые, словно обгорелые у комлей и желто-латунные у вершин стволы сосен, кусочки тонких серых облаков, медленно текущих на запад.

— Почему ты никуда не уедешь? Глушь такая ведь...

— Куда?

— Мало ли мест на реке. Устроиться на работу можно везде.

— Уехать можно, и специальность у меня есть, но есть «но». Нельзя отца одного оставить. Больной он. В поселке может совсем спиться. А здесь ему легко, уйдет на промысел — никаких соблазнов.

— Что, ты здесь будешь всю жизнь?

— Как бы ты поступил на моем месте? — прищурившись, спросила Варя.

Он задумался. Давать советы куда проще, чем следовать им, но даже что-то посоветовать, надо разобраться в ситуации. Что он ей скажет: брось отца, займись устройством своей жизни — это не выход, а где выход?

— Давай руки мыть да закусим маленько. Иди сюда, я полью.

Несколько сконфузившись, подставил широкие ладони со сплошными желтыми полосами мозолей от рычагов фрикционов. Мозоли начали понемногу сходить, кожа шелушилась, отваливаясь лохмотьями. Копытами назвала как-то Катя его руки: он попытался погладить ее

плечо. «Ты бы еще теркой шоркнул, нежнее было бы», — сказала она усмехнувшись.

Неказистый снаружи, внутри домик оказался довольно просторным. В кухне была русская печь с затейливыми печурками и занавесочками, под окном слева приткнулась узкая кровать, над столом, под вторым окном, слева отрывной календарь, а чуть повыше — барометр. На дочатой полке разместились батареи и блоки передатчика; вправо в углу у двери — этажерка с книгами и журналами. Вторая комната Варина: на окнах длинные желтые портьеры с коричневыми кольцами, в простенке — раздвижной лакированный стол, на тумбочке в углу — телевизор, рядом — сервант с посудой, в дальнем правом углу — шифоньер, слева от него — деревянная кровать под голубым пологом.

— Да проходи, не стой. Расстели скатерть, принесу варенья.

Василий сидел спиной к телевизору, в окно справа видел реку, лодки, куст черемухи. Он старался быть раскованным, но это ему плохо удавалось, близость девушки волновала его, заставляла напускать на себя строгость и чопорность. Варя видела это и не знала, как вывести из оцепенения своего гостя.

— Хозяйка я неважная, — сказала она вставая. — Надо корову подоить.

— Давай за ваш пост, за тебя — хранительницу воды, за лесную фею.

— Какая фея? Дикая. Людей не вижу, поговорить не с кем.

— Ты ведь не одна...

Варя подняла голову, посмотрела на Василия строгими глазами, и он почувствовал себя виноватым, хотя не мог сказать, в чем его вина.

Солнце завалилось за деревья, запах черемухи стал резче, он проникал в дом, его медвяной аромат, казалось, ощущается на языке, пьянит, заставляет волноваться.

— Наливай. Сегодня праздник у нас. Гуляем, паря! Корову-то, Вася, надо подоить. Забыла, — она улыбнулась, как тогда в лодке.

Вспарывая пену, шуршали молочные струйки, нетерпеливо мыкал в загородке теленок. Шуршанье прекратилось, звякнула дужка ведра, вздохнула корова, застучали копытцами теленок. Василий шагнул навстречу Варе, обнял податливую шею. Стукнула дужка ведра.

Утром он проснулся, позвал Варю. Тишина. Быстро собрался. Что дальше? Зачем ему ответственность перед Варей? Сам плывет по течению и не знает, где волны выбросят на берег.

Варя несла большую сковородку с жареными карасями.

— Проснулся, — ласково сказала она и сделала привычное движение головой вверх. — Ты так смешно спишь, как маленький. А на улице здорово.

— Да, — отозвался Мальцев, разглядывая Варино лицо. Большие карие глаза светились, когда она смотрела на заспанного Василия.

Варя старательно поливала ему, с нежностью смотрела на бело-желтые волосы, на загорелые плечи и о чем-то думала, сдерживая рвущуюся улыбку. Подала полотенце, с радостью выпила остаток воды из ковша и пошла, потряхивая пучком волос, стянутым на затылке резинкой.

— Где ты так загорел? По путевке ездил?

— Дома.

— Где дома?

— Был у меня дом, был у меня сын, ну и жена была...

— А теперь что же? — остановилась Варя.

— Ушел я от них. Такая история вот. Больше не могу с ней жить.

Прости, не сказал сразу.

— Сын большой?

— Скоро два года.

— Мальчику плохо будет без тебя.

- Не смогу...
- И ради мальчика?
- Не вернусь.
- Давай завтракать, остыла рыба.

Они ходили по берегу, сидели на бревнах и разговаривали, разговаривали, словно боялись, что их могут прервать; у каждого накопилось столько всего за жизнь, дня не хватило бы пересказывать. Они тянулись друг к другу, понимая с полуслова, с полумысли.

...Была жена у Никиты Карелина, да не выдержала тягот таежной жизни, уехала с начальником топографической экспедиции, оставив дочку. Росла Варя среди деревьев, реки и приезжающих людей. Рано девочка научилась разбираться в звериных повадках, следы читала бойче, чем по букварю. Чему мог научить ребенка этот человек? Тому, что сам хорошо знал. И все же мало оказалось таежной премудрости, определил Никита Вареньку в школу. Интерната тогда не было, приходилось на лыжах ходить. Купил нарты и оленей. Олени плохо слушали Карелина. Раздобыл старую лошадь. До поселка двенадцать километров, но в мороз и вьюгу длинными казались.

Мальцев не знал, что говорить, он словно раздвоился и мысли стали двойными. Он хотел разобраться в своих чувствах, хотел одиночества, чтоб поразмыслить над событиями последних часов. Утром хотел сбежать от Вари, теперь стыдился смотреть на нее, казалось, она понимает его состояние, догадывается о мыслях, но говорит о себе, о своей одинокой жизни. «Хорошая она, добрая и нежная, а я ничего не могу дать ей, не могу утешить».

— Вася, я не тороплю тебя. Я тебе буду настоящим другом, разделю твои печали. Только поживи немного.

— Хорошо. Спасибо тебе. Ты единственный человек, который так понимает меня.

После ужина смотрели телевизор. Скорей всего, сидели на кровати перед телевизором и молчали, прислушиваясь друг к другу. Он чувствовал запах ее волос. Не то жалость, не то запоздалое сострадание ворхнулось у него в груди.

...Кончается лето, приходит осень. Она сыплет на речки и озера мертвые листья, плоды шиповника проглядывают меж тонких ветвей красными каплями. Рвется на ветру летящая паутина, светит из-под льда крайины розовый осиновый лист. Вот метели стучат в щелистые бревна домика. Кряхтит он. Гудят ветры, стонет тайга. День. Ночь...

Снег, искрящийся снег. Тишина. Согнулись ветви сосенок у метеоплощадки. Ровное поле — укутанная одеялом река. Близкое серое небо. Круглый рот проруби безмолвно кричит, покрываясь льдом. Белым хвостиком дыма помахивает провалившийся в снег домик. Кажется, он присел, завидев высокую степенную тайгу.

Варина голова у него на коленях, он трогает маленькие уши, проводит пальцем по гладкому лбу, наклоняется.

— Я знала, что мы встретимся. Было такое предчувствие.

* * *

В глубоком небе ровное отверстие. Из него течет на землю зной. Он ложится на воду, на крышу старого домика, на широкую поляну. Куст черемухи у стены дома начал отцветать, лепестки усеяли землю, словно капли белил с кисти неосторожного маляра.

К Василию подошел Кубик, зевнул, посмотрел в глаза и отошел в тень. Звенели в отрастающей траве кузнечики, полосатые пауты кружили над берегом, пахло сухой таежной прелью.

Варя сделала свои дела и шла к Мальцеву порывистой походкой. Встала рядом, посмотрела на воду, на затопленные кусты на другой стороне.

— О чем думаешь?

— Тихо как здесь.

— Тихо. Прислушайся. Звуков сколько. Ты разве не слышишь? Сейчас мультики будут. Иди посмотри, а я рыбу почищу.

Проснулся Василий от легкого прикосновения. Варя лежала рядом, гладила его волосы. Хотел обнять ее, но она выскользнула, взмахнула рукой, приглашая за собой.

— Вставай, баня готова.

Разомлевший и усталый вошел в дом. На лавке дышал самовар. Он вспомнил тещу. Умела хороший чай заваривать. К ней двойственное отношение, вроде уважал, а иногда и ненавидел. «Зачем днем книги читать, на это ночь дадена, днем надо работать», — говорила Надежда Пантелеевна Василию, когда он собирался курсовую делать по деталям машин.

— Ты был счастлив? — спросила Варя.

— Теперь уже не знаю...

— Слушай, покатаемся на лодке. До Топольного и обратно. Сегодня теплоход будет. Купим чего-нибудь в буфете.

«Вихрь» завелся сразу. Понеслась лодка, едва воды касаясь. Разматывались повороты, затопленные пески ярами менялись.

Вот и первый маячный столб, скоро поселок. «Варя хочет, чтоб ее увидели со мной, зачем бы ей это?» Смотрел Мальцев на развевающуюся сиреневую косынку, округлые колени, натянувшие голубые джинсы, и думал о Кате. Ему казалось, что не Варя сидит перед ним, а веселая, подвижная Катенька Плетнева — самая красивая, самая нежная, самая, самая...

Медленно, почти неуловимо Василий отпускает ручку газа. Не нужен теплоход, пусть бы только сидела и смотрела на него эта спокойная рассудительная девушка. Смотрит он на Варю и уже ничего не думает. Лодка спокойно плывет, ровно работает «Вихрь». Лучи солнца, падающие с вершин сосен, освещают мягким ласкающим светом задумчивое загорелое лицо, стало оно близким и родным Василию, смотрит он в него и не может насмотреться, словно путник, сморенный зноем, припал к роднику — пьет и не может напиться.

Большой теплоход, сверкая иллюминаторами, медленно отходил от зеленого дебаркадера. Василий махнул рукой, дескать, мелочи, без буфета проживем. Варя улыбнулась и поправила косынку. Коротко вякнув сиреной, судно выходило на фарватер. Осенью, когда горизонт воды падает, судно с трудом разворачивается у пристани — это осенью, а сейчас, сейчас оно спокойно идет по разлившейся реке. Вольно несет река на себе белый теплоход, желтопенная волна тянется за ним по берегам; важен теплоход на большой воде, угрюмые лесные берега украшают собой. С радостью встречают его на больших и малых пристанях. Еще не летают самолеты, еще просыхают взлетные полосы — пассажиры стараются попасть на это единственное на реке пассажирское судно. А у него даже названия нет. На спасательных кругах написано «ПТ-303». Его ждут, особенно дети, задолго до его прихода прибегают на пристани, машут руками. Когда-нибудь теплоход увезет их в дальние дали, и откроется им большой мир. Бывшие мальчики и девочки увидят высокие горы и ровные степи, холодные моря и великие реки, но никогда не забудут свою реку, теплоход, и где бы они ни были потом, их будет тянуть, им будет сниться тот берег, тот первый берег детства и юности.

Василий обошел судно. Ударившись о крутую волну, дюралка подпрыгнула и дальше пошла свободно, рассекая поверхность реки. «Казанка» покачивалась на неровностях, оставленных катерами и самоходками, резво обходила плотоводы. Солнце запало, но его свет еще бродил по тайге, забивался в ее дальние сырые уремы и, запутавшись в ветвях и травах, терялся там, пропадая навсегда. «Уедем с Варей,

заживем как надо, она не станет пилить каждый день: не клади руки на стол, не ковыряй вилкой рыбу. А как же сын, как Миша? Что-то не так, — горько подумал Василий. — Не так я живу».

Позванивали комары, облепляя уши и шею. Василий выпутывал рыбу из сетей, шлепал себя по щекам мокрыми руками. Почти всю добычу пришлось выбросить на поживу чайкам. Щуки были большими, некоторые так запутали сеть, что пришлось браться за нож. Ветерок морщил воду, сносил облас. Василий сделал гребок веслом и подумал, что надо снимать сети, половодье пошло на убыль. На холме, освещенная тревожным темно-красным светом луны, стояла Варя Карелина. Она подмела пол в избушке, поставила в банку веточку черемухи с облетающими лепестками и пошла на песчаный холм.

Порывы ветра гнули и стедили по песку широкие ленты пламени. Уха долго не закипала. Шумели сосны, скрипело недалеко сухое дерево. Варя смотрела на огонь. Губы ее шевелились. Первые капли ударили тяжело и неожиданно. Деревья перестали шуметь, пламя обняло копченое ведро, весело заплескалось.

Василий осторожно взял Варю на руки и понес к землянке. Она сбняла его за шею, положила голову на плечо. Дождь хлестанул сотнями плетей. Костер завял, поднялись пар и дым. Пламя еще боролось, но ленты огня становились короче и вскоре пропали, спрятавшись под ведро.

Он проснулся рано. Гудели комары, и шумела тайга — дождь еще не кончился. В крохотное окно, затянутое клочком марли, сочился тусклый рассвет. Василий изучал Варино лицо: припухлые губы шевелились, они раскрывались в полуулыбке, то становились суровыми. «Или радость сменяла печаль, или печаль становилась радостной, — думал Василий. — Вот ведь как бывает в жизни, в этой обманчивой жизни... Лицо человеческое, не зеркало ты души, женишься на лице, а придется жить с характером, а характер не просто понять и не сразу поймешь». Варины ресницы дрогнули, распахнулись глаза, в них он увидел свое отражение.

— Варя, Варя. — Мальцев прислушивался к своему голосу. — Давай куда-нибудь мы поедем. Я ведь дальше Новосибирска не был.

— Никуда, Васенька, мы не поедем. Не могу я...

— Почему?

— Как тебе это объяснить. Сам ты все понимаешь, только не хочешь...

Шипели сырые дрова. Василий сидел перед пугливым пламенем. Тонкая сетка тихого дождя прятала в туманной дымке очертания дальних деревьев и кустов на противоположном берегу. Вскрякнула утка. Вода в ведре закипела, сбилась в кучу серая пена. Нужно заваривать чай, а Василий сидел не шевелясь.

Не заметил Мальцев первых лучей, прорвавшихся между дымных облаков тонкими нитями золотой пряжи. Варя подошла к костру, подправила головни, хотела положить большой кривой сосновый сук, но раздумала, пошла умываться.

Тяжелые капли срывались с веток и шлепали о воду, желто-белые лепестки плыли по течению. Природа задышала, наполняя воздух парными запахами. Грелась на солнце сильная и чистая земля, она была счастлива и улыбалась светлой улыбкой юной матери. Все росло на земле, все брало из нее силу. Она поила молоденькие листочки осоки, давала опору корешкам черники и голубики, гнала свой живительный сок по стволам сосен и берез, заставляла зеленеть трепещущиеся ладоши их листьев.

Она ждала, что Василий обнимет ее и скажет: «Ты должна жить своей жизнью, хватит плакать в подушку. Жизнь проходит, она не возвращается». Мальцев молчал, а ей не хотелось навязывать себя. Она давала ему право на выбор. Ей хотелось, чтоб он не сделал глупости,

которую желала, о которой мечтала. Была готова пойти на компромисс, даже не верила, что не оттолкнет Василия, но знала — оттолкнет, не возьмет его руку. Мальчик должен воспитываться своим отцом. Ее воспитал охотник, она умеет добывать соболя, но не знает, какая губная помада ей подойдет. Она ходила на медведя, но туфли на шпильке так и не научилась носить. Женщина воспитает из него парня с женским характером.

Натужно гудел двигатель — «казанка» шла против течения. Еще полузатопленные пески с кустами краснотала выглядели скорбно и тоскливо. Течение раскачивало тонкие ветви, старалось пригнуть их к воде и закрутить в сильных воронках. Стойко держались они, привыкшие к весеннему разгулу, умели сопротивляться ему, крепко держась за свой берег.

Дюралька, скользя по инерции, ткнулась в берег рядом с деревянной лодкой, залитой до половины водой. «Долго же ей придется вычерпывать», — подумал Василий, сходя за Варей. На антенну передатчика сел нарядный удод и трижды прокричал свой клич.

— Подожди.

— Забудь обо всем и никогда не приезжай сюда.

— Ты гонишь меня?

— Нам нельзя иначе. Я счастлива, что встретила тебя. Ты хороший, ты добрый. Я узнала все, что мне предстояло узнать и почувствовать, — как умела, она поцеловала его. «Можно притвориться слабой, можно заплакать. Ну неужели не догадается. Она все сказала. Теперь он должен решить, к какому берегу плыть».

Василий засуетился, сунул руку в карман, потом начал снимать часы с руки. Ремешок не расстегивался, руки дрожали. С горькой усмешкой Варя смотрела на высокого сильного парня.

— Возьми.

— Зачем? — Варя попробовала улыбнуться, но губы свело в гримасу.

— Чтоб время знать.

— Здесь оно не нужно.

Василий опустил руку, лицо побледнело...

«Ну, что же ты, ну...»

Ударил часы о лодку, и они, отскочив, упали в темную воду. Некоторое время было видно, как уходит на глубину и тускнеет светлое пятнышко.

ИЗ РЕЧИ ПРОКУРОРА БЕЛОЯРСКОГО НАРОДНОГО СУДА И. А. КУЛЬГИ

Товарищи судьи!

Вопросы семьи поставлены сейчас остро и актуально. Семья — ячейка общества, из-за ненормального климата наших ячеек снижается производительность труда на отдельных предприятиях района, увеличивается количество пьющих, лишенных родительских прав. Семейные дебоши становятся бичом. Участковые вместе с общественностью борются с этим явлением, проводят профилактические мероприятия, а вот, как говорится, поныне там.

Отдельные семьи наказывались несколько раз, но по-прежнему нарушают общественный порядок, травмируют в моральном плане детей...

...Сегодня перед судом предстал бригадир валочно-трелевочной бригады Березовского леспромхоза Мальцев В. С., который устроил дома погром.

Суть предъявленного обвинения заключается в следующем. 4 июня этого года Мальцев поругался с женой и уехал в тайгу. Возвратившись через четырнадцать дней, топором изрубил мебельный гарнитур, находящуюся в нем посуду перебил, одежду супруги рубил на пороге (платья, белье, две шубы и два пальто), золотые украшения: кольцо, три перстня, цепочку расплющил обухом, раскидал по двору. Виновным в нанесенном ущербе признал себя.

Допрошенный на предварительном следствии, Мальцев сказал, что испортил мебель, одежду, посуду и прочее не из мести, не в порыве ярости, а преднамеренно, по плану.

В момент преступления Мальцев был трезвым, участковому подчинился, не оказав сопротивления. По месту работы Мальцев характеризуется с положительной стороны: инициативный, умелый производственник. Бригада, руководимая Мальцевым, одна из первых в районе освоила передовую технологию: метод узких лент и трелевку за вершины. Это позволяет лесорубам сохранить подрост, повышать выработку, беречь технику...

...Комсомольская организация ЛПХ характеризует Мальцева как добросовестного, честного комсомольца, который руководил комсомольским оперативным отрядом, занимался в художественной самодеятельности, награждался нагрудными знаками трудовой доблести «Победитель социалистического соревнования», «Молодой гвардеец пятилетки», имеет Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ.

Товарищи судьи!

При рассмотрении каждого уголовного дела должны быть выяснены причины и условия, способствующие преступлению. Считаю необходимым остановиться и на этом.

В основе преступления лежит грубое попрание морального кодекса советского человека, пренебрежительное отношение к близкому человеку, жене — матери собственного ребенка. Это случилось потому, что Мальцев оторвался от коллектива, собственное «я» у него стало выше других чувств и правил. Слишком часто писали в газетах о передовике Мальцеве, называя его «мастером трелевки». Рваческое отношение к жизни поставило его на рельсы накопительства и делячества. Негативное явление родилось не сразу, а постепенно, на глазах общественности.

Судебный процесс привлек внимание молодежи поселка, и приговор суда должен иметь большое значение в деле воспитания.

...Наказание назначается индивидуально с учетом всех смягчающих обстоятельств. Я прежде всего обращаю внимание на совершенное преступление. Оно не явилось особо опасным для жителей поселка, но оно преступление. Уничтожено материальных ценностей на 5427 рублей 40 копеек. Это не стихийное бедствие, а умышленное уничтожение, порча личного имущества, имущества, которое изготовлено руками тружеников. На него затрачены материалы, средства, оно является достоинством общества, отражением творческой мысли и прогресса. Уничтожен труд, уничтожены ценности, которые могли бы служить, приносить радость.

...Необходимо учесть, что преступление совершено подсудимым впервые, характеризуется он положительно.

С учетом степени и характера совершенного преступления личности виновного, поступивших на следствие смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, считаю необходимым признать подсудимого Мальцева виновным в совершении умышленного уничтожения личного имущества по части 1 статьи 149 УК РСФСР и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года.

Считаю возможным применить статью 44 УК РСФСР и наказание считать условным.

Речь прокурора слушали в напряженной тишине, а когда Кульга закончил, многие вздохнули с облегчением и даже раздали жидкие хлопки. Василию показалось, что он стал маленьким, припомнилось далекое детство. Родители его взяли на поле. Пошел дождь. Отец сделал из мешков с картошкой балаган, заставил заползти в темную нору. Васька смотрел на быстро бегущие облака, ему казалось, что тоже плывет вместе с облаками. Он ощутил запах картофельной ботвы, мокрых мешков. Голова кружилась, каждое слово отдавалось в сердце мягкой болью.

Что бы ему смолчать, сделать непонимающее лицо или просто подойти, тогда бы он сказал: «Какие мы еще глупые, прости меня, Катя, я виноват». Она же высокомерно бросила презрительный взгляд, всплеснула руками.

— Заявился, голубок сизокрылый. Где же ты ошивался? Не рассказывай, не надо. Видели тебя, на лодке какую-то шалаву катал. Никуда не денешься. Я говорила, прибежишь. Прибежал и теперь хвостом виляешь. Повиляй, тебе не вредно. Ты привычный. Виляй же! — она злорадно усмехнулась.

Он пришел мириться, а она? Что говорит, зачем так говорит? Не мог он ее ударить, не мог закричать от боли и гнева. «Нельзя бить девочек, нельзя бить девочек», — припомнились слова матери. В детстве отшлепал соседскую девчонку Нинку — дразнилась, не давая проходу. Вечером пришла ее мать, пожаловалась. Ему досталось от отца, а мама долго объясняла, что девочки слабенькие, а ты — сильный, а силь-

ные — добрые, они не обращают внимания на такие пустяки, как дразнилки.

Выходит, сила слабых в их слабости. Они могут дразнить, а ты — нет.

ИЗ РЕЧИ АДВОКАТА ГРЕКОВА И. О.

В настоящее время семья претерпевает изменения, а вытекают они из большой реки. Река — это взаимоотношения. Проще говоря, молодые люди отказываются понимать друг друга (не все, конечно), ничто их не пугает, ничто не останавливает. Забываются такие понятия, как совесть, долг, честь.

Василий и Екатерина Мальцевы жили дружно, когда им было трудно. Они сообща стремились решить проблемы бытия. Вот проблемы решены, появляются в семье дорогие вещи, предметы. Что же? Их хочется больше. Мальцевы не пошли в обход законов, они честным трудом занимаются разведением домашних животных, излишки продуктов питания сдают, получают деньги, приобретают предметы роскоши. С практической точки зрения вполне можно обойтись без большого количества хрустальных ваз и фужеров. Вы спросите: «Зачем тогда выпускают?» Верно. Теперь посмотрим с другой стороны. В хозмагах района много завезено печных задвижек. Давайте их покупать. Они дешевле хрустала. Не бьются. Не берем мы их. Нам лишние задвижки не требуются. Зачем лишний хрусталь? Вы знаете? Не знают этого и Мальцевы. Уют зависит не от дорогих вещей.

Семья Мальцевых разменяла душевное тепло на сверкающее стекло. Они жили бы много лет среди своих кумиров, будь едины в своем стремлении. Моему подзащитному стало понятно, что силы и время, отданные ради лишнего рубля, надо направить в старое русло, в прежнее. Раньше Мальцев руководил ансамблем, который у нас в районе был на хорошем счету, Мальцев и его товарищи дарили нам радость. Вы с удовольствием слушали, как они пели и играли, а еще больше удовлетворение получали сами артисты. Они трудились для вас, они были счастливы. Счастлив Мальцев, обзаведясь большим хозяйством? Думаю, что нет. Он перестал интересоваться делами оперативного отряда. Пылятся инструменты. Незаметно он стал рабом... рубля. Постоянно думал о хозяйстве или что-то делал, чтобы получить побольше прибыли.

...Поймите правильно, товарищи судьи, я не против поросенка, десятка куриц. Зачем мне три свиньи, сто двадцать кроликов, корова, теленок, нутрии? Мне хочется и в кино сходить, и книгу почитать.

Однажды посмотрел Мальцев на себя чужими глазами. Что он увидел? Болото, засосавшее его. Он начинает с ним бороться, борется как может. Он не герой небезызвестного романа, который сражается с мельницами, но метод один. Супруга, естественно, возмущена таким поворотом дела. Ее тоже можно понять. Пострадала ее одежда, украшения.

...Товарищи судьи, хочу заметить, что Мальцев очень скромный человек, мало того, заботливый муж, внимательный семьянин. Он часто делал супруге подарки, приобретая перстни, кольца, цепочку. Что характерно, его единственный выходной костюм стоит вдвое дешевле любого перстня.

Уничтожены не шедевры старины, а простое стекло, которое у нас выпускается в большом количестве. Уникальными эти вещи никак не назовешь. Значит, для общества не нанесено большого урона. Потери не так велики, как нам кажется. В годы войны, во время стихийных бедствий порой гибнут настоящие шедевры культуры. Их потери что-то значат, но и они не могут сравниться с человеческой жизнью, которую очень легко сломать, сделать невыносимо тяжелой. Жизнь человека очень коротка, надо, чтобы над его головой было как можно меньше тяжелых облаков.

Исходя из этого, можно сделать единственный вывод: Мальцев не захотел жить по-старому, не захотел быть рабом вещей, он стремился к правильной жизни. Так давайте дадим, товарищи судьи, ему такую возможность.

«Последнее слово... Какое оно? Стоит ли вообще что-то говорить, когда столько всего наговорили, что голова кругом идет. Что я скажу? Что вы не правы, товарищи, не такой уж я хороший, не такой уж я плохой. Превратился в работника собственной жены и тещи. Не совсем правильно. Что-то приобрелось и мне. Мотоцикл, моторная лодка. Что еще? Ничего. Куртку купил, так, может, это разозлило ее. Без ведома, без спроса. Такого никогда не было. Ей тоже купил платье. К платьям она привыкла. Хорошо, что сдержался, не ударил, пальцем не задел. Могли бы и не условно дать. Кто этого хотел? Варя так бы никогда не поступила. Кто все же виноват? Она или я? Хотел доказать, что в доме есть настоящий хозяин, зачем-то устроил погром, зачем-то уехал, теперь осталось запить на радостях, прийти и поджечь. Последнее слово: после суда пойду покупать спички... Что-то не так».

Мальцев зашел за бархатную занавесь, прислонился к стене, тяжело вздохнул. Стучали сиденья, переговаривались лесорубы и сплавщики. Звякнули крючья запасных выходов. Завклубом и киномеханик, отрывисто переговариваясь, вешали на крайнее окно штору затемнения. Василий поднял руку, чтоб узнать время, спохватился, опустил.

«Куда идти? Идти надо, не стоять же здесь до начала сеанса».

На широком крыльце толкались пацаны. Они уже взяли билеты и ожидали начала кино. Облокотившись на перила, Мальцев смотрел вниз и курил. Он уже решил, что поедет на Змеевку, поживет до зимы отшельником, а выдержав это испытание, вернется на водомерный пост. Теперь его ничто не держит. Он сам по себе, а она пусть подает на развод, на раздел, на что угодно.

Кто-то потянул его за рукав.

— Зятек, что ты там увидел? Домой пора. Мишка никак спать не ложится, все спрашивает: «Де папа? Де папа?»

Перед ним как ни в чем не бывало стояла теща и улыбалась ему, требовательно подталкивала вниз.

«А была ли Варя? Был ли скандал с Катей и суд? Может, ничего этого и не было вовсе? И в кинозал он попал случайно, фильм посмотреть?»

Два пути у него сейчас было: домой и не домой, и он уже не знал, который выберет. Мешкал на крыльце, не мог сдвинуться с места.

Черкасов Николай Михайлович родился в 1938 году на Алтае. После школы учился в строительном техникуме, работал на целине, служил в армии. Закончил Высшие литературные курсы. Автор поэтических сборников «Грани», «Милая родина», «Исток души» и других. Член Союза писателей СССР. Живет в г. Барнауле.

Николай ЧЕРКАСОВ

ПРОСТОР ПОЛЕЙ

* * *

Звенят осины листвою,
будто медалями.
Я стою и люблюсь
осенними даями,
табунами утиными
в пойменном мареве,
небесами былинными
в утреннем зареве.

Я люблюсь обскими
притихшими плесами,
заливными лугами
с отавой белесою,
задремавшей деревней
с пекарней и клубом...
До чего хорошо!
До чего все мне люблю!

* * *

Простор полей — судьбы моей исток,
ты снова мне выматываешь душу.
Опять горит неистовый восток,
его никто на свете не потушит.

Стою пред ним, немой восторг храня
и вместе с тем неясную тревогу,
как будто мать покойная меня
благословить забыла на дорогу.

Столбсm восходит ярая заря,
отодвигая сумрачные дали.
Нет, видимо, прапрадеды не зря
светило испокон обожествляли.

О, сколько лет историей самой
погребено, дикий прозрел покуда,

а я все так же, как и предок мой,
стою, робея перед этим чудом!

Не потому ли в мыслях иногда
я — современник атомного века —
подозреваю в боге человека,
но в человеке бога — никогда!

* * *

Неужели действительно было!
До сих пор не могу позабыть,
как меня ты свободно любила,
как тебя я старался любить.

Отвергая сомненья и слуту,
вера в силу магических крыл,
я тебя забывал на минуту,
вечность целую боготворил.

По-наивному сравнивал с музой
и другие сравненья искал,
ты же с меркой своей заскоружлой
подходила к любви. Я не знал.

И младенцем душа ликовала,
отрицая возможность потерь,
будто счастья, ни много ни мало,
за сто лет не избыть. А теперь...

Поселилась под сердцем тревога,
по соседству пригрелась печаль.
Не зовет меня больше дорога,
не волиует манящая даль.

Точно дом я родимый покинул,
и в том доме мне больше не жить,
словно душу нечаянно вынул
и обратно забыл положить.

* * *

Весна опять морочит ночи,
в стелных оврагах канитель.
Грачиной свадьбою хлопочет
зесуетившийся апрель.

Над Обью утки хороводят,
снут чирки туда-сюда,
и в омурах бессонно бродит
хмельною брагою вода.

О! Мне бы этот хмель весенний
и эту мощь речных глубин,
я бы поверил в воскресенье
моей утраченной любви.

Но что поделать! Годы, годы,
в какую даль, в какую жуть
несетесь, как обские воды,
которых вспять не повернуть!

ИСТОРИЧЕСКОЕ

Да, было так и в памяти осталось,
когда тайком [вперед на много лет]
доверчивость России продавалась
за несколько серебряных монет.
И снова церкви грабились нещадно,
и уводились девушки в полон.
Молилась Русь и лаялась площадно
под медногорлый колокольный звон.
И вновь пожары застали восходы,
металась смерть за жизнью впопыхах,
и вновь у баб безвременные роды
свершались в ожиревших лопухах.
Лишь гуслиеры тогда печально пели,
готовые пожертвовать собой,
в кровавой чтоб не утонул купели
народ с такой отчаянной судьбой.
Но шли года, и, смертью смерть
поправши,
вставал народ из пепла и трухи,
былинами увековечив павших,
склонялся у заброшенной сохи.
Пахал и сеял, мёр и нарождался,
любил все кряду, пуще всех — людей,
а если ворог новый объявлялся,
громил его и — никаких гвоздей.

В БОЛЬНИЦЕ

Лежу в палате на больничной койке,
до одури глазаю в потолок,
и мысли, как вороны на помойке,
что делают самый лакомый кусок.

Толкуются, налетают друг на друга,
мою судьбу по-своему браня.
Но вот из заколдованного круга
одна уводит в сторону меня.

Уводит, словно поводырь слепого,
и задает недвойственный вопрос.
Ответь мне откровенно и толково:
зачем ты жил, и что ты в мир принес!

Я говорю: к чему отчеты эти
[они опять загонят нас в тупик],
веками жизнь кипит на белом свете,
а я на свете лишь единый миг.

И добавляю, горечь не скрывая,
что я из всех своих разлук и встреч
постиг одно — жива любовь святая,
не знаю только, как ее сберечь.

И все ж отвечу, правил не нарушу:
я в жизнь пришел на добрые дела,
чтоб понял мир мою шальную душу.
Увы! Жена и то не поняла.

И оставляет поводырь дотошный
меня в больничной вязкой тишине,
чтоб смог я в этой жизни заполошной
побыть хоть раз с собой наедине.

Я вновь глазаю в потолок бездонный,
и в голове моей опять содом.
А за окном сереет морг бетонный,
напротив — белокаменный роддом.

* * *

Я в этот октябрь не приеду, не жди:
вовсю разошлись обложные дожди.

Поникли деревья, поблекла трава,
как будто утратило солнце права.

Я снова в пустой затворяюсь избе
и думы свои посылаю к тебе.

Мерцает огонь в разомлевшей печи,
в дверь ломится ветер заблудший в ночи.

Последняя баржа прошла по реке,
мотор отстучал — и пропал вдалеке.

Мне знсбко — хотя нахожусь я в тепле,—
как будто остался один на земле,

не греют теперь ни мечты, ни жилье,
ни мной позабытое имя твое.

И долгие думы про нашу любовь,
промокнув, ко мне возвращаются вновь.

* * *

Я к тебе сумею возвратиться
той порой, когда земля в соку,
а в лесу непризнанная птица
вновь обронит грустное «ку-ку».

Я приду. Зачем! И сам не знаю.
Видно, память строго берегла
преданность мою шальному маю,
чувству, что не втиснуть в берега.

Только я, поверь, жалеть не буду
без оглядки пройденных дорог,
просто я на время позабуду,
что с тобой бываю одинок.

Позабуду тягостные ночи
и до боли долгую тоску.
Пусть мне птица вешняя пророчит
грустным, обещающим «ку-ку».

Лишь она меня не оклеветает,
не позволит омрачить весну,
потому что очень мало женщин,
признающих личную вину.

* * *

Конь мой необученный,
конь мой неподкованный,
я тебя не видывал
в жизни никогда,

ночью непроглядную
по тропе рискованной
на тебе не ездил
ни разу никуда.
И узда наборная
с удилами звонкими
губ твоих не пенила
в скачке озорной,
сыромятной выделки
крепкими постромками
я тебя не жаловал,
конь мой вороной.
Но откуда знаю я
кровь твою горячую,
норов необъезженный
моему под стать!
В наше время зоркое,
в наши дни незрячие
нам загадку странную
вряд ли разгадать.
Конь мой с лебединою
шеей непокорною,
что глядишь испуганно
в луговую даль!
Я постромки крепкие
и узду наборную
променял до времени,
променял, а жаль.
И теперь ни конному,
ни, пожалуй, пешему
ни с какого боку
я больше не родня.
Только так подумаю —
слышу цокот бешеный:
то в галопе мечется
сердце у меня.

Александр НЕВСКИЙ

МАКСИМКА ОРЛОВ

Белоснежный корабль приближался к незнакомым берегам. Он прошел многие тысячи миль, преодолевая шторма, тропический зной и соленые ветры Тихого океана. Виднелись пологие песчаные откосы, поросшие пальмовыми рощами. Раскаленное небо дышало жаром.

Теплоход «Любовь Орлова» входил в Сиамский залив. Капитан Георгий Федорович Семак, немало повидавший на своем морском веку, с тревогой вглядывался в очертания бухты. Кампучийский порт Кампонгсаом не был оборудован. Страна только что пережила величайшую трагедию полпотовского кровавого режима. Советский народ подал руку международной помощи многострадальному кампучийскому народу. В трюмах теплохода находились хлеб и медикаменты.

К счастью, подходы в бухте оказались глубокими, и капитан решил швартоваться прямо к берегу. Высадился. И тут вдруг кто-то из моряков заметил мальчика. Оборванный, худой, подобно живому скелету, он вызывал неподдельную жалость и сочувствие. Мальчик наблюдал за моряками издали, прячась в прибрежных кустах, приблизиться не решался. Морякам все же удалось его подзвать к себе. Они угостили его хлебом, конфетами. И он поверил в доброту русских людей. Завязалась дружба. И теперь каждый день стали кормить его полной флотской порцией. Через некоторое время весь экипаж корабля знал: мальчишка — круглый сирота, родители погибли, он беспризорен и не имеет жилья. Моряки окружили его вниманием и заботой. Сбросили с него лохмотья, сшили матросскую форму, одели и обули. Мальчик оказался стройным, а щеки его от флотских харчей округлились и посвежели.

— Парень на все сто! Настоящий Максимка, — восхищались моряки.

— А что, у сироты нет ни имени, ни фамилии... Давайте Максимкой и назовем.

— Годится. Будет как в повести Станюковича...

— Мы тебя, Максимка, не оставим в беде. Многие из нас, братец ты наш кампучийский, тоже были детьми военного лихолетья. Как нам не понять тебя, если вот, например, у меня отец на войне погиб, а мать и сестричка в блокадном Ленинграде умерли от голода.

Максимка не понимал русских слов, но чувствовал, что советские моряки — хорошие люди, они желают ему добра. Он стал

неразлучен с моряками, следовал за ними по пятам, пытался чем-то помочь, услужить, но получалось так, что эти сильные и веселые люди все делали сами. Максимка огорчался, но моряки по-отечески хлопали его по плечу или гладили шершавыми ладонями по голове и что-то говорили ласковое и ободряющее:

— Ничего, Максим, работы у тебя впереди еще много.

Корабль продолжал выгружаться, а к Максимке так привыкли, что без него экипаж казался неполным. То и дело можно было слышать:

— А где Максимка?

— А Максимку покормили?

— Зовите Максимку в баню. Попарить надо березовым веничком парня. Пусть знает русскую парную.

Максимка был в центре внимания. И вдруг приумолкли матросы, погрустнели. Приближался день отплытия.

— А как же Максимка?.. — спросил кто-то растерянно. — Он же пропадет без нас. Такая разруха в стране...

— Надо посоветоваться с капитаном.

По серьезным и сосредоточенным лицам моряков капитан понял: вопрос о судьбе Максимки должен быть решен здесь, сейчас и только положительно. Такие лица он видел каждый раз, когда решался вопрос, связанный чуть ли не с судьбой самого корабля и всего экипажа в часы отчаянного шторма...

— Что делать — давайте решим, — сказал капитан. — Не оставлять же парня в беде.

— Он и так набедовался... Надо что-то придумать, капитан. Может, взять его с собой?

— Нет, товарищи, это не выход. Таких, как Максимка, сегодня в Кампучии много. Как им помочь — об этом надо думать.

— А что если... силами всей нашей команды взять да и построить детский дом?

— Дело! — сразу отозвалось несколько голосов. — И построим!

— Детский дом имени теплохода «Любовь Орлова»!

— Так и поименуем. В список воспитанников детского дома первым внесем Максима Орлова!

— Надо и отчество записать. Без отчества не сподручно.

— Николаевич.

— Почему Николаевич?

— Предлагаю по имени теплохода

«Николай Мяготин». Он только что пришевартовался здесь с грузом для кампучийского народа, как и мы...

— Правильно. Орлов Максим Николаевич!

Максимка не мог выговорить ни своего имени, ни отчества, ни фамилии. Но он охотно отзывался, когда его называли Максимкой.

— Махчимка, холосо! — говорил он улыбаясь. — Так, так. Махчимка!

Решили единогласно: немедленно приступить к строительству первого в Кампучии детского дома. Все нашлось: лес, гвозди, краска. Лиха беда начало! Моряки работали дружно, и вскоре вырос первый домик. В нем и поселился Максимка.

Пока строили дом, Максимка не отходил от моряков, помогал, чем мог. Помощь была самая простая: подать молоток, принести пару гвоздей, банку с краской или кисть, но мальчик выполнял эти поручения охотно и был горд: он помогает взрослым воздвигать жилье. И чувствовал себя полноправным членом этого славного коллектива веселых и добрых друзей, прибывших с далекой и неизвестной ему земли. Если на этой земле живут такие добрые люди, значит, и земля эта, должно быть, красивая и справедливая, там нет войны и голода. Максимка не допускал мысли, что придет время и эти люди должны вернуться на свою родную землю. Он знал, что корабли приходят и уходят, но он забыл об этом, так хорошо ему было рядом с этими моряками, ставшими ему родными и близкими. Он сыт, у него появилась крыша над головой. А в каютах теплохода уютно и чисто. И на палубе всегда порядок, на медных поручнях играют веселые зайчики... Здесь часто звучит музыка. А в самой большой каюте висит портрет его нареченной русской мамы — Любви Орловой.

Максимка затаенно рассматривал портрет русской мамы, он что-то шептал ей, о чем-то с ней разговаривал и, просветленный и гордый, уходил к морякам на строительство домика. Как хорошо жить на свете, когда рядом с тобой такие надежные друзья!

И вот однажды для Максимки настали самые счастливые минуты — он увидел в кинофильме «Волга-Волга» русскую маму живой! Оказывается, там, откуда пришли его друзья, есть тоже большая река, как и в Кампучии Меконг. Только там, у них, она называется не Меконг, а Волга... Мама пела красивые и звонкие песни. Ее голос был далеко слышен в порту, на его родной кампучийской земле. Теперь Максимка знает, какая она, его русская мама: веселая, добрая, красивая, точь-в-точь как на портрете в кают-компании теплохода.

...Заселение детского дома было шумным и радостным. У Максимки появилось много новых друзей — таких же сирот, как и он сам. Через некоторое время детский дом расширится и примет более трехсот ребят. Народная власть Кампучии построит школу-дом с учебными классами, в которых станут обучать грамоте маленьких воспитанников, Максимка научится читать и писать.

Представители кампучийского правительства, капитан корабля «Любовь Орлова», моряки, участвовавшие в строительстве детского дома, воспитатели и учителя поздравили ребят с новым домом, с новой жизнью, пожелали им счастья и отличной учебы. Максимка чувствовал себя героем дня — он принимал непосредственное участие в возведении детского дома вместе с русскими моряками.

Но настала минута расставания с друзьями. Максимка не отходил от моряков.

— Научись писать, сообщи нам, Максимка, о своей жизни и учебе, — называли моряки. — Пойдут наши корабли к вам, пошлем тебе карандашей и тетрадей, всем ребятам пошлем...

Максимка кивал и крепился изо всех сил, чтобы не заплакать. Он не отрывал взора от портрета русской мамы, мысленно прощался с ней, просил снова навестить его здесь, в далекой Кампучии, обещал успешно учиться и стать таким, как капитан Семак, как его друзья-моряки, как его русская мама...

Убран трап. Загрохотала якорная цепь. Полоска воды между берегом и кораблем стала быстро увеличиваться, а фигурки матросов на палубе становились все меньше и меньше... Чайки сновали между кораблем и берегом, как бы стараясь соединить их.

— Приходите-е-е еще-е-е!.. — кричал Максимка и махал рукой. — Спасиво-о!..

Максимка стоял на берегу, чуть отделившись от группы детдомовских ребят, его душили слезы. Над водной гладью плыла музыка, веселая и смелая, как русские моряки, как песня, которую пела мама.

Белоснежный корабль, подобно чудесной сказке, принесшей радость и счастье Максимке и всем этим обездоленным ребятам, стоящим на берегу, скрылся в легкой дымке далекого горизонта.

Раздался протяжный прощальный звук... До новых встреч!

Теплоход «Любовь Орлова» шел из Владивостока в Находку. Мы сидели в капитанской каюте с Георгием Федоровичем, он рассказывал о плавании в Сингапур, а я продолжал расспрашивать о судьбе Максимки Орлова.

— Максимка жив и здоров, учится в школе, шлет нам приветы, не пропускает ни одного советского корабля, чтобы не расспросить у моряков о теплоходе имени его русской мамы. Таким же путем держат связь с кампучийскими ребятами многие школы нашей страны. То посылку им pošлют, то письма и рисунки. В вашем крае есть Благовещенский район? — вдруг спросил меня капитан.

— Есть.

— Благовещенская средняя школа держит постоянную связь с кампучийской детворой.

Я знал, что в этой школе активно работает интернациональный клуб имени Рихарда Зорге, но не знал, что наши алтай-

ские ребята связаны с детским домом имени теплохода «Любовь Орлова».

Капитана позвали. Мы вышли с ним на палубу. Здесь морской простор и прохлада. Низко над водой носятся чайки, кричат, бросаются в волны, улетают и вновь возвращаются к кораблю. Над океаном опустилась ночь. Среди безбрежной морской пучины корабль, его шаткая палуба кажутся спасительным островком. Поднялась волна. Корабль стало чуть покачивать. Упрямый ветер ударил в лицо, на губах почувствовалась морская соль.

А из музыкального салона спокойно и величаво доносилась песня:

Вновь звучат стихи синей полночью,
Все хорошее с ними вспомнится...

Сверкают вспышки маяков. Плывут встречные корабли. И песня встречает и провожает их, как бы желая доброго пути.

* * *

«Здравствуйте, дорогие ребята-пионеры клуба интернациональной дружбы имени Рихарда Зорге!

Перед отходом из Владивостока нам поручили отвезти подарки, подготовленные моряками теплохода «Любовь Орлова» для кампучийских детей. Нам также передали и вашу посылку. 21 декабря 1983 года мы прибыли в порт Кампонгсаом и пришвартовались к причалу. Стоял тихий, жаркий и но-зимнему сухой день. Температура воздуха была плюс 37 градусов Цельсия. За выдающимся в море причалом виднелись песчаные пляжи, поросшие пальмовыми деревьями. Среди пальм дымился легкий белесо-голубоватый дым — крестьяне по случаю сухой погоды очищали свои огороды и сжигали сухую листву.

...Мы посылаем вам несколько фотографий. На некоторых из них вы узнаете свою посылку и убедитесь в том, что она доставлена строго по назначению. Посылаем один из двух акварельных рисунков детей детского дома, которые своими глазами видели истязания полпотовцев и по памяти нарисовали страшные сцены казней. Они подарили два рисунка — для вас и один — для нас. Мы также посылаем вам подарок от детей Кампучии — два кокосовых ореха.

Вы — настоящие интернационалисты и доказали это делом! Молодцы! Передайте новогодний привет и наилучшие пожелания вашим учителям и родителям! Пишите нам о своих делах».

Письмо от имени экипажа теплохода «Ари Барбюс» подписал первый помощник капитана Валентин Александрович Тараканов.

И очень трогательная приписка:

«Простите, ребята, но кокосовые орехи мы вышлем вам позднее, когда станет теплее: дело в том, что в условиях нашей суровой зимы они замерзнут в посылке.

Подождите терпеливо до весны (вероятно, до марта). Не беспокойтесь — орехи не испортятся, т. к. содержимое их (кокосовое молоко) словно законсервировано под двойным слоем мягкой и твердой оболочки. Поэтому эти орехи хранятся очень долго.

Поскольку кокосовые пальмы растут по берегу моря, то кокосовые орехи часто уносятся и месяцами плавают в море. Их иногда находят у берегов Норвегии, куда заносит их Гольфстримом с островов Карибского района. И после столь долгих скитаний по океану они не теряют всхожести и свежести. Так что не беспокойтесь. Мы потом, когда будем отправлять вам посылку, вложим в нее описание того, как с орехами обращаться.

Размер их — с голову любого из вас. Мы ждем от вас ответа на наше письмо».

В апреле 1984 года ребята Благовещенской средней школы получили посылку от кампучийских ребят. Моряки писали:

«Вскрывать орехи так: осторожно ножом срежьте верхнее покрытие и обнажите орех на одну треть. Второй орех можете полностью очистить от верхнего покрытия. В том месте, где увидите глазки на орехе, сделайте два отверстия (сверлом или ножом), через которые можно слить ореховую жидкость — кокосовое молоко и попробовать его на вкус.

...Высылаем вам также образец окаменевшего дерева, найденный на побережье Татарского пролива.

Освобожденные от молока кокосовые орехи и куски окаменевшего дерева могут стать экспонатами вашего школьного музея.

Желаем вам крепкого здоровья, успешного окончания учебного года, веселых и интересных летних каникул!»

Теперь теплоходы, отправляющиеся из Владивостока в Кампучию, все чаще и чаще стали увозить посылки с игрушками и письменными принадлежностями в адрес детского дома имени теплохода «Любовь Орлова».

Интернациональная дружба не знает преград. Она проложила дорогу из Сибири в далекую Кампучию, к ребятам, потерявшим своих родителей, к Максимке, которого спасли моряки теплохода «Любовь Орлова» от голода, построили сиротам детский дом.

За интернациональную помощь кампучийскому народу теплоход «Любовь Орлова» награжден орденом «Дружбы народов».

...Ребята Благовещенской школы внимательно рассматривают фотокарточки кампучийских друзей. Вот мальчики и девочки сфотографировались с посылкой в руках. Виден адрес, написанный руками сибирских ребят. А вот группа воспитанников детского дома на фоне панно, на котором изображен земной шар, а на нем светлыми полосками обведены границы Советского Союза и Кампучии. Помечены города: Москва и Пномпень.

Рядом, на стене, детскими руками изображена башня московского Кремля с рубиновой звездой, излучающей, подобно маяку, свет всей планете. Улыбаются кампучийские ребята, они довольны жизнью, гордятся дружкой с советскими школьниками из далекого сибирского села. Они шлют им братский привет.

В группе ребят стоят два обнявшихся мальчика. Один из них — Максимка. Орлов Максим Николаевич.

Борис УКАЧИН

«...ВЕРНЫЙ МЕЧТЕ И ТРУДУ»

Интересны письма Сергея Николаевича Маркова — поэта, прозаика, ученого и неутомимого путешественника по бескрайним степям и горам, морям и океанам, по всем четырем сторонам нашего Союза. У меня сохранилось несколько миниатюрных по внешней форме писем этого очень скромного человека, большого писателя и землепроходца.

Я не знаю, всем ли своим адресатам он отправлял такие любопытные открытки. Думается, что тем, кто получал какие-то восточки от Сергея Николаевича, интересно было поддержать и посмотреть самодельные его открытки. Для этой цели поэт использовал белоснежную мелованную бумагу. Марки к ним приклеивал тоже не просто так, а со значением и определенным художественным вкусом. Например, марка на открытке, полученной мною от 14 января 1976 года, говорила о 175-летию со дня публикации знаменитого «Слова о полку Игореве».

Письма Сергея Маркова, во всяком случае которые получал я, были всегда лаконичными, как его стихи, отличающиеся мастерством и изяществом. Писал он черной тушью и четкими, почти печатными буквами, сообщая о редких случаях и явлениях нашей жизни, истории нашего быта. Коротенькие, немногословные письма Сергея Николаевича говорили о его вечно живом духе, никогда не угасавшем душевном огне, хотя в то время находился он уже в почтенном возрасте.

Вот одно из его самых первых писем, в начальных строках которого поэт благодарит своего адресата «за книжку стихов» и далее пишет: «Когда я перелистал, то вспоминал Бешпельтир, Анос, Эликманар, Узнези (да, он писал не Узнеся, как ныне все пишут по неправильной транскрипции, а именно Узнези, чисто по-алтайски и правильно — Б. У.) и другие места».

Сергей Николаевич Марков в середине двадцатых годов был в Горном Алтае. Ходил по горам и долам вверх по Катунь. Он написал ряд замечательных стихотворений, среди которых «Су-Ээзи — водяной дух», «Темный румянец», «Дорога в Улалу», «Ночь в горах» и, возможно, другие.

Когда бы я ни ехал по прикатунской долине, всегда вспоминал свои встречи с поэтом Сергеем Марковым, и на память приходили строчки его стихов, отдельные звучные и неожиданные рифмы. Подъез-

жая, например, к Узнези, как не прошептать «Узнези-Ээзи». И в связи с этим мне думается, что у поэта особый интерес к незнакомым словам, особое и острое чутье на них. Услышав какое-то новое слово, мне думается, Сергей Марков тут же откуда-то улавливает эхо, то есть точный и ответный рифмовый звук этого слова.

Подъезжая к Узнези, много раз я читал начальное четверостишие стихотворения «Су-Ээзи — водяной дух» спутникам своим и друзьям, рассказывая об обширном знании по всем вопросам жизни и неутомимости их автора, о семидесятилетнем московском поэте Сергее Николаевиче Маркове, когда-то в молодости, едва ли не двадцатилетним юношей, ходившим по этим овеянным легендами и изумительной красоты местам наших гор.

И в Эликманаре, и в Узнези,
В ущельях горных — везде
Я слышал хвалы тебе, Ээзи,
Живущим в бурной воде...

Послушайте еще и разделите мою радость, какая красивая и точная звукопись в этом чудесном гимне волшебной природе, яростной мощи и молодой силе Катунь:

Река скакала по скатам скал,
Конем, резвящимся смолоду,
А ты, Ээзи, на валун намотал
Свою широкую бороду.

С кем только в жизни не встречался Сергей Марков. Еще в начале своего творческого пути, в начале своего смелого и самоотверженного поиска он встречался с Алексеем Максимовичем Горьким. Об этой встрече потом напишет:

«Откуда происходит изволите? — шутиливо и ласково спросил меня А. М. Горький. — И, услышав это, сердце поэта дрогнуло, ибо «...больно уж хорошо получилось в его речи наше исконное парфянское «о».

На малой родине Сергея Николаевича Маркова, как он сам пишет, «в старинном посаде Парфентьеве, в глухой костромской стороне» тоже «окали». Позже, по поручению А. М. Горького, работая в редакции журнала «Наши достижения», Марков с великим интересом и любопытством будет брать интервью у геологов, гидрографов, этнографов, историков и географов. И кипящая эта энергия до последних дней будет

руководить поэтом, не давая ему ни минуты отдыха и покоя. Зов познания, щедрость души определяли его большую и долгую жизнь.

«Есть ли книги местного издания по истории и этнографии алтайцев? — спрашивает Сергей Николаевич в своем письме. — Если были такие издания, пожалуйста, пришлите мне их». Далее поэт сетует, что нам не удалось много поговорить в Москве об истории, о людях и природном богатстве алтайских гор. «Я давно интересуюсь Алтаем, историей алтай-кижи...» Так и было написано — «историей алтай-кижи». Это говорит о том, что Сергей Николаевич неплохо осведомлен о происхождении моего древнего народа.

Как-то мы с ним встретились в Центральном Доме литераторов и в зале кафе нижнего этажа сидели за одним столиком. От коньячка он отказался. Пили кофе, ели бутерброды с икрой. Тихо шла наша беседа. Сергей Николаевич курил и, мне кажется, очень много курил. Может быть, только мне так показалось, поскольку сам не курю...

— А вы, Борис, из какого племени-сеока? — спросил он и, слушая меня, внимательно смотрел грустными зеленовато-синими глазами. А я ему сообщил, что я происхожу из одного из самых больших и главных родов Горного Алтая.

— Из телесов, которые жили по берегам Телецкого озера. Знаменитое по красоте в горах Алтая озеро свое русское название получило по имени нашего племени-сеока.

— А кипчаков у вас много? — спросил Сергей Николаевич.

Я заметил, что он произносит «кипчаки», а пишет, как говорится у нас, — кыпчаки.

В тот раз, а может, и в другой нашей с Сергеем Николаевичем встрече и беседе о кипчаках он поинтересовался, знаком ли я с казахским русскоязычным поэтом Олжасом Сулейменовым. Он так и сказал — казахским русскоязычным поэтом... Конечно, я знаком с ним. Даже было время, что мы оказались не только под одной крышей Литинститута, но и частенько за одним гостарханом, то есть за дружеским столом. У меня есть несколько сборников стихов Олжаса Сулейманова с авторграфами. На титульном листе нашумевшей книги «АзиЯ» сделал такую надпись: «Да будут славны те народы, к которым мы принадлежим».

— Кстати, эпитафией одной из глав этой книги взято четверостишие из ваших стихов, — говорю Маркову.

О великом «Слове о полку»,
как буйная трава,
вросли в славянскую строку
кыпчакские слова.

— Это из стихотворения, посвященного ему, Олжасу, — уточняет Сергей Николаевич.

Прекрасна концовка этого глубоко интернационального стихотворения замечательного русского поэта:

Еще напишет в добрый час
о пламенной строке
мой юный друг — кыпчак Олжас —
на русском языке!

«Я не был только в аду», — писал Сергей Марков в одном из своих стихотворений в начале шестидесятых годов. И это не поза, не рисовка — это так. Особенно в начале своего жизненного пути будущий поэт познал немало горя. Звезды его детского счастья гасли одна за другой. В 1919 году от сыпного тифа умирает отец. Мать остается с шестью детьми на руках. Самый старший среди них Сережа, которому было тринадцать лет. Через два года, когда мальчику еще полностью не исполнилось пятнадцать, погибает от страшной холеры мать. Чтобы помочь своим братьям и сестрам, юный Сережа Марков, сын бывшего землеустроителя, начинает работать газетчиком. Начинает писать заметки, статьи и... конечно же, стихи. Первое его стихотворение с громким названием «Революция!» печаталось на странице газеты «Красный вестник», а в 1928 году в журнале «Сибирские огни» появилась первая его работа в прозаическом жанре — новелла «Голубая ящерица».

Личному знакомству я придаю особое значение. До того, как познакомиться с Сергеем Николаевичем Марковым, конечно, я читал и знал некоторые его книги, но не более. А после личного знакомства и общения мне стало интересно все, что рассказывает и пишет этот человек.

Однажды Сергей Николаевич меня удивил, спросив, есть ли сейчас в Горном Алтае шаманы, мол, столь своеобразные поэты-импровизаторы и артисты-плясуны с огненным темпераментом. Услышав отрицательный ответ, поэт весело улыбнулся:

— В двадцатых годах шаманы по Улале (ныне город Горно-Алтайск — Б. У.) ходили со своими бубнами, как чиновники с портфелями.

Слушая Сергея Маркова, я вспоминал его стихи, в которых есть такие строки:

Я шел на Улалу,
Мне встретилась скала,
И я спросил скалу:
«Далеко Улала?»
Ответ гранитных уст
Я слышал в первой мгле:
«Спроси терновый куст,
Он ближе к Улале».

Судьба и характер Сергея Николаевича Маркова, не побоюсь такого сравнения, похожи на характеры и поступки любимых их героев. Например, мне кажется, писатель чем-то очень близок великому русскому исследователю Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю, о чем пути и мужественном подвиге писал Сергей Марков в повести «Тамо-рус Маклай». Если Миклухо-Маклай интересовал мир людей Новой Гвинеи, то прозаик и путешественник нашего времени Сергей Марков интересовал буквально все народы и земли в первую очередь нашей многонациональной страны, а затем всей необъятной планеты, являющейся местожительством всего

человеческого рода. Его особо интересовали тюрко-кыпчакские и славянские связи с далекими временами и до наших дней. Только он может сказать о себе: «Живя в стране трех древних орд, я слышал их язык».

То, что на жизненном пути видел писатель Сергей Марков, с какими героическими судьбами он сталкивался, честное слово, во мне вызывает только добрую зависть... Жить бы так долго, знать бы так много, делать бы так скрупулезно и прочно!

Во вступительной статье к его двухтомнику избранной прозы Юрий Жуков приводит, на мой взгляд, завидные по яркости факты из жизни Сергея Николаевича Маркова:

«...Он встречался и с датским капитаном Ботведом, совершившим кругосветный перелет, и с членами немецкой воздушной экспедиции «Люфт—Ганза» и с советскими мореплавателями, прокладывавшими пути в неизведанных водах Ледовитого океана, и с бывшим воспитателем тринадцатого по счету далай-ламы Тибета бурятом Агваном Доржиевым, и со знаменитым российским этнографом Львом Штернбергом».

С. Н. Маркова интересовали различные проблемы. В тридцатые годы, работая в том же горьковском журнале «Наши достижения», двадцатичетырехлетний поэт и репортер продолжал ездить в степи Центрального Казахстана. О том времени и о своей журналистской деятельности с внутренней гордостью и законным достоинством писатель сам скажет:

«...как на грех, река Нура весной провела свой берег и ушла, оставив без воды Карагандинский район. Мне пришлось заняться убежавшей рекой. Я напечатал статью в «Известиях». Статья обратила на себя внимание Президиума Госплана СССР; меня пригласили туда, попросили более подробно рассказать обо всем и приняли решение о борьбе с безводьем».

Так поэт помог вернуть убежавшую из своего русла безжалостную и беспечную степную реку Нуру. Благодарный поступок, поступок горьковской школы.

В разгаре лета 1979 года в Казахстане состоялась Всесоюзная творческая конференция «Осуществление аграрной политики КПСС и задачи современной литературы в изображении труженников советского села», посвященная 25-летию целины. Мне как участнику этого торжества выпала честь с группой других прозаиков и поэтов поехать по горам и весям Семиречья, т. е. Талды-Курганской области Казахстана. Слово «семиречье» встречается во многих стихах Сергея Маркова. И тут, находясь в просторах Семиречья (когда-то в этих местах белыми звездами там и тут сгруппировались юрты моих предков — Б. У.), я размышлял о судьбах народов, об их исторических путях. Возможно, посетив эти места, у поэта-путешественника зародилась мысль написать большую документальную вещь о Чокане Валиханове, юном друге ссыльного Федора Достоевского и потомке казахского Аблай-хана.

В Семиречье мы посетили колхоз имени Чокана Валиханова, в котором, оказывается, до сих пор живут и работают по-

томки, близкие родственники великого сына казахского народа.

Когда мне представили одного из них, я сказал ему, что их предок Аблай-хан свои пестрые знамена пронес до Джунгарии и Тянь-Шаня. От брака Аблая с каракалпачкой Сайман родилось много сыновей, среди них родной дед Чокана.

— Откуда все это вам известно? — удивился потомок Чокана.

— Я знаю, — пошутил я, — вы не чистый казах. В ваших венах течет кровь каракалпачки Сайман и наших алтайских майманов.

— Но откуда вам это известно?

— Это и многое другое я узнал из книги Сергея Маркова «Идущие к вершинам»...

— У Сергея Маркова, говорите?! Это очень хорошо, жолдос-досум!.. — радостно заулыбался мой собеседник. — А такие стихи о нашем прадеде знаете? — И он прочел наизусть стихи русского поэта.

**Чужая жизнь — безжалостней моей —
Совет меня... И что мне делать с ней?
Ведь можно лишь руками великана
В лазоревой высокогорной мгле
Куском нефрита выбить на скале
Рассказ о гордом подвиге Чокана!**

Поэма жизни Сергея Николаевича Маркова обширна и неисчерпаема. Его разносторонний талант, его титанический труд по-настоящему интернациональны. Вот как он пишет в стихотворении, посвященном художнику Тыко Вылке, великому сыну маленького ненецкого народа:

«Но однажды водопады Тянь-Шаня сменились для меня бурунами Ледовитого океана, древними городами и селами русского Севера. Не чудо ли свершилось, когда я обнимал ненецкого художника Тыко Вылку, картины которого я встречал в журналах во времена своего детства! Звенья сомкнулись!»

Я тоже очень люблю картины этого самородного художника, как назвал его во свое время Михаил Иванович Калинин, «президента Новой Земли».

«Я сберегу твое наследство», — присягает в своем стихотворении Сергей Марков. И это не просто слова — это жизнь поэта, его цель в жизни.

А я думаю вот еще о чем. Несколько лет назад вышел на экраны двухсерийный фильм режиссера А. С. Кардона «Великий самоед», в первой серии которого главная роль — образ Тыко Вылки, была создана моим сыном, студентом Московского театрального училища имени Щукина. Разве это не чудо, что именно алтайскому юноше выпала ответственность осуществить роль «великого самоеда» и плыть по водным трассам Ледовитого океана, как говорится, до края земли, чтобы сберечь наследие ненецкого художника, стремясь и стараясь оставить его живым на экране. Плыть до края земли по следам поэта и землепроходца Сергея Маркова, любившего Горный Алтай и алтайцев, писавшего о них замечательные стихи.

Да, звенья вновь сомкнулись!

Читать книги С. Маркова — лучшее на-

слаждение и учеба. Читать о жизни и творчестве С. Маркова — тоже учеба. И, наконец, читать письма С. Маркова — еще раз учеба. Ты как быходишь в тайны его мыслей, музыкой его слов. У этого человека и настоящего поэта, кажется, не было остановок в пути. Его уверенные и твердые шаги были всегда направлены к горизонту: а что же там, за горизонтом? И он шел, шел, шел... Чтобы понять себя и других. Сергей Николаевич Марков никогда не чурался истории и поэзии любого народа, будь он многочисленный или совсем небольшой.

«Получил Вашу бандероль. Большое спасибо за книги», — пишет он и далее интересуется историей гражданской войны в Горном Алтае, просит книги местного издания о том периоде. Письмо свое заканчивает совершенно неожиданным для меня вопросом: «Очень интересуюсь конечной судьбой Чета Челпанова, но литературы о нем не встречал, кроме публикации в «Сибирских огнях» 20-х годов («Бурханизм на Алтае», автора забыл). Может быть, о Челпанове что-либо печаталось за последнее время?»

Во-первых, почему неожиданно это для меня?.. Честно говоря, я даже не предполагал, что русского поэта могут интересовать события (1904 г.) из жизни моего народа, проходившие где-то возле нынешнего Кырлыка Усть-Канского аймака. Проповедниками новой веры — бурханизма, можно сказать, просто по стечению обстоя-

тельств невольно стали пастухи Чет Челпанов и его дочь Чугул. В то время Чугул, кажется, было всего четырнадцать лет... А что такое бурханизм? Он представляет собой сплетение различных идеологических веяний — монгольского ламаизма, православного христианства, есть и некоторые обрядовые элементы национального эпоса нашего народа.

Говоря о публикациях двадцатых годов в «Сибирских огнях», поэт, очевидно, имеет в виду очерк Н. Бакая «Легендарный Ойрот-Хан» (из истории туземных движений на Алтае), напечатанный в 1926 году в четвертом номере этого журнала. О тех же событиях на Алтае намного раньше, а точнее в 1919 году в ежемесячнике «Сибирский рассвет» мне приходилось читать очерк В. И. Верещагина, который называется «Бурханизм или «ак-янг» на Алтае».

Поиски забытого стали делом всей жизни и многосторонней деятельности Сергея Маркова. Он был пионером многих счастливых начинаний, свершений, находок и открытий и мог с полным правом сказать о себе:

Но верный мечте и труду,
Я всюду старался найти
И светлую соль, и руду,
И к ближнему морю пути.

Этот путь не кончился. Он продолжается в книгах замечательного поэта, прозаика и ученого С. Н. Маркова.

Юрий СОРОКИН

ДОРОГА К СЕБЕ

Невеселые картины проплывали в распахнутых дверях теплушек. Несмотря на холодный, нудный дождь, окон и дверей не закрывали. Угловатые, стриженные, в новеньких, мешковато сидящих шинелях, новобранцы напряженно гляделись в постоянно меняющиеся ландшафты и панорамы. Проезжали по Центральной России. Небольшие остановки в Грязях, в Мишуринске, на больших полустанках... Исчезли тыловые шутки, лица были серьезные, а в иных глазах мелькала растерянность. Руины, развалины, горящее в разбомбленных элеваторах зерно...

Сержант Андрей Вагин с любопытством вглядывался в лица ребят. Необстрелянные мальчишки. Командир взвода — лейтенант последнего выпуска ненамного старше. Все догадывались — едут под Сталинград.

Разговоры о немце, о доме, о битве под Москвой, и вера в удачу. Молодость имеет свои преимущества. Еще по Карельскому фронту Андрей знал, с какой готовностью, не думая о последствиях, идут на задания такие вот парни.

Ему, командиру отделения, было что вспомнить. Где они сейчас, те два десятка добровольцев-земляков, в числе которых он в первые дни войны подал заявление с просьбой отправить на фронт? Жив ли поллитрук 130-го отдельного лыжного батальона Урванцев, вручивший ему когда-то как лучший подарок две тетради для рисования и пять школьных карандашей из тыловых посылок? Где теперь Леня Чазов, Коля Иванов из Барабинска? Куда военная судьба забросила Мозгового из Новокузнецка, его зятя-тезку Андрея Смагина?

Мысли эти были прерваны очередной командой «воздух», состав резко тормозит, и новобранцы рассыпаются по степи, теперь уже по степи сталинградской. А потом снова мерный перестук колес. И в свободную минутку — уединение с карандашом и альбомом.

Потом конец пути. А вернее, начало. В сумерках полк выгрузился из вагонов. Затем трудный ночной марш. Даже для видавшего виды Андрея он запомнился навсегда. Где-то рядом при погашенных огнях параллельно колоннам пехоты шла на передовую техника. Различались силуэты «катыш», танков, орудий.

Днем была остановка, а вечером снова бросок и команда «окопаться». За ночь были открыты одиночные и групповые окопы. Сталинградская земля была тяжелой.

8 Альманах «Алтай» № 4

Рубили ее топором по очереди, руки были сбиты в кровь. Начальство торопило и недаром. Утром, когда на бреющем полете немецкие штурмовики стали из пулеметов «обрабатывать» вновь прибывшие части, многим спасли жизни эти узкие щели, эти с кровью вырванные кубометры грунта. Немцы бомбили артиллерию, тылы. Полк яростно отбивался из винтовок, пулеметов. Зенитчикам удалось сбить два самолета, настроение поднялось. Боевое крещение прошло успешно. А это было важно: в отделении Вагина из тринадцати человек, кроме него, никто еще не шохал порохов.

Разных людей привела судьба на эту неласковую землю: два татарина, два узбека, казах, еврей, коми-зырянин, украинец и пять русских ребят. Разные характеры, различный жизненный опыт и возраст. Впервые, пожалуй, так ощутил сержант Вагин всю огромность понятия — Родина. Запомнилось письмо трудящихся Узбекистана к воинам узбекам, которое обсуждалось в те дни в подразделениях: «Каждый орудийный залп, разящий врага под Сталинградом и на других фронтах, отдается радостью в нашем сердце... Сражайтесь, не щадя жизни, за нашу свободу. Не забывайте, за вами, как непоколебимый утес, стоим мы — весь узбекский народ, стар и млад, мужчины и женщины!»

Хорошо запомнился татарин Терегулов оттого, наверно, что часто в часы затишья рассказывал о своих четверых ребятишках. Болела солдатская душа: как там они дома, что будет с ними, если его убьют? Но такие минуты затишья были редки. Это сегодня по книгам, историческим документам и мемуарам каждый может представить последовательность событий, понять хронологическую логику того, что творилось под Сталинградом в конце октября, когда немцы еще и не подозревали, что через две-три недели начнется наступление, ставшее фактически началом их конца.

А пока шли бои местного значения, схватки за выгодные исходные позиции, прощупывание друг друга, тяжелый солдатский труд.

Там, в Карелии, в первый год войны было ох как нелегко. Но глубокие снега, дивной красоты леса были для Андрея почти родными, сибирскими. И он, лыжник, хороший стрелок, чувствовал себя там порою как рыба в воде. Сложный рельеф, лесная чаща нередко прятали от самолета, берегли от пули.

Здесь было иначе.

Солдаты с самого начала ощущали, что в этой бескрайней холодной равнине с редкими балками, тощим кустарничком окопались, врылись в землю две огромные силы. Только земля была здесь надеждой и опорой. Не зацепишься за нее, не схоришься в окопчике — и весь ты на виду, уже щупают тебя тяжелые пулеметные гусеницы, уже корректируют цели, ищут тебя фашистские минометчики. Живой мишенью становясь ты для немецких самолетов.

Одно спасение — земля. И поскольку бой местного значения — это постоянные перемещения, земля этой перевернута горы. Навсегда осталась она в памяти: истерзанная взрывами, глинистая, мокрая, мерзлая, рубить которую не легче, чем идти в атаку. Рубить приходилось так, что в минуту взмокала гимнастерка, рубить, пока сердце не застучит где-то под горлом, напрягаться до тошноты, пока не поплывут перед глазами красные круги.

Когда оттепель сменялась морозом, солдаты даже радовались: хоть подмерзла в окопах жидкая грязь. А теплой одежды еще не выдавали. И Андрей до сих пор щеголял в пилотке, на которой плохо держалась не по размеру большая каска. Плохо было с махоркой, горячим питанием. Каждый пакет концентрата, каждая буханка хлеба доставлялась на передовую с риском для жизни.

Как-то в полдень Андрея с солдатами его отделения в группе таких же «командированных» отправили за питанием для роты. Перебежка, переползание под огнем, передышка в низинке, где окопались артиллеристы с орудиями и «катюшами», — и вот группа у цели.

Заправив термосы и сложив продукты в вещмешки, отправились в обратный путь. И когда до артиллеристов оставалось метров триста, налетели немецкие самолеты. Затаились в ложбинке, думая об одном: донести бы продукты, накормить роту.

Сбросив груз, бомбардировщики, а за ними и самолеты охраны исчезли наконец за горизонтом, а вслед им устремились два советских истребителя. Но когда двинулись вперед через открытое поле, немецкие пулеметчики открыли по ним огонь.

Андрей бежал впереди. Вдруг почувствовал, как что-то горячее поплыло по левому боку. Андрей скатился в овраг. И только там отдышавшиеся ребята осмотрели его. Оказалось, сам он цел, а в термосе две дыры и вместо супа с кониной принес он в окопы густую кашу... Солдаты шутили: «На первое каша и на второе каша. Спасибо, сержант!»

А жизнь между тем шла своим чередом: наряды, дозоры, бомбежки. В свободные минуты коченеющими пальцами Андрей брал карандаш, делал зарисовки. Особенно популярны среди солдат были портретные наброски. Вспоминаются затертые до дыр две любимые книги, которые постоянно были в вещевом мешке. Книги эти он носил еще с Карельского фронта. Обнаружил их в избе, когда однажды с лыжниками осматривал левый край деревни Лехте. Книги лежали кучей на полу. Две из них — «Анна Каренина» и «Как закалялась сталь» —

прошли с ним весь фронтовой путь. Друзья-солдаты читали их на Реберском направлении в Чарелни, на формировке в Можайске, в эшелонах, в окопах Сталинграда. Книги эти долго ходили по палатам госпиталя, где полгода пролежал Вагин после тяжелого ранения.

Не довелось Андрею Вагину дойти до высоких наград и званий. Немного их давалось в те первые месяцы войны. Мало кому из его друзей удалось поносить на темной от пота солдатской гимнастерке орден или медаль. Самой большой наградой для пехотинца 1923 года рождения было вообще остаться в живых, уцелеть под смертельным градом первого вала войны.

Эмалью горящие боевые ордена получали уже другие парни, вступавшие в бой не с трехлинейкой, а с автоматом, парни которым повезло услышать залпы первых салютов, драться на новеньких «тридцатьчетверках», на «лавочкиных» и «ильюшинных», солдаты много опыта, свидетели иного размаха, иных калибров, они подхватили знамя Победы и донесли его до Берлина.

Неоглядные, уже сронившие листву и высветленные первым снегом лесные дали уходят за горизонт. Увиденные с огромной высоты березовые колки и маленький, зависший в прозрачном воздухе вертолетик — все это создает ощущение необычайной широты, величия, покоя. «Сибирские просторы» — так называется линогравюра члена Союза художников СССР, одного из ведущих алтайских графиков А. Г. Вагина, воспроизведенная на страницах «Правды» в дни, когда он отмечал свое шестидесятилетие. А незадолго перед тем были там же опубликованы еще три работы. Для бывшего солдата, одного из старейших коммунистов алтайской творческой организации это не только большая радость и высокая честь, это нечто большее.

«Мои года — мое богатство» — мудрая справедливость этих слов невольно приходит в голову всякий раз, когда знакомишься с его последними произведениями. Почти в каждом оттиске, выходящем из-под его станка, сегодня открываешь для себя новые откровения, новые невысказанные до сих пор мысли.

Современная графика — это живой, вечно меняющийся и обновляющийся процесс. Сегодня в фаворе перо, завтра акварель или эстамп. Меняется круг тем и сюжетов. Сегодня графика плакатна и лаконична, завтра в моде «тихая графика».

А. Вагин не стоит в стороне от этих сложных и в общем-то плодотворных процессов, но в одном он постоянен: творчество его — пример редкой преданности одной, раз полюбившейся технике. Техника эта — линогравюра, но в ней художник не консервативен. В то время как многие сегодня оставили ее, исчерпав свои возможности, потеряв к ней былой интерес, А. Вагин любит линогравюру первой любовью. Поиск свежих технических приемов — то увлечение контрастами белого с черным, то разработка возможностей штриха и линии — дарят ему много творческой радости.

Два качества заметно выделяют его среди других сибирских графиков: серебро

тончайших ажурных построений его композиций сочетается с проникающей в душу лиричностью, как это случилось в графической сюите «О журавлях». Но особенно ценно, что это чувство не оставляет зрителя, когда он видит серию «Песня времен», где тема уже иная. В индустриальной теме художник так же проникновенен, как в теме эпической.

Отношение человека к природе, жизненные силы, которые черпает человек в общении с полем, лесом, живыми их обитателями, душевный подъем и умиротворенность — вот что осмысливается в работах Андрея Вагина: «Запуржило, замело», «Зимняя сказка», «Песня весеннего леса», «Над полями да над чистыми». Автор извлекает из черной поверхности доски тонкое кружево заиндевевших ветвей, искрящиеся блики солнечного света на первых листочках, переливчатость осеннего покрова земли.

Русская береза — особая тема А. Вагина. «Я в березы с детства влюблен. Наши сибирские березы в большинстве своем стройные и светлые, как свечи. Они отчетливо излучают свет. В Карелии есть такие березы и такие же чарующие сказочностью березовые рощи. А вообще, мне кажется, если бы не было на земле берез, было бы темно! И когда мне приходилось видеть сломанную или перебитую снарядом пострадавшую березу, мне всегда было не по себе», — вспоминает А. Вагин.

Многие художники, воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны, предпочитают не касаться военной темы. «Пищут тишину», уходят в мир натюрмортов пейзажа. А Вагин считает, что не имеет права забывать о том, какой ценой достался этот мир, эта тишина. Цикл листов «Севастопольцы» — это его слово, обращенное прежде всего к молодым.

Любовь к отчаянным парням из морской пехоты осталась у художника еще со времен Сталинградского фронта. Подразделения моряков сражались рядом с их стрелковым полком, и всякий контакт, каждая встреча с моряками вызвали у Андрея чувство огромного уважения. На всю жизнь осталась в памяти сержанта встреча с высоким, могучим матросом, который, опираясь на винтовку, сам шел к перевязочному пункту. С перебитой ногой, с израненным лицом и грудью, весь залитый кровью, он был страшен и прекрасен. Художник считает, что обязан рассказать о таких людях.

Большим ударом в свое время было для него обнаружить после выписки из госпитала, что две бесценные тетради с набросками и рисунками, прошедшие с ним два фронта, бесследно исчезли. Сегодня, через сорок лет, они очень быгодились для работы.

Страна отметила 30-летие целинной эпопеи. И даже с трудом верится, что все это было, что были эти переполненные молодежью поезда, чубатые головы, ватные телогрейки, фанерные чемоданы, гармошки, митинги, первая борозда...

Сегодня на том месте, где тридцать

лет назад стальные лемеха с трудом выворачивали вековые пласты дерна, — богатейшие хозяйства, отлаженный, устроенный быт. Внуки целинников ищут и не находят примет той дикой, неоглядной степи, которая шумела травами в их местах тридцать лет назад. В те дни, когда вся страна говорила, жила, думала целиной, недавний выпускник Горьковского художественного училища А. Вагин понял — его место на Алтае.

С головой окунулся в работу. Одна за другой рождались гуаши «Целину поднимают», «Едут новоселы», «В непогоду». Одновременно работал над тематическими полотнами «На весенние работы», «На землях целинных», «Степные зори». Цикл работ, состоящий почти из пяти десятков работ, объединенных общим названием «Так начиналась целина», — своеобразная летопись тех суровых и героических будней.

Подолгу длились творческие командировки. На подводе, на райкомовском газике, на попутном грузовике, как когда-то на фронтовых дорогах, вдоль и поперек исколесил художник новые целинные районы. Жил в палатках, вагончиках вместе со своими героями. Наблюдал, рисовал, запоминал. Вот молодая семья у вагончика занимается стиркой, механизаторы перед поллевой кухней, женщины на току... Многие картины проникнуты глубокой наблюдательностью и чисто художническим видением жизни. Такова, в частности, работа «Семья тракториста». На ней трактор смотрится не просто как производственный агрегат, а как боевой друг, кормилец земледельца, поэтому-то вокруг него хлопочут и сам тракторист, и жена, и даже маленький сынишка.

Одни листы полны бытовой конкретности, другие незаметно переходят как бы в символический план. «Первая вежа», например. Органически входят в серию пейзажи. Они тесно связаны с землей, с трудом людей на ней. Свежевспаханная осенняя зябь, над которой кружат первые снежинки, неоглядное поле пшеницы, брезентовые палатки, которые увидел художник ранним утром, — все это тесно связано с землей, настойчиво напоминает о труде хлебороба.

Сегодня эта тема по-прежнему близка и дорога художнику. Одними из самых инженерных, великолепно исполненных технически на недавней республиканской выставке «Нивы Алтая» в Москве были гуаши А. Вагина из серии «Рожденный в 1954 году». Это рассказ о нынешнем дне одного из крупнейших целинных хозяйств Алтая. Уже не репортаж, не фиксация характерных черт и примет времени, а размышление о человеческих судьбах, поэтизация труда, утверждение нравственной красоты своих земляков — таковы направления его творческого поиска.

Участник республиканских, всесоюзных, зарубежных выставок, неутомимый пропагандист искусства активный общественник бывший фронтовик А. Вагин полон сегодня новых творческих планов, новых замыслов и надежд.

Наталья РОДИОНОВА

НЕ ТОЛЬКО РАЗВЛЕКАТЬ, НО И ВОСПИТЫВАТЬ

В последнее время в текущей критике все чаще можно встретить термин «подростковая литература». О существовании «специальной» подростковой литературы говорил и С. Михалков в докладе на Пленуме правления Союза писателей СССР (1978 г.). Неизменное обращение взрослых и детских писателей к исследованию внутреннего мира подростка свидетельствует о необыкновенной важности этого периода формирования личности. Психологи считают, что «в этот период происходят чрезвычайно существенные психологические изменения и возникают новые особенности, которые в своем дальнейшем развитии при определенных условиях жизни, деятельности и воспитания становятся устойчивыми чертами личности». Пора отрочества, которое, по утверждению Л. Толстого, продолжается до 15 лет, и явилась предметом исследования ряда произведений алтайских писателей: «До шестнадцати» Л. Квина, «Сокровища древнего кургана» В. Сидорова, изданных Алтайским книжным издательством, «Белые птицы детства» В. Сукачева (издательство «Детская литература»). Перед нами произведения разные по жанру, по творческим задачам, творческие почерки их авторов совсем не схожи. Их объединяет то, что они написаны о подростках и адресованы подростку, и в них учитываются особенности возрастной психологии — один из моментов, определяющих специфику литературы для детей. Герои этих книг близки читателю-подростку, в характере которого закладывается то, с чего начинается будущая личность. Не секрет, что проза для детей — дело необычайно трудное, требующее соединения простоты и глубины, занимательности и познавательности, фантазии и правдивости. Кроме того, книги, адресованные юным, пишутся, говоря словами Белинского, для воспитания, «а воспитание — великое дело: им решается участь человека. Участь... Это значит — судьба».

Названные книги роднит и их воспитательный пафос, родство выражается, на наш взгляд, и в том особом внимании, которое проявляют писатели к юному гражданину.

Жанр повести необычайно распростра-

нен в детской литературе, это один из ведущих жанров в количественном и качественном отношении. Тут, несомненно, имеют значение преимущества «объема и охвата материала», по выражению В. Кожина, ее аналитические возможности, позволяющие глубже исследовать психологию ребенка.

Название повести В. Сидорова «Сокровища древнего кургана» обещает приключения, заинтриговывает читателя. Трудно представить подростка, которого оставит равнодушным сообщение о чем-то необычном, загадочном, таинственном. В. Сидоров остается верен своей излюбленной приключенческой теме и в новой книге. Как известно, жанр приключенческой повести общемашино легкий. К сожалению, приключенческая литература богата произведениями, в которых на первый план выдвигаются похождения героев, необычайные случаи, происходящие с ними. Однако успех приключенческого произведения достигается лишь в том случае, когда увлекательный сюжет, стремительное действие не заслоняют идейно-смысловое начало, а помогают донести до юного читателя идею книги. О каких же «важных событиях из жизни Константина Петровича Брыскина» повествуется в книжке с таинственным названием «Сокровища древнего кургана»? Уже в начале повести обнаруживаешь, что завязка сюжета вполне традиционна для литературы приключений: Костя Брыскин, главный герой повести, от лица которого и ведется повествование, во время грозы оказывается возле Желтого кургана и становится свидетелем странного разговора двух людей, приехавших сюда на машине. И герой понял, что в этом курганчике его подвиг и его слава: «Я раскопаю Желтый курган, спасу все эти памятники культуры, о которых так волновался длинный, и отдам народу». В детской приключенческой литературе существуют своего рода «бродячие» сюжеты, когда детям удается обнаружить врагов, найти что-то очень ценное, важное для людей и т. д. Нужно сказать, что эта безучастность героев — основной атрибут приключенческого произведения, она связана с тайной и является основной пружиной действия. Итак, герой оказывается в центре событий, то есть в данной ситуации он творит их сам — начинает заниматься раскопками древнего кургана, затем подключаются его друзья и взрослые. В финале повести курган раскопан, и в нем обнаружены ценные сокровища. Вот основная

¹ Дрогунова Т. В. О некоторых психологических особенностях подростка. — В кн.: «Вопросы психологии личности школьника». М., изд-во АН РСФСР, 1961, с. 120.

канва событий, развернувшихся в повести, так сказать, схема. Однако гораздо важнее, каким же внутренним содержанием наполнена она. Если бы основными в повести оказались эти события, они едва ли бы взволновали читателя. Во многих книжках подобные события повторяются, и это повторение и превращает их в схему. Но есть вещи неповторимые — это характеры, художественный мир произведения в целом.

По мере чтения убеждаешься, что не внешняя событийная сторона занимает автора более всего. Да и сама фабула достаточно проста, ведь в ходе раскопок никаких особых событий не происходит. Но читательский интерес не ослабевает до последней страницы, и держится он вовсе не на обычном вопросе — а что же будет дальше? Нет особых сюжетных ухищрений, нет прихотливого вымысла, и тем не менее повесть по-настоящему увлекательна. В книге интересна не сама попытка мальчишек раскопать курган, а связанное с ней раскрытие характеров героев, создание нравственного конфликта, авторская манера — писать выразительно, пластично, зримо. Он умеет резким штрихом обрисовать характеры, зорко увидеть детали пейзажа, быта и выразить это точно и лаконично. Вот, к примеру, как описывает свое село главный герой: «Ключи — село невеселое и некрасивое, расплылось по степи, как серый блин по сковороде: ни высокого дома, ни башни. Хотя бы какая-нибудь пожарная каланча торчала, как в иных селах, а то и ее нет... Ключи — не очень подходящее место для туристов и прочих гостей. Вряд ли кому придет охота жариться на нашем солнце, глотать пыль да любоваться сусулками в степи».

В двух предложениях автор умеет выразить отношение героя к своим родным местам: название села красное да пустое. Никаких ключей в селе нет. Да что там ключей! Захудалой лужи и то не найдешь, шагай хоть неделю в любую сторону. Удивительно, кому это взбрело на ум поставить здесь село? Степь и степь без конца и края. Ни холма, ни деревца. Читателю становятся вполне понятны его намерения сбежать из села. Читатель с первых страниц погружается в атмосферу жизни сельских ребят, знакомится с ними. Постепенно все ярче вырисовывается образ рассказчика Кости Брыскина — мальчика обаятельного, умного, обладающего чувством юмора, не терпящего подлости и лжи. Изображать внутренний мир подростка Сидоров умеет проникновенно и точно, неожиданно и глубоко. Как рельефно очерчиваются характеры в ходе раскопок! Героев представляешь и внешне, отчетливо чувствуешь характер каждого, даже слышишь их интонацию: и Детеныша, и Пашки Ключня и самого рассказчика. Автор мастерски строит диалоги.

«На этот раз Пашка больше чесал языком, чем работал. Копнет раз-другой, воткнет лопату в землю, обопрется о черенок и пойдет молоть.

— Слышь, ребята, вот мы бьемся тут, стараемся и ни о чем таком не думаем. Верно? А нам возьмут да и отваяют по пу-

тевке в туристический лагерь. Куда-нибудь в Горный Алтай. Дескать, так, мол, и так, дорогие товарищи школьники, благодарим вас от имени науки. А? Или вдруг в Крым? В Артек? Здорово, а?

Пашка радостно хохотал, будто уже получил путевку и в туристический лагерь, и в Артек.

— Шуму будет на весь район. Пацаны от зависти уши друг дружке отжуют.

В конце концов даже Детеныш не выдержал, произнес, устало разгибаясь:

— Брось, Ключня, ерунду плести. Лучше давай работай.

Однако Пашка нетерпеливо отмахнулся.

— Погоди... — И выдохнул охоту: — А что если... Ой, братья, что я придумал! Не надо нам никаких путевок и орденов там всяких. Надо просто-напросто все, что добудем, разделить поровну, на троих.

— Это зачем? — не понял я».

Испытание героя в экстремальной ситуации зачастую лежит в основе приключенческого произведения. В повести само приключение становится испытанием, своего рода пробным камнем характеров героев. Вначале в раскопках принимают участие рассказчик и двое его друзей, здесь и сталкиваются персонажи-антиподы.

Редко прибегая к внешнему описанию, писатель дает представление о своих героях через их поступки, диалог. Каждый из героев преследует свою цель. Костя копает курган для того, чтобы «отдать сокровища народу», Ключня же это делает в надежде «продать древнее барахло», а на деньги купить все, что кому охота, например, мотоцикл «Урал» с коляской, на котором будет летать по всему району. Игорь же, городской пижон, привыкший быть лидером, самовлюбленный и самоуверенный, тоже предельно ясно формулирует свои цели: «В нашей дыре до того скучно, что и Брыска со своими глупыми раскопками — развлечение. Пусть копает на здоровье. Когда доберется до захоронения, придем и поможем. Поможем собрать ценности, если они там окажутся».

Для автора важно не само событие, а поступок героя, выявляющий его жизненную позицию. Образ главного героя Кости нарисован убедительно. Повествование от первого лица позволяет глубже раскрыть характер. От события к событию происходит взросление души юного героя. Герои взрослеют, ощущая свою причастность к преобразованию родного края. Читатель не сомневается, что решение Кости стать мелиоратором серьезное, выношенное. Он останется в родных местах, чтобы жить здесь и работать. Ему и его сверстникам предстоит многое сделать, и писатель дает почувствовать, как растет и созревает юный герой под влиянием облагораживающей силы труда, значительной цели, умелого и ненавязчивого воспитания со стороны взрослых; он мужает и взрослеет. Приключенческая повесть состоялась, потому что освещена светом значительной идеи, основным мотивом, делающим произведение не просто повествованием о приключениях ребят, а рассказом о приобщении подростков к настоящему труду со всеми

сопутствующими радостями и трудностями. Повесть — о чести и бесчестии, чувстве коллективизма и товарищества, о первой зарождающейся любви, об ответственности человека за свою землю, за свой край.

Сидоров не гонится за дешевой развлекательностью, его книги неизменно увлекательны и глубоко серьезны. Он не из тех, кто «закручивает» сюжеты вопреки художественной и жизненной правде. Можно сказать, что все его книги о том, как жизненная школа закаляет юные характеры.

К сожалению, в повести «Сокровища древнего кургана» огорчает финал, в котором содержится сухая информация о том, что там, где был курган, прошел канал, а сокровища курганчика перекочевали в музей. И все. Читатель испытывает своеобразный «эффект обманутого ожидания». Безотказный рычаг занимательности до конца не сработал — сюжетная-то тайна была все-таки связана с раскопками, а не со строительством канала, это подтверждает и название повести. Читателю хочется знать, что же найдено в кургане, не из праздного интереса, а сама логика повествования приводит к этому. Но ждет его обычный «хэппи энд» приключенческой литературы.

Однако в целом новую повесть В. Сидорова можно отнести к несомненной удаче — построенная по канонам приключенческой беллетристики, она глубока по содержанию и значительна по идее.

Удачей в жанре повести о детстве можно считать и повесть В. Сукачева «Белые птицы детства». По утверждению критики, в жанровом многообразии советской детской литературы повесть о детстве является одним из ведущих жанров. Это и вполне закономерно, так как изображение детства имеет для юного читателя особую педагогическую ценность. С. Маршак указывал на то, что повествование о ребенке требует от писателя «большой душевной глубины, отчетливого законченного мирозерцания»¹. Я думаю, не преувеличу, сказав, что В. Сукачев обладает этими качествами. Новое его произведение для детей свидетельствует о том, что он умеет выразить глубину впечатлений, настроений и эмоций ребенка, жизнь которого, по тонкому замечанию А. Макаренко, «по трезвости и глубине впечатлений, по чистоте и красоте волевых напряжений несравненно богаче жизни взрослых»². Автор определил жанр своего произведения как повесть в рассказах. Каждый рассказ представляет собой законченное целое — эпизод из жизни ребенка, и в то же время он — звено в изображении становления характера. Избранная форма призвана выразить состояние детской души — искренней, восторженной, мечтательной — и показать становление характера. Повесть открывает рассказ «Карысь» — лирическое повествование о том, как шестилетний ре-

бенок познает мир. А следующие рассказы воспринимаются как его органическое продолжение; цепь рассказов о событиях в жизни маленького человека и составляют сюжет повести. События, может быть, не очень значительные для окружающих, но такие, которые сыграли определенную роль в формировании юной души, помогли выработать те нравственные основы, которые станут фундаментом его личности. Каждый небольшой повседневный случай, положенный писателем в основу рассказа, и есть та еще новая ступенька в познании окружающего мира, на которую шаг за шагом поднимается его герой. Хотя в книжке не происходит никаких захватывающих событий, читаешь ее с интересом, с первых страниц погружаясь в мир, близкий каждому, яркий, неповторимый мир детства. Автор умеет смотреть на мир глазами своего героя, для которого все интересно, все на свете впервые. Известно, что чем дальше во времени мы удаляемся от своего детства, тем труднее становится понять своеобразный мир ощущений ребенка. Чувствуется, что автор не утратил этой способности. Он спокойно и незаметно вводит читателя в ребячий мир радостей и огорчений. Каждый рассказ открывает неожиданные ракурсы детского видения. В рассказе «Сказка» мальчик под впечатлением сказки об Аленушке и братце Иванушке, глядя на козу Ночку, с усилием размышляет о том, что если это мальчик, превратившийся в козу, то почему коза такая старая? И разве бывают у мальчиков такие длинные рога? А уж бороды совсем не бывает. И Карысь вдруг осенило, что нужно напиться из ее копытца, чтобы свершилось чудо. Только ребенок способен с восторженным испугом ждать момента, когда через минуту он превратится в козленка, и бояться пропустить этот момент превращения. Или в рассказе «Неуловимый момент» волнующе и трогательно описано состояние терпеливого ожидания момента, когда ему исполнится семь лет. Творческая индивидуальность автора, на наш взгляд, особо проявилась в этой книжке в самом главном — поэтическом восприятии мира, умении подлинно и глубоко раскрыть душевный мир ребенка. Сережа живет, переполненный простой и светлой радостью — радостью бытия. Автор превосходно передает свойственное ребенку непосредственное удивление перед чудом природы, он словно с природы живописует его жизнь. Вот стоит Сережа и «с малопонятным восторгом и удивлением смотрит на изменившуюся тайгу, на реку, в которой теперь нельзя было купаться и над которой высоко в небе пролетали треугольники неизвестных ему птиц, и неожиданный восторг перед жизнью неведомой, но интересной охватил Карыся».

Многие страницы повести дышат любовью к родной земле, тайге. Писатель уделяет внимание и мягкому бурорку мха, простроченного кустиками морошки, и запоздало зеленоющему папоротнику, забытому летом стеблю полыни и свесившимся на калине бусинкам. Читатель будто вдыхает аромат свежего сена, от которого пахло озером, камышами и береговой

¹ С. Маршак. Задачи советской литературы. Детская литература, 1930, № 18—19, с. 16.

² А. Макаренко. Собр. соч. в 5-ти т. М., 1971, т. 4, с. 216.

тиной, видит, как остывшая за ночь земля запарилась, задымилась тонкими струйками в подвижном и прозрачном воздухе.

Можно сказать, что главные герои повести — природа во всех ее состояниях и настроениях и ребенок, который переживает волнующее счастье жить в соединении с природой. В его отношениях с природой и со всем живым в ней, с друзьями и родными вырисовывается образ доброго, чуткого ребенка, одаренного обаянием душевной чистоты и человеческого сострадания. Особенно ярко раскрываются эти его качества в рассказах «Перстень», «Первый патрон», «За подранками». Карысь вроде бы как все мальчики — его сверстники, и, однако, его отличает особая зоркость и чуткость, отзывчивость и справедливость. Автор показывает, как зарождается подлинная человечность, способность отклика на чужую боль.

Концепция гармонических взаимоотношений героя и природы лежит в основе произведения. Известно, какое значение имеет эта проблема в наши дни. С. Михалков, говоря о проблематике литературы для детей и юношества, подчеркивал, что одна из самых актуальных задач сегодняшнего времени — экологическое воспитание человека. Это не только охрана природы, что само по себе крайне важно, это и воспитание гуманизма, и эстетического восприятия окружающего мира.

Тема природы в повести органично перерастает в тему гражданственности и патриотизма. Родина — понятие не абстрактное. Нельзя любить Родину, не обладая чувством родины. Оно же развивается, воспитывается. А начинается с малого — с любви к тому месту, где родился, где впервые начал себя помнить и понимать.

Гуманистическое начало определяет внутреннюю тему многих рассказов, свободных вместе с тем от сентиментальности и упрощения. Жизнь мальчика далеко не безоблачна: смерть матери, расставание с отцом, забота о бабушке и дедушке легли на его плечи. И когда он Настьке сообщает о том, что не поедет к отцу, потому что надо деду с бабушкой помогать, читатель понимает, что этот мальчик в данной ситуации только так и может поступить: такое решение подготовлено развитием его характера, логикой всех его предшествующих поступков.

Страна Детства — мир особый, в нем нет места фальши. В книге Сукачева ей действительно нет места, большинство рассказов отличаются убедительностью, большой силой эмоционального воздействия, подлинным знанием детской психологии. В повести, несомненно, много автобиографического, продиктованного душевной потребностью рассказать о том, что незабываемо, что осталось в памяти навсегда.

Картина детства нарисована в повести ярко, колоритно, картина же времени показана бледнее. В произведении речь идет о первых послевоенных, тяжелых для всей страны годах. Однако атмосфера тех лет, приметы времени переданы слабо, очерчены лишь бегло, вскользь.

Однако в целом это не умаляет тех

достоинств повести, о которых мы говорили. Написанная профессионально, талантливо, повесть, несомненно, вызовет отклик в юной душе читателя, пробуждая в нем добрые чувства, любовь к природе и человеку.

Именно этими качествами подкупают и рассказы Л. Квина, вышедшие в этом году в Алтайском книжном издательстве. Книга интересна, как мне думается, читателям всех возрастов, хотя и озаглавлена «До шестнадцати...». В остросюжетной, увлекательной форме рассказывается ребятам о них самих, в книге поднимаются серьезные нравственные проблемы. Рассказы сборника можно объединить тематически. Первые четыре рассказа имеют подзаголовок «С нами не соскучишься». В них автор тонко, с юмором повествует о том, как проявляет себя юный герой в труде, в реальной жизни вне школы — на водительской практике, в поле. Писатель нашел удачный поворот темы трудового воспитания. Как-то само собой получается, что критерий оценки трудовой деятельности связывается со сферой нравственности (герой «Николаевской западни» проявляет упорство и доказывает, на что он способен, помогая выбрать машина из лога; герой-рассказчик «Семьдесят неизвестных» только тогда завоевывает признание коллектива, когда перестает отлынивать от работы, начинает работать на совесть и заниматься полезным трудом; в рассказе «Мираж» конфликт строится на столкновении двух нравственных позиций). Ценно то, что воспитательные истины, которые автор стремится передать своему читателю, не выражены в виде аксиом, они достигаются подростком самостоятельно. Некоторые из них откровенно дидактичны, но в то же время их поучительность ненавязчива, она естественно вытекает из ситуаций. Даже явно «моралистические» из них читаются с интересом и близки подросткам. Язык писателя лаконичен, остроумен и точен. В комических ситуациях рассказов нет ни натянутости, ни заданности. Некоторые рассказы сборника («Семьдесят неизвестных», «Толя+Катя», «История одной любви») написаны от лица героя, что вполне отвечает авторскому намерению показать школьный мир не таким, каким он представляется стороннему наблюдателю, а каким он видится подростку.

Тонкий юмор звучит в рассказах, объединенных подзаголовком «Любовь, любовь!». Тема их очень старая и всегда новая — о возникающем чувстве первой любви. Самые серьезные ситуации в этих рассказах освещены авторской улыбкой. Вот рассказ «История одной любви», построенный в форме дневника, найденного за шкафом. Сам стилистический прием снижения высокого звучания заголовка (из дневника, найденного за шкафом) придает рассказу юмористическую окраску. С мягкой улыбкой описывает автор первое чувство мальчишки, когда «он смотрит на нее не мигая целый урок и все внушает: повернись, повернись, повернись»; или сто раз заставляет ее оборачиваться: «Лен, дай карандаш», «Лен, чернила есть фиолетовые?», «Лен, стиралку», по целому

дню его мучает вопрос: а можно ли по-любить такого, как он? Вполне понятно его желание обратить на себя внимание любимой, совершив что-то необыкновенное, героическое. Они с другом разыгрывают на ее глазах сцену спасения утопающего, чтобы рассказчик выглядел героем. В рассказе «Толя+Катя» влюбленный выдумывает себе жуткую болезнь, чтобы завоевать любовь и жалость любимой. Все эти, казалось бы, юмористические рассказы объединяет тема доброты, честности, мальчишеской порядочности. Не внешняя фабульная сторона занимает автора в них более всего, здесь проверяются такие человеческие чувства, как совестливость, цена дружбы. Отнюдь не насмешливо звучит в конце одного из рассказов признание мальчика: «Откуда мне было знать, что любовь, или дружбу, или верность, или храбрость нельзя подвергать искусственным испытаниям?»

Писатель показывает стремление ребят к самоутверждению, их желание выделиться, обратить на себя внимание любым образом, то есть прослеживает особенности психологии, столь свойственные подросткам. Языковой строй рассказов хорошо воспроизводит естественную мальчишескую речь. К примеру, цитата из упомянутого дневника: «Некогда — жуть! Конец четверти, а у меня запущено!!! Двоек, правда, не предвидится, но троек многовато.

Кирилл — друг что надо. Он за меня берется посерьезнее, чем я сам за себя.

— Размазня ты, таких не любят!

И заставил меня писать ей записку. Да, да, самым форменным образом заставил! Говорит:

— Ультиматум тебе. До завтра не напишешь — я сам за тебя напишу. Такое напишу — со стыда умрешь.

Налишет. Вот точно!

Что же ей написать? Что?»

Лаконичный, выразительный диалог, комическая ситуация помогают обрисовать характер. Юмористические ситуации раскрывают логику мышления героев. Таков рассказ «Дважды два», юмористический эффект которого строится на поисках друзьями анонимщика, который их разыгрывает. Каждый раз великолепно обыгрывается автором сама по себе уже комическая ситуация получения доплатного письма. Юные читатели хохочут, следя за ходом исследования, когда один из героев своими дельными замечаниями направляет ход исследования из теоретического русла в практическое:

«— Во-первых, отпечатки пальцев. — Алик рассматривал бумагу под ярким светом настольной лампы. — Вот здесь... И вот.

— А если это твой? Или мой? И потом, как ты по ним отыщешь, кто писал? Заставишь весь класс макать пальцы в чернила?

Пришлось с ним согласиться.

— Ну хорошо, отпечатки пока оставим... А бумага? Видишь, с одной стороны зубцы. Что это значит, как ты считаешь?

— Вырвана из блокнота, — сказал Остап. — В киосках продают.

— Правильно! Вот уже продвинулись!»

Таким путем удалось установить следующие неоспоримые факты. Письмо написано круглым и ровным почерком на плотном белом без линеек и клеток листе из блокнота форматом двадцать пять сантиметров на двадцать шариковой авторучкой с синей начинкой стержня.

Как во всех детективных историях, «преступником» здесь оказывается менее всего подозреваемое лицо — сестренка Алика Ксака. Свообразие авторской манеры в том, что смешные детали и наблюдения являются как бы сами собой в ходе повествования. Писатель отлично знает мир своих героев и образ их мышления. Достоинство смешных ситуаций в том и состоит, что они естественно вытекают из свойственного детям восприятия и образа мышления.

Привлекательность рассказов Л. Квина и в том, что построены они на основе жизненных, вполне реальных ситуаций, и хотя в некоторых из них конфликт решается юмористически, проблемы, занимающие писателя, не так уж несерьезны.

Итак, есть все основания от души порадоваться тому, что алтайские писатели, пишущие для детей, ставят перед собой серьезные творческие задачи и с успехом их решают. Думается, что все отмеченные книги найдут путь к сердцам ребят. Всем упомянутым писателям свойственно стремление говорить с юным читателем о важных проблемах, их книги отличает хороший профессиональный уровень. Авторы хорошо знают своего читателя-подростка и психологически точно рисуют его образ.

И можно с полной уверенностью сказать, что книги В. Сидорова, В. Сукачева и Л. Квина не только развлекают, но и, прежде всего, воспитывают юного читателя, готовят его к жизни серьезной и неоднозначной.

Алексей ГОРШЕНИН

ПОДВИЖНИК СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Н. ЯНОВСКОГО

Сегодня обширную и многообразную литературу огромного зауральского региона как в ее настоящем, так и в историческом прошлом невозможно представить без имени старейшего и крупнейшего сибирского критика, литературоведа, историка литературы Николая Николаевича Яновского.

Сделанное им поражает. И не только объемом и масштабом литературной работы (хотя они действительно колоссальны для одного человека, что ниже не раз будет подтверждено), но и неослабевающей на протяжении вот уже нескольких десятилетий страстью поиска, неразрывно связанной с искренней и беззаветной любовью к писателям-сибирякам. (Не случайно одна из последних книг Н. Н. Яновского так и называется — «Поиск», а вышедший совсем недавно юбилейный сборник его статей озаглавлен не менее симптоматично — «Верность».)

Если попытаться определить суть творческого облика Н. Н. Яновского, то очень кратко сформулировать ее, пожалуй, можно так: уникальность таланта, помноженная на подвижность.

В самом деле, чем, как не уникальностью таланта, можно объяснить удивительное разнообразие его литературно-исторических интересов, которые, воплощаясь в точной, ясной и по-своему прекрасной художественной форме, находят отклик в сердцах не только специалистов, но и у самого широкого круга читателей, каким не всегда похвастается и прозаик. И чем иным, как не подвижничеством, объяснить ту верность, ту преданность, которую Н. Н. Яновский не устает доказывать как в своем творчестве, так и в общественной деятельности, в отношении писателей Сибири самых разных поколений.

Сотни рецензий, очерков, статей, более полутора десятков книг за долгую творческую жизнь написано Н. Н. Яновским. М. Азадковский и Л. Сейфуллина, Н. Ядринцев и Вс. Иванов, Г. Потанин и В. Шукшин, В. Шишков и С. Кожевников, В. Зазубрин и С. Залыгин, А. Топоров и Ис. Гольдберг, Г. Гребенщиков и В. Астафьев, Г. Пушкарев и И. Кудинов, М. Ошаров и В. Распутин, А. Коптелов и Л. Иванов, И. Лавров и Н. Самохин (сплюсок этот далеко не полон, его можно продолжать и продолжать) становятся «героями» его литературно-критических работ.

И надо сказать, Н. Н. Яновский соди-наковой увлеченностью, заинтересованно-

стью и добросовестностью пишет как о литераторах далекого или недалекого прошлого, так и о писателях-современниках. Впрочем, это вполне естественно и закономерно, ибо история и современность для него — два крыла единого литературного процесса, и о чем бы ни писал критик, он везде проверяет современность историей, а историю современностью. И, безусловно, прав литературовед Ю. М. Мостков, когда говорит о Н. Н. Яновском, что «все написанное Н. Яновским — это по сути главы истории русской и советской литературы в Сибири, потому что он неизменно прослеживает взаимосвязь, преемственность поколений писателей-сибиряков, их вклад в литературно-исторический процесс»¹.

А работу по созданию своей истории литературы в Сибири Н. Н. Яновский ведет поистине громадную. Собрав необъятный материал, систематизировав его, он убедительно доказал, что Сибирь имела богатые литературные традиции и немало талантливых писателей. А сколько «белых пятен» на литературной карте Сибири удалось «закрыть» ему! Сколько незаслуженно забытых имен воскресить! Таких, например, как Ст. Исаков, Арс. Жилияков, М. Александров, М. Кравков, Ив. Тачалов, А. Пиотровский, А. Новоселов, Г. Гребенщиков... И не просто воскресить, но и вписать в литературно-исторический контекст всей русской литературы. Причем не только, так сказать, теоретически.

Дело в том, что, помимо изучения жизни и творчества забытых или полужабытых авторов, Н. Н. Яновский ведет большую работу и в деле популяризации произведений этих литераторов, стремясь сделать их достоянием массового современного читателя. Н. Н. Яновский составил и прокомментировал книги М. Ошарова «Избранное», «Тяжелое счастье», «Большой аршиш»; Ис. Гольдберга «Поэма о фарфоровой чашке»; М. Кравкова «Ассирийская рукопись»; Ф. Березовского «Под звон кандальный»; Г. Гребенщикова «Чураевы» и «Егоркина жизнь», а также некоторых других ныне малоизвестных сибирских писателей.

Что же заставляет Н. Н. Яновского «отвлекаться» от собственного творчества и прилагать немалые усилия, чтобы разыскать, выверить, прокомментировать и, наконец, достойно представить сегодняшнему

¹ Ю. Мостков. Портреты. Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1984, с. 108.

Н. Н. Яновский

читателю произведения того или иного ушедшего от нас писателя? Ответ на этот вопрос дает сам критик:

«Чем руководствуюсь я, по многу лет работая над изданиями такого типа? Желанием поставить на службу советскому народу все лучшее и ценное, что создано на русском языке, желанием глубже проникнуть в реальный ход литературной истории родного края, расширить наше представление о тех культурных богатствах, которые мы накопили и которые, чего греха таить, случается, забываем. Между тем эти богатства, безусловно, нужны нам сегодня, чтобы интенсивней, успешней развивать нашу социалистическую культуру».

Именно данное обстоятельство побудило в свое время Н. Н. Яновского выступить инициатором издания «Литературное наследство Сибири». И вот уже полтора десятка лет он бессменный главный редактор и составитель всех шести увидевших свет томов.

О размахе и сложности литературоведческих задач красноречиво свидетельствует содержание «Литературного наследства Сибири». В каждом его томе мы встретим неизвестные материалы литературной истории, публикации забытых или неизданных при жизни авторов произведений, снабженные четкими и точными научными комментариями, примечаниями, обширным справочным аппаратом. Читатель, в частности, может познакомиться с перепиской М. Горького и В. Зазубрина, неизданной прозой В. Зазубрина, Ст. Исакова, А. Сорокина, поэзией Ф. Бальдауфа, Ф. Лыткина. Большое место отведено составителем творческому наследию Н. М. Ядринцева, который, как обнаруживается, был и незаурядным прозаиком, и поэтом, и ярким публицистом, и заметным общественным деятелем, и выдающимся собирателем литературных сил Сибири.

Трудно поверить, но вся эта колоссальная, под силу, казалось бы, лишь целому научному подразделению, работа по созданию многотомного «наследства» организуется и направляется по сути неутомимой энергией и одержимостью одного человека — Николая Николаевича Яновского. Его участие в судьбе «Литературного наследства Сибири», без которого нынче

уже едва ли возможно изучать историю советской литературы двадцатых-тридцатых годов, трудно переоценить. И остается только присоединиться к известному литературоведу А. Рубашкину, который, рецензируя вышедшие тома «литнаследства», так охарактеризовал вклад Н. Н. Яновского:

«Более десятилетия выходит этот уникальный литературный труд. Расширился круг авторов, по разным причинам менялся состав редколлегии. Наиболее активными сотрудниками издания оставались Е. Бельский, Е. Петряев, Ю. Постнов, В. Трушкин и постоянный редактор и составитель всех томов Николай Николаевич Яновский, чья подвижническая работа по изучению литературного наследства Сибири, а также современного литературного процесса ставит его имя в один ряд с такими патриотами этого края, как Г. Потанин, Н. Ядринцев... «Литературное наследство Сибири» — одно из значительных достижений советского литературоведения семидесятых годов»¹.

«Литературный поиск» Н. Н. Яновского, однако, не ограничивается полузабытыми или забытыми именами, неизвестными страницами литературной истории. Даже, казалось бы, хорошо в литературоведении известным, устоявшимся критик умеет найти неожиданные стороны, внезапный поворот, взглянуть на проблему свежим взглядом.

Хорошим подтверждением вышесказанному может служить статья Н. Н. Яновского «Веление времени. Гражданская война в изображении Вяч. Шишкова», где критик как раз и дает свое довольно неожиданное, непривычное понимание романа Шишкова «Ватага».

В статье бросается в глаза прежде всего то, что Н. Н. Яновский не боится спорить (и оспаривать!) с суждениями, кажущимися хрестоматийными. И со всей страстностью человека, убежденного в своей правоте, критик доказывает ошибочность, по его мнению, прежних оценок романа «Ватага», который не одно десятилетие считался серьезной идейной ошибкой выдающегося писателя, «примером пагубного, опасного, чуть ли не преступно грубого непонимания реальных событий гражданской войны».

Здесь не полемика по пустякам и не полемика ради полемики, ради стремления блеснуть оригинальностью мысли, парадоксальностью суждений (Н. Н. Яновский, кстати, вообще на это меньше всего обращает внимания). Это — все тот же поиск, поиск истины, на пути которого приходится преодолевать и оспаривать нагромождения противоречивых, а то порой и просто ошибочных представлений.

Н. Н. Яновский прежде всего спорит с теми, кто утверждал, что Вяч. Шишков в своем романе, как и вообще писатели 20-х годов, преувеличивал и неукротимо воспевал стихийное начало революции, ее «накпль» и «пену». С исторических позиций, с фактами в руках (а Вяч. Шишков

¹ А. Рубашкин. Уникальный литературный труд. Сиб. огни, 1981, № 8, с. 178.

писал о реальных событиях, имевших место под Новокузнецком) Н. Н. Яновский доказал обратное: писатель сказал прежде всего правду; и не поэтизация «пены» революции была целью художника — с помощью множества интереснейших доказательств, фактов, сопоставлений, тонкого анализа стилистических особенностей романа убеждает нас критик. Одним из первых в советской литературе Вяч. Шишков задумался о проблеме стихийного и сознательного в революции, о том, куда может завести революционную массу волюнтаризм, анархия, своеволье «сильной» личности, потеря ясной цели, которые возникают в отсутствие твердого партийного руководства массой.

Проблемы «стихийного и сознательного», «сильной личности» не раз еще будут подниматься критиком. О них Н. Н. Яновский заговорит, анализируя повесть С. Залыгина «На Иртыше», к ним же вернется и несколько позже, когда обратится к залыгинским романам «Соленая падь» и «Комиссия».

В работах, посвященных художественным произведениям писателей-сибиряков о гражданской войне, с особой силой сказывается одно из главных достоинств Яновского-критика и литературоведа — историзм мышления, который находит свое выражение прежде всего в обязательном анализе конкретных общественных и социальных условий, сделавших закономерным появление того или иного человеческого типа. И принцип этот в творчестве Н. Н. Яновского остается неизменным в оценке любого произведения, посвящено ли оно событиям давно минувшим или современным.

Без сомнения, историзм, умение рассматривать литературу как в контексте социально-политических условий своего времени, так и в сопряжении ее с исторической перспективой — краеугольный камень творческого мироздания Н. Н. Яновского. Однако характерно оно и другими гранями, без которых трудно себе представить писателя Яновского. Например, социологичностью и публицистичностью историко-литературных и литературно-критических выступлений.

Любопытно: сам Н. Н. Яновский постоянно повторяет и подчеркивает про себя, что он — критик-социолог, чему действительно есть основания. Это, конечно, не значит, что идейно-художественный, эстетический анализ вовсе не заботит его. Напротив, читая лучшие его статьи и монографии, убеждаешься, что и в данной области он большой мастер, прекрасно разбирающийся в тонкостях литературной аранжировки, в художественном инструментарию того или иного автора. Тем не менее Н. Н. Яновский именно критик-социолог, ибо прежде всего идет от жизни, которую отражает литература, и конкретными фактами и явлениями этой жизни поверяет истинность того, что изобразил писатель в своих произведениях. (Впрочем, тут Н. Н. Яновский находится в русле прекрасной классической русской критики. Вспомним: социологический анализ русской действительности всегда был в чести у Бе-

линского и Добролюбова, Чернышевского и Писарева.)

Действенность, продуктивность такого подхода особенно ощутимо сказывается, когда дело касается современного литературного процесса, творчества таких, например, нынешних писателей, как Л. Иванов, В. Тендряков, В. Потанин, В. Шукшин, В. Астафьев, В. Распутин...

Так, скажем, знакомясь с размышлениями Н. Н. Яновского о романе В. Астафьева «Царь-рыба» и повести В. Распутина «Прощание с Матерой», мы без труда заметим, насколько умело и тонко использует в них критик инструментарий социолога, экономиста и демографа. Основываясь на данных научных исследований, с фактами в руках, Н. Н. Яновский показывает, как пагубно сместилось равновесие (и в нравственном смысле тоже) в отношениях между человеком и природой, насколько обострилась в последние годы экологическая проблема, ставшая одной из проблем века. Собственно, пространные социологические экскурсы (в статье «Заботы и тревоги Валентина Распутина», например, им посвящено около трети статьи) для того и нужны критику, чтобы объяснить читателю, почему литературе нашей «наступило время задумываться над новым, что возникло в природе и обществе, наступило время по-новому решать и действовать».

Социологический анализ проблемы, помимо того, дает возможность Н. Н. Яновскому глубже проникнуть в авторский замысел, точнее понять и ощутить его позицию, его боль и тревогу, помогает лучше, доходчивее донести все это до читателей. Во всяком случае по-научному четкая, насыщенная информацией суховатая преамбула, которой Н. Н. Яновский предваряет художественный анализ распутинской повести «Прощание с Матерой» и астафьевской «Царь-рыбы», воздействует и убеждает во много крат сильнее самых громких и страстно-эмоциональных призывов.

Хочется, правда, сразу оговориться. Социологичность, строгая научность в статьях Н. Н. Яновского не исключают страстности и эмоциональности. Скорее наоборот, ими окрашено, пожалуй, любое произведение этого критика. В них мы попросту не встретим холодных равнодушных слов. Социологичность же работ Н. Н. Яновского органически сочетается с их публицистичностью, пристрастностью художника, занимающего твердую позицию патриота и гражданина.

Н. Н. Яновский постоянно нацелен на борьбу, с жаром отстаивая и утверждая свои взгляды на литературу, на творчество того или иного писателя. И не только в печати, но и на разного рода конференциях, встречах, обсуждениях, выступлениях перед читателями. Иногда он бывает запальчив, резок, отстаивая «своего» автора, свое понимание его произведений. Но это тоже скорей от великой любви к литературе, от жажды истины и справедливости.

Вспоминается, как на одном из обсуждений годового комплекта «Сибирских огней» Николай Николаевич сурово выговаривал автору полемической статьи, опубли-

ликованной в журнале, за то, что тот, по мнению Яновского, после поверхностного прочтения астафьевской «Царь-рыбы» дал этой вещи в статье неверную оценку.

Однако это вовсе не значит, что Н. Н. Яновский ни при каких обстоятельствах не замечает художественных недостатков в произведениях любимых писателей.

О той же «Царь-рыбе», отдавая автору должное, критик скажет: «Можно, конечно, согласиться, что дневники Герцева и их чтение Элей и Акимом — не лучшие странички романа. И без этих литературно-философских упражнений Герцев ясен, их искусственность режет ухо».

А отставая шишковскую «Ватагу», Н. Н. Яновский тем не менее заявляет, что «условность «кожаных курток» перекликается с некоторыми условностями в образе Зыкова... И, пожалуй, в прямой зависимости находятся они от всего идеализированного образа Тани Пересветовой, уж она-то — вся условность, сказка».

И так же в полный голос говорит критик о недостатках некоторых произведений Л. Сейфуллиной (в частности, ее пьес «Полутчики» и «Наташа») — еще одного дорогого для него писателя.

Как видим, ради объективности, истинны Н. Н. Яновский умеет поднаться над личными своими пристрастиями.

Чем ближе знакомишься с творческой деятельностью Н. Н. Яновского, тем все больше задумываешься вот над чем: на каких корнях держится эта яркая, многогранная и цельная натура, какими истоками питается этот ясный и сильный талант? И откуда эта подвижническая преданность, верность литературе сибирской?

Ответ, казалось бы, лежит на поверхности. Достаточно вспомнить хотя бы вкратце некоторые факты биографии Н. Н. Яновского.

Родился он 6 декабря 1914 года в алтайском городке Камень-на-Оби в крестьянской семье. Трудовую деятельность после окончания семилетку начал... в библиотеке. А потом, вспоминает писатель, «меня почти двадцать лет «мотало» по стране». Был он и плотником, и каменщиком, и лесорубом, и бухгалтером, и шахтером. Работал на строительстве Туломской ГЭС в Карелии, а после окончания филологического факультета Ленинградского пединститута им. М. Н. Покровского учительствовал в сельских школах Ленинградской области и Нарынского края. Прошел Н. Н. Яновский и Великую Отечественную войну. В боях под Курском и Орлом был стрелком в танковом десанте, был контужен, а при форсировании Днепра под Киевом ранен. В 1944 году во фронтовой газете 6-й танковой армии он впервые выступил с очерками, популяризаторскими статьями, библиографическими заметками. Но систематически стал печататься с 1948 года в газетах Новосибирска. А в 1949 году появилась первая рецензия Н. Н. Яновского в журнале «Сибирские огни» (она была посвящена книге стихов И. Рождественского «С берегов Елисей», выпущенной в том же году в Красноярске), которую, видимо, и следует считать началом

профессиональной литературной деятельности критика.

Вот ведь сколько пришлось пройти, увидеть, пережить, прежде чем безраздельно посвятить себя любимому делу, окончательно осознать себя в нем! И, само собой разумеется, не будь этой основательнейшей жизненной подготовки, не состоялось бы скорее всего писателя Яновского, произведения которого непременно сопрягаются с жизнью, поверяются ею.

«Признаться, я теперь не жалею, — писал, вспоминая то время Н. Н. Яновский, — что моя мечта «сесть за книгу» не осуществилась сразу в ранние годы — ведь наверняка я не ощутил бы с такой полнотой жизнь родной страны, иначе представлял бы характер своего современника, да и себя вряд ли знал и понимал так, как надлежит знать и понимать каждому литератору».

Что ж, вопрос, вероятно, был бы исчерпан, касаясь он прозаика или поэта. Но мы ведем разговор о критике и литературоведе, а логика творческого становления представителей этой литературной «профессии» в силу специфики жанра имеет свои особенности. Во всяком случае про прозаика и поэта можно смело сказать, что он с молодых ногтей мечтал изящной строкой или захватывающим повествованием выражать свои мысли и чувства и не помышлял иного. Но еще никто и никогда с юных лет не стремился к горькому и, чего уж греха таить, неблагодарному хлебу критика. Даже, как известно, классики отечественной критики, которые начинали с чего угодно — драматургии ли, поэзии, — но только не с того, чему впоследствии посвящали жизнь и за что жизнь до капли отдавали.

Н. Н. Яновский в этом плане не стал исключением. Любовь к книгам проснулась в нем рано. «С тех пор, как помню себя, — говорит писатель, — я был неравнодушен к печатному слову». Но тут же и признается, что «не мечтал о профессии критика», зато «писать стихи и драмы начал рано». К счастью, ничего из этого не было опубликовано: литература без особого для себя ущерба лишилась посредственного стихотворца и драматурга, но зато, что теперь совершенно несомненно, приобрела несонизмеримо большее.

Бытует, к сожалению, мнение (даже иногда и среди литераторов), будто критик — это несостоявшийся прозаик или поэт. Однако те, кто полагает, что, например, из неудавшегося прозаика без особого труда может выйти литературный критик, глубоко заблуждаются. Слишком уж сложная и трудоемкая, требующая особого склада ума и характера эта область творческой деятельности. Критика — жанр синтетический, в котором соединены научное и художественное творчество, эмоции, чувства с логикой и анализом. Такое сочетание встречается далеко не у каждого, вот почему и критический талант встречается гораздо реже любого другого. Ну а что касается обращения критика в начале своего становления к жанрам сугубо художественным, то тут, на мой взгляд, все вполне закономерно. Прежде

чем овладеть мастерством критического анализа, научиться постигать произведение до самых его глубин, надо познать литературу не только чисто теоретически (выучить, скажем, литературоведческие истины), но и по силе возможности практически, то есть собственной (пусть и неудачной) творческой практикой (писание стихов, прозы и т. д.) постараться определить для себя узловые моменты процесса создания художественного произведения, собственной душой ощутить, как рождаются «невидимые миру слезы».

Собственное сочинительство имеет и более, так сказать, прикладное значение: оно развивает художественно-изобразительные возможности самого критика, разнообразит его палитру, позволяет ему в дальнейшей, уже литературоведческо-критической работе свободно и доходчиво говорить о самом сложном, а о слишком, казалось бы, сухом и скучном образно и интересно. А именно так, сочетая логику с чувством (не боюсь повторить это еще раз), пишет в своих статьях и книгах Н. Н. Яновский.

Вот поэтому, соглашаясь с тем, что «к счастью», стихи и драмы Н. Н. Яновского не увидели свет, можно сказать и другое: к счастью, он писал их. Может быть, именно благодаря этому мы имеем ныне не схоласта и бесстрастного фиксатора явлений литературного процесса, а художника и ученого, умеющего думать и писать о жизни литературы так же ярко, увлеченно, темпераментно, с такой же сердечной болью и трепетом, как и о жизни человеческой.

«Грандиозные исследовательские планы», по признанию Н. Н. Яновского, он начал составлять еще будучи студентом пединститута (он увлекался тогда Пушкиным, ему была посвящена первая его литературоведческая работа — «Маленькие трагедии А. С. Пушкина»), однако к непаханой целине своих тем и идей, к своей неизведанной земле пришел он сравнительно поздно: на пороге четвертого десятка.

А то, что целина эта существовала, подсказывал Н. Н. Яновскому его жизненный и читательский опыт. Еще юношей-библиотекарем познакомится он с творчеством многих из тех, о ком потом напишет монографии и статьи, выведет из разряда «незаслуженно забытых». А пройдя по трудовым и фронтовым дорогам страны, окончательно убедит себя в том, что сделанное ими не кануло в Лету, что давно пришла пора пересматривать и во многом дополнять литературную карту Сибири и литературную ее историю.

Постепенно накапливалась уверенность, что как раз ему и предстоит этим заняться. И в этом крепнущем ощущении, как мы сейчас убеждаемся, не было самонадеянности молодости, переоценки своих сил. Тем более, что в первые послевоенные годы, когда Н. Н. Яновский входил в литературу, в Сибири почти не существовало как таковой профессиональной литературной критики, и практически никто не занимался литературной историей края. Между тем уже к пятидесятым годам не-

возможно было себе представить современную русскую прозу без учета сделанного писателями-сибиряками: Вяч. Шишков, Л. Сейфуллина, П. Зазубрин, Г. Марков, С. Сартаков, А. Коптелов, С. Залыгин, К. Урманов и многие другие сибирские литераторы вписали яркую страницу в ее историю. А пробивалась к тому времени еще и новая литературная поросль не менее талантливая (В. Астафьев, В. Шукшин, В. Распутин...), вхождение и перспективы которой тоже надо было отразить и осмыслить. И Н. Н. Яновский решается взвалить на себя огромную ношу...

Я, правда, не стал бы, подобно Ю. Мосткову (см. его статью «Грани таланта» в кн. «Портреты») связывать этот шаг с некой предопределенностью судьбы. Не в судьбе, конечно, дело. Н. Н. Яновский шел к своему выбору вполне сознательно и определено, испытывая, несомненно, магнетическое влияние творчества своих земляков. Примериваясь то к прошлому, то к настоящему, то к классике, то к современности, он искал тот оптимальный вариант, в котором в полной мере мог бы и выразиться его многогранный талант, и его, этот талант, можно было бы с максимальной отдачей использовать для великого дела литературы. И Н. Н. Яновский нашел его, нашел в монолитном сплаве истории и современности. Не мог, наверное, не найти, не прийти, не вспахать свою целину, потому что хорошо знал и очень любил родину свою — Сибирь, ее людей, ее историю и культуру, не мог допустить, чтобы все это ушло бесследно, покрывшись пеплом забвения, чтобы новые поколения не знали своих корней, и потому еще, чтобы писатели новых поколений развивали и приумножали то, что было достигнуто до них.

С этой неубывающей заботой продолжает жить и творить Николай Николаевич Яновский на рубеже своего семидесятилетия. Но и не с ней единственной. С живейшим участием, пытливым заинтересованностью и надеждой он присматривается к робким пока росточкам будущего слоя литературы на различных областных и зональных семинарах, непременно руководителем которых он является, лучших из них рекомендует в Союз писателей СССР. Растит он и критическую смену. Наиболее талантливые его ученики и последователи (В. Коржев, В. Шапошников, Е. Цейтлин) давно уже успели завоевать репутацию оригинальных, вдумчивых, ищущих критиков.

А впереди, хоть и далеко не так он сейчас одинок, как когда-то, а целый отряд единомышленников за ним, — еще непочатый край работы, итогом которой будут новые литературные находки, открытия, новые статьи и монографии, книги — впереди продолжение захватывающего интересного плавания по литературному океану, которому, будем надеяться, не будет остановки.

¹ Западно-Сибирское кн. изд-во, с. 100.

Н. ЯНОВСКИЙ

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ РАНЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ Н. М. ЯДРИНЦЕВА

(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Н. М. ЯДРИНЦЕВА)

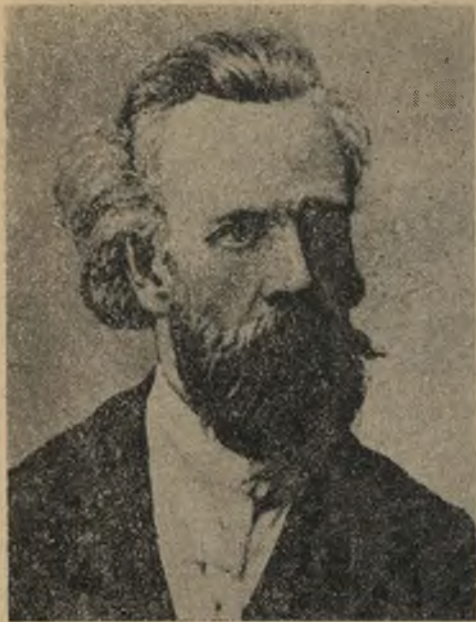
Выдающийся общественный деятель, ученый-путешественник и писатель Николай Михайлович Ядринцев прожил сложную и яркую жизнь, наполненную трудами, иногда, казалось бы, ему не свойственными. Журналист и писатель по призванию, он выступал как историк. К 300-летию присоединения Сибири написал и издал значительную для своего времени книгу «Сибирь как колония» (Спб., 1882 и существенно дополненную в 1892 г.); создавая свою первую книгу «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872), он шел по следам Ф. М. Достоевского, написавшего «Записки из Мертвого дома» о том же Омском остроге, в котором, спустя десятилетие, Ядринцев просидит три года. В этой книге он выступал как социолог, как историк и теоретик «тюремного дела» в России с широким его сопоставлением с теорией и практикой в ряде европейских стран. Он выступал в ней и как писатель, рисуя разнообразные и выразительные типы острожных жителей. Как художник Ядринцев уступает Достоевскому, но в отличие от него он многие страницы своего произведения посвящает сибирскому бродяжескому населению, исследует социальные корни бродяжества в России, взволнованно говорит о необходимости коренных перемен в тюрьмах, в утвердившейся практике «штрафной колонизации» Сибири. И при этом, как и у Достоевского, все у него проникнуто гуманистическим пафосом: не ужесточать наказания, наоборот, в каждом заключенном, преступнике видеть человека, и всей системой наказания способствовать его выздоровлению и исправлению. Он рисует народ в тяжких испытаниях, нередко искаженным нечеловеческими условиями существования, рисует людей подчас испорченных, но всегда с верой в силу народа, в его лучшее будущее. Много хорошего видел Ядринцев в русских людях самых разных социальных слоев, хотя и наблюдал их в необычном для них положении — тюрьмы и ссылки.

Эти произведения не были для Ядринцева временными, случайными. С самых ранних лет жизни он примкнул к передовым идеям века. Его памфлет «Петербург в его прелестях», написанный в 18 лет (он так и не увидел света при жизни автора),

целиком направлен против тех, кто, жестоко эксплуатируя «десятки тысяч работников в своих душных фабриках», живет в роскоши, бездельничает, развратничает и мечтает лишь об одном — о наградах. А первые печатные произведения, злые и остроумные фельетоны «Наша любовь к народу» или «Козни злонамеренных», появляются в журнале «Искра», в органе революционной демократии.

В Петербурге Ядринцев учится в университете как вольнослушатель. По его письмам этого времени и по многим другим документам и фактам — таким, как круг чтения, куда входила и революционная литература Герцена, Огарева и Чернышевского, как участие в студенческом движении, в кружке сибирского «землячества», выступления в «Искре», личное знакомство с Г. Н. Потаниным, руководителем «землячества», с Г. З. Елисеевым, активным сотрудником журнала «Современник», с В. С. Курочкиным, редактором журнала «Искра», — можно судить, что именно формировало молодого Ядринцева как писателя-шестидесятника. Возвратившись осенью 1863 года в Сибирь, он почувствовал себя полноценным представителем революционных сил России, и этим объясняется его убежденность, его смелость в публичных и печатных выступлениях в Омске и в Томске. Если коротко охарактеризовать ядринцевские печатные работы с 1864 и до мая 1865 года, до дня ареста, то следует сказать, что они наполнены жаждой решительных перемен в общественном строе страны («Принципом нового будет мир, цивилизация и свобода», — провозглашает он в «Томских губернских ведомостях»), духом интернационализма как необходимого условия равноправия народов («Быть может, скоро настанет век, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»), гордостью за русский народ, который в исторически кратчайшие сроки сумел «пройти» огромные сибирские пространства и утвердиться на них, наконец, верой в неиссякаемые силы народа.

Небольшая статья-отзыв «Новые потребности Сибири», сохранившаяся в бумагах следственной комиссии по делу отделения Сибири от России, примыкает к этим первым произведениям Ядринцева и

Н. М. Ядринцев

имеет принципиальное значение; в ней, в частности, отразились некоторые теоретические позиции Ядринцева и Потанина в самый канун их ареста.

Статья эта, предназначавшаяся для неофициальной части «Томских губернских ведомостей», вызвана «Письмами о Сибири» декабриста Д. И. Завалишина, опубликованными в «Московских ведомостях» в конце 1864 и в начале 1865 годов. Последнее письмо Завалишина появилось в феврале 1865 года, поэтому отзыв на статью можно отнести к марту—апрелю 1865 года, а в мае их арестовали. В бумагах следствия сохранился также черновик начала отзыва Потанина на выступление Завалишина, поэтому можно полагать, что статья Ядринцева была согласована с Потаниным, как и с другими участниками кружка, созданного вокруг неофициальной части газеты. Статья Ядринцева как человека, принимавшего участие в составлении прокламации «Патриотам Сибири» в 1863 году (он вместе с С. С. Шашковым ее редактировал), весьма показательна. В прокламации, например, выражено непреклонное убеждение, что земля в Сибири с момента ее присоединения принадлежит простому народу, это для молодого Ядринцева аксиома, не подлежащая какому-либо обсуждению, потому-то в прокламации писалось:

«Вся история Сибири ознаменована страшными насилиями и злодействами царского чиновничества да рядом политических и экономических стеснений. Присвоение себе народных земель (*подчеркнуто мною — Н. Я.*), захват целых гор, изобилующих драгоценностями, в казну, как Алтайских и Нерчинских, грабежи народа, разорение инородцев, сборы податей, идущих не на народные нужды, а на содержание воров и убийц народных — чинов-

ников, на обогащение царских любовниц и толпы шпионов, кабала целых сословий казной, как-то казаков и подзаводских крестьян, наводнение страны ссыльными преступниками, развращающими коренное население, стеснение торговли, создание частных и казенных монополий, в последнее время раздача земель чиновниками и покушение тем создать поземельную аристократию на угнетение народа и тысячи подобных преступлений — вот чем ознаменовало свое управление в Сибири русское правительство»¹.

Здесь со всей очевидностью сказано, что вопрос о «народной земле», которая то присваивается казной, то раздается с целью создать поземельную аристократию, то есть помещиков, — главный вопрос, волнующий сибиряков, выступающих против преступного русского «императорства».

Здесь явное неприятие «частных и казенных монополий», защита интересов бедного казачества и «подзаводских крестьян» от эксплуатации и требование все поставить под контроль «выборных» от народа. («Твердя о реформах», правительство «не дает народу заботиться о своих нуждах через выборных и вверяет судьбу его по-прежнему подлому чиновничеству, столько лет сосавшему народную кровь», — говорится тут же в прокламации.) Иначе сказать, речь идет об изменении в Сибири чуть ли не всей социальной структуры общества.

Чтобы понять важное значение статьи «Новые потребности Сибири» (а также и прокламации, которую правил Ядринцев), следует, пожалуй, сначала вспомнить то, что писалось об этом некоторыми историками.

«В сибирских прокламациях, — писалось, например, — отсутствуют совершенно положения о социальных преобразованиях, ничего не говорится об установлении после революции социалистического строя на основе крестьянских общин. В них имеется лишь положение о необходимости свержения самодержавия и установления демократической республики, но ничего не говорится о земельной собственности (*подчеркнуто мною — Н. Я.*), о путях развития экономики Сибири, все заменено расплывчатым обещанием «лучшего славного будущего». Это не случайно. Если даже рассматривать отсутствие вопроса о помещичьем землевладении как отражение специфики Сибири, то туманность и неопределенность в отношении будущих социальных преобразований не может не навести на мысль, что составители прокламаций не разделяли социалистических идеалов революционной демократии»².

Простым сопоставлением текста прокламации и цитаты из работы историка с

¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1865, ех. 196, лл. 23 и 24. Именно эта прокламация находилась в бумагах Ядринцева, которую взял кадет Усов у своего брата, она и была отобрана у него служителем Омского кадетского корпуса.

² М. Г. Сесюнина. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск, 1974, с. 35.

грозным и категорическим выводом легко установить, что о «земельной собственности» в прокламации говорится и достаточно и весомо, исходя из постулата, что «земля народная», что народ же на «выборных» началах должен «заботиться о своих нуждах». Однако историку, осуждающему прокламацию за то, что она не выдержана в духе «Коммунистического манифеста», этого показалось мало, и далее делается уже глобальное заключение:

«Отсутствие в прокламациях положений о необходимости социальных преобразований является доказательством либеральной основы мировоззрения главных идеологов и деятелей областничества» (там же, с. 35).

Требование «свержения самодержавия и установления демократической республики» в 1863 году не звучало и не могло звучать как либерализм, а относительно «основы мировоззрения» «главных идеологов областничества» историку тоже не следовало бы становиться на безоговорочную позицию, так как «Основы»-то не могут определяться лишь одним 1863 годом (не понятным, как мы убедились, при невнимательном прочтении прокламаций), они обнимают, так сказать, все 60-е годы, куда входит, например, и статья Потанина «Современный Яик» (1863), и своевременно не опубликованная статья Ядринцева «Новые потребности Сибири» (1865).

Прочитаем внимательно эту статью. Она не только принципиально важна, но и глубоко содержательна. В ней «главный идеолог областничества» Ядринцев отстаивает

преимущества «принципа социального», то есть коллективно-общинного владения землей в сравнении с «принципом индивидуализма», основанного на земельной собственности, как в Англии или в Америке; Ядринцев прямо говорит, что этот принцип «наверное, питает основы и в дальнейшем экономическом развитии народа», что он «проникает и в заводскую и фабричную промышленность». В этой статье он пропагандирует социалистические идеи, где слово социализм не упоминается, потому что статья писалась для легального органа печати; в сущности, Ядринцев пишет о социальном переустройстве страны на социалистических началах — общинных для крестьян, артельных для рабочих с обязательным самоуправлением. Разумеется, это пропаганда утопического социализма, но и в таком виде она опровергает далеко идущие выводы некоторых историков. Между тем В. К. Коржавин в статье «Проблема крестьянской общины в трудах Н. М. Ядринцева»¹ обращал внимание на эту значительную работу одного из «главных идеологов областничества», дающую более полное представление об их «основах мировоззрения» 60-х и в немалой степени последующих годов.

Статья Н. М. Ядринцева хранится в ГАОО (Государственном архиве Омской области), ф. 3, оп. 15, ех. 187536, лл. 1—9.

¹ Вопросы истории социально-экономического положения крестьянства Сибири XIX—начала XX вв. Новосибирск, 1974.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

НОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ СИБИРИ¹

Несмотря почти на трехсотлетнюю жизнь Сибири со времен начала ее заселения русскими, историческая роль ее далеко еще не выяснилась. Все распоряжения относительно ее носили не только случайный характер, но даже большую часть не соответствовали истинным потребностям страны. В прошлой истории не делалось никаких правильных наблюдений над внутренними условиями, из которых должны были возникнуть несомненные выводы для новой страны и ее населения.

В самом начале Россия стала смотреть на Сибирь как на страну, из которой можно добывать разные богатства и выгодно эксплуатировать ее. Сибирь являлась постепенно в истории то как источник снабжения России мягкой рухлядью, то как кладовая, из которой получается неистощимый дорогой металл — золото, то как транзитный путь для снабжения России

чаем, то как рынок потребления московских мануфактур, наконец, как штрафная колония, куда можно сбывать дурные общественные элементы. Понятно, что односторонность этого воззрения не осталась безвредным последствием.

Вот что говорит г-н Завалишин в первом своем письме:

«Что касается действий относительно Сибири, то известно, что на Сибирь всегда смотрели как на орудие, как на средство достижения других целей, чуждых краю, причем, разумеется, были приносимы в жертву и подрывались все жизненные условия края»².

¹ «Письмо о Сибири» Д. Завалишина. — Московские ведомости, 1864, № 217, 232, 265, 276; 1865, № 42 и 46.

² Подчеркнуто Н. М. Ядринцевым.

Постепенно накопившееся население не могло не терпеть от этого воззрения на страну и постоянно само было эксплуатируемо по мере своего заселения. Оно становится орудием для добывания богатств, служащих на пользу и благосостоянию другой страны.

«Что дело не идет тем правильным путем, — продолжает г. Завалишин, — разумного и исторического развития, это видно из общего состояния администрации, юстиции и образования, это видно также из того, что многие источники богатства края, довольства и благосостояния людей, как, например, золото, промышленность, обратились положительно во вред Сибири, богатств только немногих; что доходы казны дошли до громадных размеров (автор ссылается только на амурское дело, стоившее 30.000.000 руб., из общего же бюджета Сибири не видно этого); что казенное заведование распространялось на всевозможные операции, везде представляемые частной деятельностью, и притом в то время, как в Европейской России казна старалась отделяться от казенных фабрик и проч.»

Самые пронизательные администраторы, как, например, Сперанский, не могли стать на другую точку зрения. Известно, что и он смотрел на Сибирь как только на место ссылки. Желая искоренить злоупотребления местной администрации, он не понял истинных нужд Сибири и потребностей страны.

«Со времени положения о Сибири Сперанского прошло уже с лишком сорок лет, — говорит тот же г. Завалишин. — Этого времени совершенно достаточно для опыта. Организация, данная Сперанским, не говоря уж о том, что была основана на фикциях, в настоящее время еще более, чем прежде, не способствует предположенной цели. Сперанский ожидал от нее, что она заменит личное управление и личный произвол силою закона. Сбылись ли эти ожидания?»

Между тем как продолжали существовать старые воззрения на Сибирь как на место для эксплуатации страной, жизнь Сибири значительно изменилась, население почти в 4.000.000 заселило когда-то пустынные места, годные только для пушного промысла, рядом с ссыльными явились новые социальные элементы, именно промышленное свободное население, которые не могут совершенно согласно ужиться.

Страна начала вырабатываться в гражданское общество, имеющее целью местные интересы и непосредственное свое общинное благосостояние. Интересы этого общества становятся вразрез с принципами эксплуатации. Новое население требует своего гражданского существования, свободного всестороннего развития самобытных сил и отмены старого взгляда на него как на средство для улучшения быта других, ибо этот взгляд далеко не соответствует выгодам рождающегося гражданского общества.

Явление-то этой потребности гражданской жизни в истории Сибири подмечено г. Завалишиным.

9 Альманах «Алтай» № 4

«Край ссылки, — говорит он, — силится сделаться гражданственным, новые элементы вторгались в жизнь неукротимо, они требовали себе места в общем устройстве и правильных, признанных органов для их выражения и удовлетворения».

Этим новым гражданским существованием сибирского общества должна начинаться новая эра для Сибири; как естественные, так и социальные условия обещают многое в ее будущем.

Нам только приходится сказать несколько слов в опровержение того мнения, которое имело целью доказать, что Сибирь не способна к гражданской жизни и к восприятию населения и указать на некоторые принципиальные особенности условий ее социального быта как колонии.

Сибирь как славянская колония имеет шансы настолько же быстро и богато развиваться, как и все прочие колонии. «Колонии, берущие или пустующую или малозаселенную землю, достигают богатства быстрее, нежели всякие другие человеческие общества», — говорит Адам Смит, разбирая экономические условия колоний. В самом деле, в продолжении двух-трех веков колонии равняются, а нередко и превосходят метрополию. Новейшие колонии, как Северо-Американские штаты, Мексика, Бразилия и проч., ясно доказывают это. «Довольство и дешевизна добрых земель в колонии столь сильные причины благоденствия, что и самое дурное правительство едва ли может во всем воспрепятствовать их процветанию», — говорит Адам Смит.

О производительности Сибири судили до сих пор очень легковесно, предполагая, что она очень малопродуктивна. Г-н Завалишин опровергает это как лицо, долго жившее в Сибири. Он говорит:

«Что недостает Сибири, так это рационального труда, приложенного ко всяким отраслям хозяйства»; личные же его [наблюдения] относительно производительности сибирской почвы дали совершенно другого рода результаты. Он приводит свое наблюдение на Московской выставке сельскохозяйственных произведений, где он «был поражен и удивлен тем, что по части хлебных и овощных растений не нашел ничего, чего бы не имели в таком же и даже лучшим виде в Сибири».

Счастливые социальные условия Сибири тоже не ускользнули от г. Завалишина. Сибирь, избегшая крепостного права, дворянства и поземельной собственности, дает очень благоприятные надежды для будущего своего развития и представляет примеры¹. В этом случае она не только обставлена лучше России, но даже лучше других европейских колоний, говорит он.

Нередко приходится видеть сравнения Сибири с Северо-Американскими штатами, происходящие от поверхностного сличения этих стран как колоний. В сущности Сибирь совершенно разнится от Америки не только по своей связи с метрополией, но

¹ Население начало экономическую жизнь оседлого общества и уже создает заводские хозяйства. (Примечание Н. М. Ядринцева).

и по своему духу. Уж если подводить Сибирь к какой-то колонии, так это уж к Мексике с той только разницей, что ее социальные элементы совершенно другие.

Известно, что колонии всегда развиваются те начала, которые зародились в метрополии, но не могли найти должного широкого применения. Закон этот подтверждается на тех же Северо-Американских штатах.

Англия есть страна индивидуалистическая. Америка, избавленная от аристократизма, дошедшая до демократической республики, унаследовала и развила принципы индивидуализма. Стремление к личному обогащению-благоденствию, хотя бы в ущерб обществу, есть главная черта этого начала. И вся экономическая жизнь штатов основана на этом начале. Одним из главных признаков его служит личная поземельная собственность и фермерство, очень развитое в штатах. Между тем индивидуализм уже показывает свои вредные плоды в Европе и составляет одну из важных задач современной экономической науки, вырабатывающей лучшие начала общинного поземельного владения. Америке, так же, как и Европе, придется еще пережить эту важную реформу, конечно, не обойдущуюся без борьбы, и сменить принцип индивидуализма принципами социальными.

В России наоборот Западу развилась совершенно другая черта народного духа, черта чуть ли не единственно хорошая в русской жизни — именно общинное поземельное владение, исследованное одним из замечательных немецких социологов Гакстаузенем.

Если в России это общинное владение было искажено крепостным правом, а по освобождении крестьян изменилось в некоторых местах поземельным собственничеством бывших помещиков, то в Сибири оно получило самое широкое применение.

Сибирское крестьянство исключительно основывалось на общинном поземельном владении и до сих пор его держится крепко. В этом-то принципе оно находится и лучше Запада и лучше европейской колонии, не исключая и лучших из них Американских штатов.

Этот социальный принцип, наверное, питает основы и в дальнейшем экономическом развитии народа. Артельные начала, вносимые в ремесла, дают достаточное этому ручательство как склонность к более социальной организации труда (тут же другой вариант: «при более лучшей экономической организации»). Мы уверены, что этот принцип проникнет и в заводскую и фабричную промышленность. Так, сибирские прииски могут основываться на артельных началах с принадлежностью земли всем работающим, а горнозаводские работы на основах горнозаводских товариществ из рабочих.

Если Американские штаты явились осуществлением лучших принципов, выработанных наукой XVIII века, то Сибирь как новейшая колония может усвоить лучшие, более передовые результаты науки XIX века. Она может это сделать тем легче, что молодой народ только что начинает слагать свою гражданскую жизнь.

Публикация Н. Яновского

Геннадий ТАРАСОВ

Чары любви

Такую злую шутку со мной сыграть мог только он — Владька! С ним мы учились еще в школе — специализированной математической, увлекались радиотехникой, играли в одной команде в футбол. Но после института наши тропы несколько разошлись. Я увлекся ядерной физикой, а Владька, этот тихоня, стал выдумывать что-то для космической связи.

И вот читаю однажды отчет о международном симпозиуме: «Доклад советского ученого Карпова В. К. имел громадный успех...». Это о том самом Владике, который в пятом классе собрал собственной конструкции радиопередатчик и после уроков выходил на связь с бабушкой, которая за два квартала от школы ждала его позывные. Так вот теперь об этом Владике пишут, что он опять что-то выдумал, что имеет огромное значение в развитии космической связи.

Я достал свою записную книжку и нашел номер его телефона. Время было вечернее, и поэтому я позвонил домой. На звонок мне отвечает приятный девичий голосок:

— Владимира Константиновича дома нет.

— А вы не можете сказать, когда он будет?

— Звоните после 25 апреля.

И раздались короткие гудки отбоя.

Странно, думаю я, кто это говорил со мной? Или, вернее, с кем это я разговаривал?

С Владиком мы встречались нечасто, чаще телефонные разговоры. Но я хорошо знаю, что у него одна дама сердца — Радиотехника. Но... Нет! Если б он женился, то я бы знал. Так с кем же я разговаривал?

Я никогда не был сентиментальным, никогда не увлекался молоденькими аспирантками, работавшими в нашей лаборатории, но этот голосок... У меня до сих пор стоит в ушах, как в камертоне, этот голосок: «Звоните после 25 апреля». Ну, Владька, и здесь ты меня обскакал!

Хотел сегодня поработать, но, как видно, не получится. Выпил кофе. Уже сколько раз давал себе слово: на ночь не пить, и всегда получается наоборот.

Ладно, сегодня просмотрю почту, решаю, а завтра уж буду заканчивать расчеты.

Нет, и письма какие-то все скучные... Что делать? К кому-нибудь сходить? И сама собой возникла мысль об особенностях холостяцкой жизни. Наверное, пора. 36 лет. Теперь, кажется, есть возможность подумать об устройстве личной жизни. Вот закончу теоретический расчет, проведем испытание в лаборатории, на полигоне — и тогда...

А кто же эта девушка у Владика?..

— Простите, я не понял, когда будет Владислав Константинович?

— После 25 апреля.

— Извините, а вы... кто будете вы?

— Ученый секретарь Владислава Константиновича, — весенней каплей отозвалась трубка. И вновь короткие гудки.

Какая-то чертовщина! Ученый секретарь у Владьки дома! Ну что ж,

что он изобретает много нового. Но для чего ему ученый секретарь дома, когда он сам на симпозиуме где-то за тридевять земель? Нет, тут что-то не то. Домработница? Но ведь нет сомнения, что обладательница такого голоса молоденькая прекрасная девушка. Да и Владька не такой, чтобы держать домработницу. Интересно, какая она? Блондинка? Брюнетка?

Вот в нашем отделе (да что там в отделе, во всем институте!) не сыщешь девушек с таким голосом. И, наверное, скромна. Отвечает лаконично, вежливо. И глазки, наверное, не строит. Высокая, стройная! «После 25-го...» Это через восемь дней.

На следующий день, когда пришел в лабораторию, стал приглядываться к девушкам. В общем-то неплохие все, но... У Ларисы в голове только санатории и дома отдыха. Валюша всем хороша, но слишком мала ростом. У Веры голос басовит. Ольга не выдержанна и, конечно, заметила мою внимательность.

— Дмитрий Павлович, может, я основу неправильно взяла?

— Почему? Ошибка в исходных данных?

— Нет, я не заметила. Но вы так смотрите...

Это вернуло меня к действительности, пришлось извиниться. До 25-го, стыдно признаться, не хватило терпения, я позвонил еще раз, когда до приезда Владика осталось всего три дня.

— Здравствуйте. Владислав Константинович не приехал?

— Здравствуйте. Нет, еще не приехал. Звоните после 25 апреля.

Какая прелесть этот голос! Сколько в нем чистоты и грации! Не голос, а музыка Штрауса. Прямо записывай и на хранение в камертон.

— Спасибо, передайте ему мои поздравления.

— Благодарю вас. Что вы еще хотели?

— Я?.. Нет, ничего. До свидания.

26 апреля я решил навестить своего друга. Поздравить с успехом на симпозиуме, с предстоящими праздниками и... услышать и увидеть таинственную незнакомку. Мое воображение уже полностью создало желанный образ девушки. Это, несомненно, блондинка с голубыми глазами, высокая, стройная. Обладая таким голосом, несомненно, поет. Не жеманна. Не глупа.

На звонок мне открыл полутораметровый робот.

— Проходите. Владислав Константинович ждет вас, — сказал мне и отъехал к противоположной стене.

Затем, левой рукой указав на вешалку, хорошо поставленным баритоном, добавил:

— Пожалуйста, пальто и шляпу сюда.

Я начал раздеваться, а робот развернулся и поехал в комнату.

Оглядываясь по сторонам, ожидая чуда, я поплелся вслед за роботом. Владик по-холостяцки на кухне жарил яичницу с любительской колбасой, конфликтуя с рассерженной сковородой, которая шипела на него коброй. Признаков другой жизни здесь не чувствовалось. И только после рюмки коньяка я решился.

— Владик, а кого ты оставлял у себя, когда был на симпозиуме?

— Георга.

— Но со мной разговаривала девушка.

— Девушка? Сейчас выясним. Георг!

В комнате раздались звуки, похожие на те, когда перекручивают магнитофонную пленку. Затем послышались короткие гудки, как в телефонной трубке, и в дверях показался Георг — гордость и домашнее творение Владика.

— Георг слушает вас, мой учитель.

На голове Георга покачивался из стороны в сторону миниатюрный локатор. Микрофоны, по внешности напоминающие человеческие уши, расположились по бокам головы. На плечах матово зеленели фотоэлементы. На груди был динамик, напоминающий старинный щит. По-

движные руки заканчивались своеобразной кистью, а пальцы — гибкими щупальцами, которыми он мог свободно брать стакан с водой и подавать своему учителю. Георг стоял и мигал множеством разноцветных контрольно-сигнальных лампочек.

— Георг, у нас была девушка?

— Нет, мой учитель.

— Тогда кто же разговаривал по телефону с Дмитрием Павловичем? Ведь я прослушаю магнитофонную запись телефонных разговоров и все узнаю. Так что нет резона скрывать.

— Мой учитель! За время вашего отсутствия у меня перегорел транзистор ТР-286/17-П18 приемо-передаточного блока. Я послал сигнал «0» в Радиотехнический Центр, а пока ждал транзистор, мне одолжила свой приемо-передаточный блок наша общая любимица из 14 квартиры Жанна. Так как запоминающее устройство мое, а приемо-передаточный блок нашей уважаемой Жанны, то я отвечал все правильно, но женским голосом. И не далее как вчера в 4 часа 26 минут 48371 секунды московского времени известный вам мастер из Радиотехнического Центра Икар Г-Г-17 поставил мне новый транзистор, — невозмутимо ответил Георг и еще больше замигал разноцветьем лампочек, среди которых ярче других выделялись голубые плексигласовые глаза.

Владимир ТИТОВ

Кстати, о Сидорове...

Солнце как будто прилипло к зениту и уже который час подряд нещадно жгло. Оно вкалывало так, словно до конца квартала оставалось от силы два дня, и выполнение квартального плана по солнечным ударам было под угрозой срыва.

Голова моя кружилась от перегрева — не спасала и шляпа из газеты. Двухкопеечные монеты прилипли к взмокшей ладони.

Очередь к телефону-автомату ползла чуть быстрее почтово-пассажирского поезда, но явно медленнее черепахи.

— А в Японии, — неизвестно к кому обращаясь, лениво проговорил невысокий, но тучный мужчина, стоявший в очереди впереди меня, — автоматику хитрую придумали. Три минуты поговорил — и привет, телефон отключается. Хочешь еще говорить — снова плати. И почему у нас так не сделают?

Он протяжно вздохнул и поправил панамку из носового платка, прикрывающую лысину.

— Угу, — поддержал я светский разговор.

— Гы! Эт что! — пробасил разомлевший под жгучим светилом рыжий детина за моей спиной. — У нас телефон иногда и через полминуты отключается. А врежешь ему кулаком по кумполу, он и без денег работать начинает.

— Да... — протянул со вздохом невысокий, но тучный мужчина в носовом платке. — Каких только хитростей эти ученые не напридумывали.

Все замолчали, сочтя тему разговора исчерпанной.

Очередь сдвинулась на шаг, и невысокий, но тучный мужчина оказался в кабине телефона-автомата. Я засек время. Ровно через три минуты взмокший сосед в носовом платке вывалился из кабины с ошалелым взглядом.

— Безобразие! — заявил он.

— А что случилось? — поинтересовался я, занимая его место у аппарата.

— Отключили!
 — Как в Японии? — уточнил я.
 — При чем здесь Япония? — возмутился он. — Я буду жаловаться.
 — Гы, — сказал рыжий детина за моей спиной. — Ты б его по кумполу!..

Невысокий, но тучный мужчина окинул детину взглядом, мол, за кого ты меня принимаешь, и понуро побрел разменивать гривенник на двушки.

Сначала я позвонил в НИИ холода. Своему другу Сашке.

— Да, — ответил Сашкин шеф, заведующий отделом портативных холодильников.

— Будьте добры, — попросил я, — пригласите к телефону Александра Петровича.

— Извините, но его нет.

— Какая жалость, — сокрушился я. — А вы не скажете, где он.

— Испытывает в полевых условиях последнюю модель аппарата, разработанного нашим отделом.

— А когда он появится?

— Не раньше чем вечером.

— Жаль.

— Может, ему что-нибудь передать?

Я вспомнил старый анекдот и хотел попросить передать Сашке деньги, занятые мной у него на прошлой неделе. Я даже раскрыл рот, чтобы сказать это, но телефон отключился.

«Хорошо ему, — подумал я с завистью о Сашкином шефе, — сидит сейчас в своем кабинете, кондиционер ему умеренный климат выдает, а бедный Сашка «в полевых условиях» страдает».

Потом я позвонил в редакцию. Другу Ваське. Ответила его соседка по столам красавица-корреспондентка Ниночка. О ней Васька успел уже прожужжать все уши.

— Ниночка, — попросил я, — пригласи к телефону Васю.

— А Василия Семеновича нет, — проворковала Ниночка. — Он в командировке.

— Какая жалость. А ты не знаешь, над чем он сейчас работает?

— Он готовит критический материал о тех, кто нерационально использует рабочее время.

«У него богатый опыт в этом вопросе», — хотел сказать я, но телефон вовремя отключился.

Осталось самое трудное. Я позвонил в плановый отдел СМУ-26. Трубку взял старший экономист Федоров.

Я зажал нос двумя пальцами и прогундел:

— Будьте добры, пригласите младшего экономиста Сидорова.

— Сидорова нет. Он на совещании председателей первичных организаций не то общества спасения редких парнокопытных на воде, не то общества защиты пожарных от землетрясений.

Федоров хихикнул.

Я хотел сказать, что ему, Федорову, давно пора возглавить общество дубов-любителей с экономическим уклоном, но телефон предупредительно отключился. Сообразительный аппарат.

Я положил трубку и вышел из кабины.

Рыжий детина сказал: «Гы!» — и с ходу врубил телефону-автомату по кумполу. Может, для профилактики, а может, у детины просто не было двух копеек. Телефон дал сдачи. Стукнутый током детина долго и протяжно выл, улепетывая от кабины.

Утопая по щиколотки в горячем песке, я побрел в дальний конец пляжа.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил журналист Вася, ловко тасуя карточки.

Я поднял большой палец руки и, блаженно падая в тень пляжного зонтика, проговорил:

— О'кэй! Все спокойно. Разливай, Саша, следующую.

Инженер-экспериментатор Саша открыл опытный, еще не запущенный в производство переносной холодильник, и из облака белого пара извлек очередную заиндевелую бутылку портвейна «Агдам».

Кстати, о Сидорове... Сидоров — это я.

Владимир НЕХАЕВ

Дальше некуда!

— Далеко пойдете, — сказал Простодушкину директор, подписывая приказ о зачислении на работу. И начались производственные будни, научная деятельность Простодушкина.

— Что с главбухом? Мешки под глазами. Отпуском бы его побаловать, — судачили сослуживцы.

— Это с похмелья, — спокойно заметил Простодушкин. — Огуречик соленый — вот что ему сейчас поможет.

С этого дня главбух перестал с Простодушкиным здороваться.

— Опять Викеше не повезло, — шептались сослуживцы. — Фарцовщики на толкучке всучили не того размера джинсы. Ходит теперь по отделам, продает.

— Ерунда, — возразил Простодушкин. — У него брат в загранку плавает. Партиями эти штаны привозит, а Викеша сбывает. Неужто не знали?

На другой день Викеша обещал Простодушкину «испортить» фотокарточку. «Художник-ретушер выискался», — подумал Простодушкин.

— Лидочка с заплаканными глазами! Муж опять дебоширил, — сочувствовали сослуживцы.

— Муж в кинотеатре ее с каким-то молодым человеком застал, — объяснил Простодушкин.

С той минуты Лидочка в его сторону смотреть не желала.

— Посмотрите на Вадима Николаевича! Днем и ночью в отделе. Работает без отдыха, — сочувствовали сослуживцы.

— Доклад за нашего директора пишет, — уточнял Простодушкин. — Вчера он на минутку вышел, а я в бумаги заглянул. Скоро внеочередной отгул получит. Вот помяните мое слово...

На другой день директор подписал приказ об увольнении Простодушкина.

— За что? — удивился тот.

— Не сработались с коллективом.

— А говорили, что далеко пойду.

— Дальше некуда! — сказал директор и предупредительно распахнул дверь.

Новый вид спорта

В городе Н. чествовали чемпиона, сменившего за год триста шестьдесят пять мест работы. Чемпион, делясь опытом с товарищами, скромно рассказывал, как он добился рекордного результата.

— Работал однодневками. Утром подавал заявление о приеме, ве-

чером — об увольнении. На первых порах нелегко было. Этот вид спорта у нас новый — и все приходилось начинать с нуля, устраиваюсь на работу, а сам уже думаю о другой. Нигде долго не засиживался. Нравилась смена впечатлений, новые люди, окружение. Долгое время менял работу, но спортивной страсти еще не чувствовал. Относился к этому как дилетант. Затем вошел во вкус. Несколько лет тренировался. И все-таки понимал, одних желаний мало. Нужна поддержка. Основная трудность заключалась не в приеме на работу. Тут шло гладко. Рабочие руки везде нужны. Проволочки чинились при увольнении. Но в конце концов мне помогли. Директора и отделы кадров пошли навстречу. Увлёкся. Появился темп. Вот и стал чемпионом... Но, думаю, и этот рекорд продержится недолго.

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬМАНАХА «АЛТАЙ» ЗА 1984 ГОД

ПРОЗА

- ИТЦ Александр. Три рассказа. № 3.
УДЫК Феликс. Огненные пунктиры. Повесть. № 3.
АРЧЕНКО Владимир. Что-то не так. Повесть. № 4.
ОКОЛОВ Владимир. Заводские рассказы. № 3.
БЕВЧЕНКО Виталий. Последний тайфун. Повесть. № 2, № 4.
ИДАЛЕВИЧ Марк. Поэт. Повесть. № 1.

ПОЭЗИЯ

- БРИСОВ Михаил. На родине. Стихи. № 2.
ВЛЬФЕРЦ Сергей. Солдатская память. Стихи. № 4.
ИЗАКОВ Владимир. Хлеб на столе. Стихи. № 4.
КРПЕКО Владимир. «А жизнь идет...» Стихи. № 2.
КУЗОДОВ Владислав. «И долгий-долгий день...» Стихи. № 1.
КУИНОВ Николай. Из бездны бессмертия. Стихи. № 3.
ЛКТИОНОВ Николай. «Вообразить ты много волен...» Стихи. № 3.
МРЗЛИКИН Леонид. Вспоминаю все сначала. Стихи. № 1.
ЧРКАСОВ Николай. Простор полей. Стихи. № 4.

ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

- АДЕУЛОВ Виктор. Живет такой памятник. № 2.
ГРШАЕВ Василий. Крамольный просветитель. № 3.
КЛНИЧЕНКО Николай. Бронебойщики. № 2.
МРЮХА Николай. Белокурихинские контрасты. № 3.
НВСКИЙ Александр. Максимка Орлов. № 4.
СОКИН Юрий. Дорога к себе. № 4.
УКЧИН Борис. «...Верный мечте и труду». № 4.
ШСТНЕВ Николай. Целина далекая и близкая (К 30-летию освоения целины). № 1. Угловский эксперимент. № 3.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГОРШЕНИН Алексей. Подвижник сибирской литературы. К 70-летию со дня рождения Н. Н. Яновского. № 4.
ЗАБЕЛИН Павел. «Пусть душа останется чиста...». № 3.
КВИН Лев. Интернационализм советской литературы. К 50-летию со дня восстания австрийских рабочих. № 2.
КОЗЛОВ Константин. Поэзия, устремленная в завтра. № 1.
РОДИОНОВА Наталья. Не только развлекать, но и воспитывать. № 4.
СОБОЛЕВСКАЯ Наталья. Эстетическое богатство литературы и проблемы взаимодействия. № 3.
СУКАЧЕВ Вячеслав. Дебют состоялся. № 2.
ЧИЧИНОВ Валерий. Первый шаг. № 1.
ЮДАЛЕВИЧ Борис. Повторить жизнь. К 60-летию со дня рождения В. П. Астафьева. № 2.

ПОИСКИ, НАХОДКИ

- КУЗНЕЦОВА Л. 158-й получает имя. № 1.
САБЛИН Иван. Как жандармы Льва Толстого преждевременно хоронили. № 1.
САУНИН Семен. Еще раз о рисунке Пушкина (К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина). № 1.

САТИРА И ЮМОР

- КРАСНОВ Вадим. Мини-басни. № 2.
НЕХАЕВ Владимир. Рекорд. Дальше некуда. Юморески. № 4.
ТАРАСОВ Геннадий. Чары любви. Рассказ. № 4.
ТИТОВ Владимир. Кстати, о Сидорове... Рассказ. № 4.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

- ЧЕРКАСОВ Николай. Спаниель. Удод. Судачок. Медведь — строитель. Стихи. № 2.

50 коп.

На 1-й странице обложки фото
С. И. Пирогова «Вечный огонь»